

Тамара Шаркова

**СОСЕД
ПО ПАРТЕ**

Тамара Шаркова

Сосед по парте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69982702

SelfPub; 2023

Аннотация

Современная повесть о школьной дружбе людей из разных поколений. О бедах и радостях в семье и школе семиклассника Никиты Ивина. Болезнь мамы, дружба и ссоры с одноклассниками, нелюбимые уроки и любимые учителя, вынужденная жизнь с «опекуном», хроника современных событий в подъезде сталинской пятиэтажки, знакомство с трагическими страницами отечественной истории на занятиях в изостудии.

Содержание

«Вы же объясните мальчику...»	6
«Пока мама болеет, тебе нужно жить у кого-то...»	11
Призрак комнаты...	15
«Ну хоть какие-нибудь родственники у вас есть?»	19
Незванный гость	22
«Я с Лешей никогда не поссорюсь»	24
«Ты представить не можешь, как я ему рада»	27
Опять «Чужой в доме»!	30
Ночные разговоры	34
«А что, если он мой папаша?»	39
В библиотечном кружке	43
«Сосед по парте» и «соседи по столу»	46
«Прощайте, ребята, был рад с вами повидаться!»	48
«Главное в человеке не внешность, только...»	51
Мама возвращается домой!	54
«Зачем тебе доктор? Ты ведь выздоровела!»	58
«Пусть Марта скажет правду!»	63
В «Дубравке»	65
Это не выздоровление!	68
«Дерево держится корнями, а человек – друзьями»	71

«Без правды не жизнь, а маята»	75
Посылка из Новосибирска	80
«...представь, как нам будет хорошо, когда ты вернешься!»	84
Репетиция переезда к Марте	88
«Сосед по парте», явление второе	91
Решено. Я остаюсь дома с Градовым	97
Градов рулит	103
Новый опыт существования без мамы	110
Я срываюсь или, как говорит наша англичанка, «ly off the handle»	113
Я объясняюсь с Мартой и прихожу в себя	118
Неприятное событие в подъезде	121
У Соловецкого камня	125
Фотография из маминого детства	128
Мужик в капюшоне	133
Голубая птичка детских снов	136
Сближения и расхождения	140
Если дорожишь дружбой	145
Мы с Шишкаревым развлекаемся	148
Обида и примирение	152
Любимый урок	155
Градов в роли эскулапа	161
Катерина приносит странные новости	164
«Лечение с развлечением!»	166
Новые сомнения	171

«Мальчики, я скоро буду дома. Я вас очень люблю»	173
«Найди и исправь ошибку!»	177
Мы с Шишкаревым попадаем под раздачу вместе	181
«В решебник, значит, не заглядывал»	187
В школе и дома	190
Леша выполняет обещание	194
Градов объясняется с Марией «Планетовной»	198
«Тихая девочка Кира» в роли секретного агента	201
Нет ничего тайного, что не стало бы явным	204
Готовимся к возвращению мамы	207
Откровенные разговоры	209
Чего должен бояться интеллигент	213
«Обыскался я твою маму!»	215
Прощание	218

Тамара Шаркова

Сосед по парте

«Вы же объясните мальчику...»

Я оставил самокат внизу и взлетел на свой четвертый этаж, совершая на крутых поворотах лестницы немыслимые прыжки и пируэты. Ванда с Родькой ждали меня у школы, и на все про все оставалось четверть часа: закинуть рюкзак, схватить ролики, крикнуть маме «Я до шести!» и добежать до школы. Ключ я держал наготове, чтобы с налету вставить его в скважину, но не успел он коснуться замка, как дверь распахнулась и прижала меня к стене. Из квартиры, держа в охапке постельное мамино бельё, выкатилась упругая, как горошина, Галя-чёрненькая и покатилась на свой третий этаж. Ошарашенный увиденным, я выбрался из-за двери и попал прямо под ноги старшей по подъезду Варваре Ивановне, по прозвищу Варвара-Гроза.

– Куда?! – сказала она басом и схватила меня за воротник.

– Пустите! – заорал я. – Мама!

Но вместо мамы на пороге появилась соседка Дора со шваброй в руках. Смуглое лицо ее было сейчас цвета подсухой оливки.

– Ой, Кит, – сказала она. – Мамы нет. А сюда нельзя.

– Я его бабке твоей отведу. Дай ключи, – прогудела Варвара, обращаясь к Доре, и цепко ухватив меня за плечо.

– Да открыта у нас дверь. Только Вы же объясните мальчику.

– Объясню, – ответила Варвара и потащила меня в квартиру напротив. Там за дверью стояла Дорина мать престарелая Клавдия Ивановна Свижская, к имени или фамилии которой Варвара неизменно прибавляла слово «Мадам».

– Мадам Свижская, – обратилась она к соседке. – Приглядите за мальчиком, пока Дора приберется.

При этом она сделала такое движение, как будто вталкивала в квартиру загулявшего кота, и я в грязных кроссовках, к ужасу Клавдии Ивановны, оказался прямо в центре персидского ковра ручной работы.

– В больнице твоя мать, – сказала Варвара, уже поворачиваясь спиной ко мне. – пока побудешь у Доры, а там видно будет.

Когда дверь за старшей по подъезду закрылась, Клавдия Ивановна, прижав левую руку к груди, правую вытянула перед собой и сказала дрожащим голосом:

– Никита, сойди, дружок, с ковра! Дора только что почистила его манной крупой!

Ошеломленный всем происходящим, я посмотрел по ногам и увидел, что стою одной кроссовкой на спине охотничьей собаки, а другой на рогатой оленьей голове. Я сделал большой шаг и очутился на надраенном до блеска старом дубо-

вом паркете.

– Что с мамой, Клавдия Ивановна? Почему – «в больнице»?

– Если ты не хочешь снимать обувь, мальчик, то можешь присесть вот тут на пуф, – сказала старушка. – и подождать Дору.

Она повернулась ко мне спиной и, делая маленькие аккуратные шаги, прошла в свою комнату.

Я выскочил на лестничную клетку, попытался открыть свою дверь, но она была заперта изнутри на задвижку, и Дора не откликнулась. Тогда я бросился вниз к Гале-черненькой. Дверь открыла Анжелка, перевязанная на груди шерстяным платком матери. Она училась со мной в одной школе, только во втором классе, и обычно до шести часов была на продленке. Но сейчас Лика болела и портила выходной день матери своим нытьем: «Мам, мне скуучно!»

– Мам! – позвала Анжелка. – К нам Кит пришел!

Галина вышла из ванны, вытирая на ходу покрасневшие руки, завела Лику в комнату и кивнула в сторону кухни: «Проходи, Кит!»

– Ты чего у Доры не остался?

– Она в нашей квартире закрылась. А бабка ничего не говорит. А почему Вы мамино белье стираете?

– Ну, положено так. Когда в больницу.

– А почему не в стиральной машине и в холодной воде?

– С чего ты взял, что в холодной?

– Так у Вас руки покраснели. А стиральная машина – вон, пустая.

– Дотошный ты Кит! Ну, положим, я перед стиркой всегда таким образом белье прополаскиваю.

– У твоей мамки все простыни в крови были запачканы, вот почему в холодной, – вмешалась Анжелка, выглядывая из комнаты.

– А ну брысь, злыдня! – закричала на нее Галина.

Я осел на стул.

– Почему в крови? – спросил я, еле ворочая языком. – Убили?!

– Типун тебе на язык. Женское это. Бывает у женщин в этом возрасте. Переливание крови сделают, и через неделю будет, как розанчик. Господи, да ты сам без кровиночки в лице.

И Анжелке:

– Уйди с моих глаз!

Дрожащей рукой налила мне воды из чайника.

– Выпей!

Я пил противно теплую безвкусную воду и весь трясся.

Галина гладила и гладила меня по спине.

– Ты ничего такого не думай, обойдется!

Я встал.

– Ты куда?

– К маме на работу. У нее дежурство завтра.

– А может к Доре?

– Нет. Мне предупредить надо. Чтоб не ждали. А в какую больницу маму отвезли?

– Так кто же знает, сказали в дежурную. Пусть в библиотеке выяснят. Там же все грамотные.

Выходя из подъезда, я споткнулся о свой самокат, постоял над ним с минуту, а потом со всего размаху толкнул входную дверь и побежал.

«Пока мама болеет, тебе нужно жить у кого-то...»

Заведующая библиотекой, где работала моя мама, сразу же села за телефон и начала обзванивать больницы и узнавать, куда скорая помощь увезла «Ирину Ивановну Ивину 43 лет из дома 12 на улице Слободской».

Заведующую звали Марта Яновна, а за глаза – «наш климат-контроль», «Марта» «Декабрина» или «Мая» – в зависимости от месяца года и ее настроения.

Я в это время сидел в архиве, пил горячий чай из маминной китайской кружки с павлинами и жевал домашний бутерброд Кати из отдела периодики. Катерина, у которой в зале не было ни одного читателя, сидела рядом и теребила от волнения край клеенки. Она пришла в библиотеку, когда я учился в третьем классе, и была старше меня ровно в два раза. Теперь я стал на три года старше, а возраст Кати, по словам заведующей, не изменился.

Наконец Марта Яновна пришла в архив и рассказала мне все, что узнала. Я хмуро молчал, а Катерина спросила:

– А эта больница далеко?

– Во всяком случае не за МКАД-ом.

– А что такое реанимаци-он-ное отделение?

– Отделение интенсивного лечения!!! – уже раздражаясь,

ответила заведующая. – А ты, Никита, что скажешь?

– Когда к ней можно?

– Не ответили.

– Тогда дайте мне, пожалуйста, телефон врача, я в мобильник забью. Вы ведь сказали, что маме звонить нельзя.

– Да, конечно, вот я здесь все записала, – она протянула мне листок. Рука была худая с выпуклыми венам в пигментных пятнах. Совсем как у тети Гали-французской со второго этажа, которая называла такие пятна «розами старости». И я впервые подумал, что Марта Яновна гораздо старше мамы, настоящая старушка. Раньше я этого как-то не замечал.

Подошла Серафима из отдела абонементов. Она не ела продуктов животного происхождения, летом в любую погоду ходила под японским зонтиком, панически боялась насекомых, но при всем этом отличалась здравым смыслом и даже некоторой практичностью.

– Никита, – сказала она. – Пока мама болеет, тебе нужно жить у кого-то или с кем-то из взрослых. Ты не подумал об этом?

Я посмотрел на нее и отвел глаза. Мне совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, о чем я думаю. Уж конечно я не собирался жить в каком-то чужом доме, но войти в мамину комнату, где Дора наводила порядок...

Неужели нельзя остаться в библиотеке и ждать, пока мама не вернется, и все будет, как раньше. Ведь это мой второй дом с того времени, когда не стало бабушки Мани. Я

даже читать научился, запоминая большие буквы алфавита, которым помечали стеллажи и определяли порядок расстановки книг: А – Абэ, Азимов, Андерсен, Б – Барбюс, Блок и так до Я – Ясенского Бруно. А в третьем классе уже помогал записывать названия книг в формуляры. Тогда в библиотеке работала Марина – настоящая «плакса Миртл». Она была очень медлительной, и возле абонемента часто выстраивалась большая очередь. Марта Яновна сердилась, Марина уходила за стеллажи и начинала рыдать. А я сидел на ее месте и, пока она не успокаивалась, делал ее работу.

В библиотеке есть диван, чайник, микроволновка и книги. Что еще нужно?! Но об этом даже заикаться нельзя. Серафима скажет: «Можно, конечно...» А потом добавит ядовито: «Если в целях профилактики, рядом с библиотекой будут дежурить пожарники». А заведующая даже слушать не станет.

– А Катя может у нас пожить, пока мама не вернется? – произнес я, наконец, поворачиваясь в сторону Марты Яновны.

– Катя? Ну, это у неё нужно спросить. Но ты бы мог поехать со мной. Михаил Маркович был бы рад.

– Марта Яновна, – вмешалась Серафима. – И как это он будет из Вашего Бутова каждый день в школу ездить?! На такси?! Уж лучше к нам с мамой. Полчаса автобусом и тут. И мама всегда дома и всегда накормит. Не чипсами этими, которые инвалидом его скоро сделают, а настоящей домаш-

ней едой.

– Салатом из одуванчиков и «фальшивым зайцем», – фыркнула Катя.

– Я, конечно, рада за тебя, Катерина, что ты осилила, наконец, первый том Ильфа и Петрова, – язвительно сказала Серафима. – Но Никите в его возрасте нужно нормально питаться. Он же такой худой, что его в профиль не видно!

– А спать, где он у вас будет? Под столом в кухне? – парировала Катя.

Призрак комнаты...

– Так, девочки, давайте по местам, а я с Никитой пойду посмотрю, что там в квартире делается, и с соседями поговорю, – сказала заведующая официальным тоном. Оксана поправила пуговицу на своем синем рабочем халате с белым воротником и возвратилась в абонемент. А Катя еще немного постояла и повздыхала, пока Марта Яновна не посмотрела на нее особенным взглядом.

– Ну да, – перевела его для себя Катерина вслух. – На работе нужно заниматься своим делом.

И исчезла за стойкой абонемента.

– Ключи с тобой? – спросила заведующая, едва справляясь с одышкой, когда мы поднялись на четвертый этаж.

– У меня, – ответил я, не торопясь доставать их из кармана.

– Дай мне!

И стала перебрать связку с тремя ключами от почты и дверных замков.

– Этот от верхнего?

Я кивнул.

Заведующая неловко вставила длинный ключ в скважину, где он застрял и не проворачивался. Я молча стоял рядом, не проявляя никакого желания помочь.

В конце – концов ей пришлось выдернуть ключ из замка,

что она сделала с явным облегчением.

– Послушай, Никита, а может мы сперва поговорим вашей соседкой, которая провожала маму в больницу?

Я кивнул, и мы позвонили в дверь Доры. Сперва я – коротко, потом заведующая – длинно.

Когда Дора поняла, кто со мной пришел, она взяла у Марты ключи, и минуты не прошло, как мы очутились в нашей квартире: Дора, заведующая и я как замыкающий.

Я любил, когда мама оставляла меня дома одного. На несколько часов, вечер или даже целый день. Вроде бы я занимался тем же, что делал при маме, и все же это было что-то вроде каникул. И еще... когда мама приходила, мы в первые минуты как бы менялись с ней местами. Я брал у нее сумку, целовал и бежал на кухню ставить чайник. А она говорила мне вдогонку, просительно так: «Можно мне кофе?» Я возвращался в прихожую и строго отвечал: «Только растворимый!» Года три назад это была такая игра, а теперь я чувствовал в такие моменты, что нужен маме по-настоящему. Но вот сейчас, переступая порог квартиры вслед за Мартой Яновной, я превратился в гнусного малолетку и готов был разреветься от того страшного и непонятного, что забрало из дому маму. Вслед за Дорой мы все сразу же гуськом прошагали в «большую комнату», где стоял мамин диван, и остановились. Дора повернулась к заведующей лицом и сказала: – Я ей пижаму в сумку положила, а если ночнушку нужно будет, то у меня новая есть. Не покупайте.

– Да-да, спасибо, – вежливо-официальным тоном ответила Марта. – Мы завтра свяжемся, узнаем.

И мне:

– Никита, ты пойди разденься, а мы с Дорой... – она не договорила, не знала как быть с отчеством. Я не стал дожидаться окончания фразы, резко развернулся и вышел, а заведующая плотно закрыла за мной дверь. Пока снимал куртку, думал, что вот Дора убрала в комнате, и она стала чужой. Призрак комнаты... Совсем не по-маминому лежали подушки на сложенном диване, поменялись местами наши разнокалиберные стулья. Один из них был чем-то вроде тумбочки, и на нем всегда стояли всякие мамины флакончики, лежала записная книжка, блистеры с таблетками. А через спинку второго обычно был перекинут теплый платок или махровый халат. Теперь они парадно стояли спинками к окну, и сразу было ясно, что между ними целая эпоха. Один (для халата) бабушки Мани, венский – с двумя гнутыми дугами для спинки. А другой – икеевский – из прямых брусков. Как будто к простой некрашеной табуретке приделали спинку, похожую на помочи для детских штанишек с перекладиной между ляжками. Так мама говорила. Кресло-кровать тоже повернулось не в ту сторону, и стал виден свисающий конец матраса, неприкрытый пледом. Только со «Стенкой» из книжных полок, встроенного гардероба и «барчика» для бокалов и чайной посуды никто не смог бы ничего сделать. Мой двоюродный дед собрал её сам, и она была прикреплена пря-

мо к стене. Когда наш дом, наконец, расселят, она останется одна в пустом здании. И о том, что станет с ней дальше, мы с мамой стараемся не думать. В нашей «большой комнате» есть еще круглый раздвижной стол на толстой фигурной ножке, родственник венскому стулу, и четыре пуфа, подаренные Мартой, когда она переезжала на новую квартиру. Мне всегда казалось, что предметов в ней вполне достаточно. А вот теперь, когда мы стояли втроем на ее пороге, комната показалась на удивление пустой и... чужой.

Слава богу, с беспорядком в моей берлоге все было о' кей: Дора в нее не заглядывала. Я бросился ничком на диван и подумал: «Скорее бы они ушли. Все равно, кроме как «все будет хорошо», ничего не скажут». Но Дора с заведующей еще долго о чем-то говорили, а потом пошли на кухню. Наконец заведующая открыла дверь в мою комнату, но заходить не стала. Я поднялся.

– В холодильнике все есть. Катерина придет – поужинаете, – сказала она твердым голосом. – А дальше видно будет.

«Ну хоть какие-нибудь родственники у вас есть?»

Не успел я отойти от двери, как в нее позвонили. Я думал, Марта забыла что-нибудь – очки, перчатки. Но это была тетя Наташа с первого этажа, и в руках у нее была кастрюля, обернутая полотенцем. Она быстро прошла на кухню, поставила кастрюлю на плиту.

– Оксана борщ с грибами сварила, а я завтра – с мясом. Ты дома будешь ночевать или пойдешь к кому?

– Дома. Ко мне Катерина придет, с маминой работы.

– Она у вас в прошлом году жила, рыженькая такая? Да?

– Ну да, жила.

– Так пусть обеды не готовит. Я, значит, завтра свой борщ принесу на два дня. А потом Джамия плов сделает. И ты давай все делай, как при маме, дом держи в порядке. На ночь носочки снимешь, постираешь мылом, высушишь на батарее. В больнице сейчас долго не держат, но дней на десять маму оставят.

– Теть Наташа, а что это у мамы такое... я видел, как Галя-черненькая белье стирать уносила.

– Маме сколько, уже за сорок? Что у девочек каждый месяц бывает, так об этом даже мой Сашка с первого класса знает. И ты в курсе. А у взрослых немного может нарушать-

ся.

– Просто так?

– Ну, может, подняла что тяжелое. Или нервы какие. Неприятность. А она в себе держала. По всякому бывает.

Тетя Наташа вздохнула, помолчала, а потом вскинулась, как бы внезапно вспомнила что-то очень важное:

– Послушай, Никита, а у вас хоть какие-нибудь родственники есть? Дядя, тетушка, двоюродные... (она произнесла, «двоюродные»)?

Я покачал головой.

– А ты как будешь ее навещать, все-таки спроси. Может чего-то она до времени не рассказывала, о ком-то, кого до тебя знала и кто мог бы вам сейчас помочь. Если мама в больнице... задержится, тебе, Никита, опекун понадобится. Полагается так... до четырнадцати. Так лучше бы из маминых близких.

* * *

Маму перевели в общую палату на третий день, и разрешили ее навещать. Все эти три дня я представлял себе, какой ее увижу, думал, о чем скажу, и все в моей жизни разладилось. Пока о маминой болезни никто не знал, я еще держался. Но наша Варвара-Гроза знакома с матерью Аньки Вошковой, и та сообщила обо всем классной. Началось всеобщее внимание, и меня понесло. Я огрызался и грубил по любому

поводу. Ванда сказала, что я озверел, и перестала со мной разговаривать. Родька, после моего очередного «отстань!», пожал плечами и покрутил пальцем у виска. Катерина вечером пыталась меня развлекать, звала смотреть какое-то «мыло» по телику. Я не нашел ничего лучше, как сказать ей, что это дерьмо в нашем доме не смотрят. Она ничего не ответила, но телевизор выключала, сняла с полки первую попавшую под руку книжку и села читать. Судя по обложке, это было «Былое и думы». Ну, просто в точку!

Родственников у нас не предвиделось, но один близкий в «былом» у мамы был. В общем, оставил я Катерину наедине с Герценом, завалился у себя в комнате на диван и стал сыпать соль на рану и вспоминать, как я с ним познакомился.

Незванный гость

Я в тот день прибежал домой, открыл дверь, бросил рюкзак на пол и с порога позвал: «Мам!». Никто не ответил. Но я точно знал, что она должна быть дома! Я рванул на кухню и застыл. У стола стоял мужик в черном джемпере и джинсах. Высокий, накачанный с короткой стрижкой. Повернул голову. Глаза молодые, темные, а волосы серые от седины.

– Нету мамы, скоро придет, а ты, значит, Кит? Ну, здравствуй!

Никогда в жизни в нашей квартире мужиков не было. В библиотеке все женщины. А в подъезде постоянно живут только двое мужчин: я и Симон Александрович, муж тети Гали-французской со второго этажа. И у меня такое чувство... ну, как будто он мне соперник, что ли. Вот стоит чужой на моей территории.

– Что молчишь? Что тебе от мамы надо? Куда спешишь?

Так заговорил со мной, как будто мы давно с ним знакомы. И я вдруг, как идиот, ответил: «В музей!»

– Мама знает?

– Да.

– Деньги нужны? Сколько?

И я опять, как под гипнозом: «Сто!»

Он руку в карман джинсов засунул и вынимает деньги. Не кошелек, а просто бумажки какие-то скрученные. И протя-

гивает сто рублей. А я беру и убегаю. И так мне паскудно на душе. Шишкарев меня спрашивает после экскурсии:

– Видал археоптериксов?! Это значит у Савельевой не попугайчики, а три потомка динозавров в клетке живут!

А я не то что археоптериксов, я скелета мамонта как бы и не видел. Все думал, что это за мужик. А вдруг он бандит! Как меня зовут знает, а себя не назвал! Но вспомнил, что на столе две тарелки стояли и возле одной мамина чашка. И все равно, деньги эти отвратительно так лежали в кармане. За билеты родители платили заранее, а эту сторублевку я на развлечения хотел потратить. Шишкарев купил мороженое у метро. Ванда говорит мне: «Кит, у меня двадцатки не хватает. Заплати за двоих». А я не могу к этой проклятой бумажке прикоснуться. Ванда: «Ты что? Жлоб? Ты же за деньгами домой бегал!». «Не было там никого», – отвечаю. И, что странно, не стал звонить маме. А что еще «странней» – она мне не позвонила! Кит в стране чудес!

Поднялся я к себе на этаж, вынул ключи, прислушался. Тихо. Тут у Доры дверь начала открываться. Я быстро ключ в замок, прошмыгнул в переднюю и тихо дверь прикрыл. И чувствую – в квартире никого. Не раздеваясь, прошел в кухню. А там никаких следов, что кто-то был и что-то ел. Вот только возле мойки стоят три чашки. Не две, а три. Мамина, моя, и еще та, что тетя Галя-французская подарила.

И сразу же мобильник в рюкзаке зазвонил. Вот почему от мамы звонков не было!

«Я с Лешей никогда не поссорюсь»

– Наконец! – сказала мама и прямо в трубку вздохнула с облегчением. – Ты где? Почему не отвечал?

– Я дома, – сказал раздражено. – а вот ты где? У тебя же выходной!

– Серафима заболела, приду после семи.

– А что за мужик у нас дома был? Он кто?!

– Алексей... Алексей Николаевич. Школьный друг.

И с досадой какой-то: «Мужик! Тоже нашел определение! Ладно, поговорим, когда вернусь».

Я разделся и обошел всю квартиру. Чужих вещей не было. Я вздохнул с облегчением: как пришел, так и ушел! А радоваться, между тем, было рано. Мужик этот, «школьный друг», заявился к нам почти сразу после прихода мамы. Ввалился, держа в руках огромные пакеты, и сразу же мне их протянул:

– Давай, Никита, неси на кухню.

А маме:

– Арин, я еще в одно место забежать должен, вернусь часа через два. Не поздно? Может, ключи дашь?

– Дам, но ты не волнуйся, мы в это время еще не спим, – и отдала ему **МОИ** ключи!

Мама стала разбирать пакеты, а там чего только ни было: от картошки до товаров всего гастрономического отдела.

– Мам, он что, ночевать у нас будет? – спросил я, хотя ответ был понятен.

– Ну да, пока в командировке. Поставим кресло-кровать у тебя в комнате. Мы же с тобой там неплохо размещались при бабушке Мане.

– Вообще-то, я это плохо помню, и, все-таки, одно – это мы с тобой, а другое – я с чужим человеком.

– Алешка не чужой! Мы с ним десять лет на одной парте просидели.

– ТЫ – просидела, а не Я!

– Кит, ну что ты дикий какой-то. А если бы к тебе Родька приехал, он что был бы твоему сыну чужой?!

– Ну, знаешь, к тому времени, когда у меня будет сын, мы с Шишкаревым тысячу раз поссоримся, и я видеть его не захочу!

Мама вздохнула, обняла меня за плечи и стала целовать куда-то за ухом. Терпеть этого не могу! И я стал выкручиваться: «Мам, не надо!». А она обиделась и сказала:

– Я с Лешей никогда не поссорюсь. Придется тебе, Кит, не быть таким эгоистом и немного потерпеть.

В этот день «школьный друг» пришел, как обещал, в половине десятого. Я из своей комнаты не вышел, а они с мамой устроились на кухне, пили чай и разговаривали. В половине одиннадцатого мама заглянула ко мне и задала дурацкий вопрос, которого я не слышал со второго класса:

– Кит, ты уроки сделал?

Я оторвался от монитора и хотел ответить соответствующим образом, но за ее спиной стоял этот... Алексей Николаевич, и я промолчал. Она поняла мое молчание правильно и сказала примирительно:

– Ладно-ладно, но ты ложись, уже поздно.

И они опять пошли на кухню. По дороге...этот... сказал:

– Он что, как я?

– Ничего подобного, – почему-то возмутилась мама. А он ответил:

– Значит, тебе повезло.

Кресло в моей комнате уже стояло. Я лег в постель и стал думать, ждать мне, пока этот школьный товарищ будет укладываться спать или нет. В закрытом пространстве с чужими людьми я спал только в поездах. Если в купе попадались мужики или тетки, которые храпели, – это было ужасно. И я всегда старался поскорее заснуть, пока они меня не опередили. С другой стороны, как-то неприятно было знать, что кто-то чужой будет видеть тебя спящим. Раньше я не думал, как выгляжу во сне. Может, у меня рот раскрыт или еще что-нибудь со мной происходит. А теперь забеспокоился. Решил, что буду читать и ждать. Взял с собой «Хоббита», но, на всякий случай, повернулся лицом к стенке.

«Ты представить не можешь, как я ему рада»

Когда я проснулся, было четверть восьмого, и я вспомнил, что забыл настроить будильник. Кресло стояло, как вчера, а на нем стопкой лежало чистое бельё. Похоже, никто его не раскладывал. Не одеваясь, я на цыпочках пробежал на кухню. Мама сидела за столом у окна и маленькими глотками пила кофе. На плечах – белый вязаный платок бабушки Мани. Из окна ужасно дуло. Деревянные рамы во всем доме были с такими щелями, что как ни заклеивали и ни затыкали их ватой или поролоном, задувало так, что огонь на газовой плите исполнял пляску святого Витта. Но никто, кроме Симона Александровича, так и не вставил у себя в квартирах пластиковые окна. Все десять лет моей сознательной жизни жильцы нашего подъезда сидели на чемоданах и готовились к расселению.

«Каждому свое! – говорила Галя-черненькая. – Симону Александровичу дороже здоровье, а мне деньги. В новых домах все окна пластиковые».

– Он ушел? – спросил я и перегнулся через мамино плечо. Мне нравился запах кофе.

– Угу, – прогудела мама. И я побежал умываться. Все равно, пока мама не выпьет свой кофе, она и слова не скажет.

У нее давление низкое, и только после второй чашки мама оживает, как бабочка после зимнего сна. Начинает двигаться, крылышками махать. И не успел я умыться, как чайник уже свистел, а на тарелке лежал омлет.

– Мам, ты сегодня как всегда? А этот?

– Ки-ит, – протянула мама с обидой. – Ну, почему «этот»? Не хочешь по отчеству, можешь звать «Алексей», он не обидится. Ты представить не можешь, как я ему рада.

Я ничего не ответил. Что бы я сказал? Что при этом мужике я себя в доме гостем чувствую? Так мне и самому непонятно, почему так. Он мне ни в чем не помешал. Вот даже сто рублей дал. Придумывай теперь, как мне ему их вернуть! Я весь урок биологии сидел и план разрабатывал: то ли мне через маму ему бумажку эту отдать, то ли как-нибудь положить и сказать, спасибо, мол, но не пригодилась. Не в руку же совать! «Инафузория» в это время про малярийных комаров рассказывала, как их от безвредных отличить. Класс все время развлекался. Кто-то жужжал, кто-то трясся в малярийном ознобе. А Ванда повернулась ко мне и спрашивает:

– Кит, у тебя с воображением хорошо?

– Ну?

– Представь, что грызешь лимон.

– С какого бодуна?

– Ну, представь.

Не хотел я ничего представлять, но от одного слова «ли-

мон» у меня сразу же оказался полный рот слюны. Пришлось губы рукой вытирать.

– С воображением у тебя все хорошо, – сказала Ванда.

– Зато у тебя с соображением плохо, – ответил я и толкнул ее линейкой в спину. Она взвизгнула так, как будто это был удар рыцарским копьем. И Инна Ивановна, конечно, сразу же набросилась на меня, как сапсан на добычу. А кончилось все тем же:

– Не носишь галстук, то хотя бы пуговицы на рубашке застегивай! А то сидит здесь, как свободный художник, *расхристанный* весь!

Нашла образное словечко!

Форма у нас в школе вполне пристойная: бордовые джемпера или безрукавки безо всяких опознавательных знаков и темные брюки. Но вот обязательно нужно носить светлую рубашку и галстук. Я сразу же заявил, что удавов и бабочек носить на шее не буду. Первой четверти прошлого года мне хватило, чтобы договориться со всеми учителями, кроме ИнАфузории. А она по-прежнему сражается со мной при каждом удобном случае.

Опять «Чужой в доме»!

Когда дверь в нашу квартиру открылась после одного поворота ключа, я понял, что «Чужой в доме» (кстати, старые детективы, которые так любят пересматривать мама и Марта, – это та-акая скука!). Я тихо открыл дверь и почти бесшумно проскользнул внутрь, но незваный гость наш уже стоял на пороге кухни, засунув руки в карманы облегающих джинсов и смотрел на меня, наклонив голову.

– Привет, Никита.

– Здравствуйте, – пробубнил я, стягивая со спины рюкзак, и одновременно снимая кроссовки.

– Давай, – он протянул руку к рюкзаку.

– Не надо, – я размахнулся и забросил его прямо в свое бунгало. С одной стороны я не нуждался в помощи, с другой – непривычному человеку не рекомендовалось разглядывать мой потертый бэг с автографами половины класса.

Очувтившись в своей комнате, я принялся размышлять, что делать с дверью: закрыть ее сразу или оставить открытой на некоторое время, а потом прикрыть. Но когда я решился и потянулся к ручке, этот Алексей Николаевич, уже появился на пороге.

– Я поставил суп в микроволновку. Переоденешься – давай за стол.

Прямо «буря и натиск», как говорит наша русичка, когда

мы активно на чем-то настаиваем.

– Я маму подожду, – сказал я, как мне показалось, весьма категорично.

– С мамой ужинать будешь, а сейчас поторопись, а то опять придется все разогревать, – ответил он, как будто оглашая решение суда.

* * *

Когда мы молча ели грибной суп, я ужасно злился на себя. Ну почему я ему подчинился, этому мужику! Я ведь демонстративно включил комп и еще раз отказался. Так нет! Он встал у меня за спиной и сказал «давай скорее». И как-то так сказал, что я, как идиот, потащился в кухню.

Грязную тарелку я поставил в мойку, сказал в пространство «спасибо» и направился к себе. Потом я закрылся в комнате и до прихода мамы сидел, как на иголках. Слышал, как он возится на кухне, похоже моет посуду, и ждал, что в любой момент гость этот может войти и сунуть нос в мои дела. Поэтому я стал набирать реферат о комарах. Дело в том, что ИнАфузория, разобравшись со мной, объявила, что завтра вместо технологии будет ее урок, и, в наказание, мы с Вандой должны написать работу о комарах. Я открыл википедию и узнал, что, кроме малярийного, существует еще 2.999 видов этих *кровопивцев*, и они живут с мелового периода. Поскольку вряд ли они досаждали цератопсам и ти-

раннозаврам, я стал искать, чьими же вампирами они были. Похоже им достались пра-пра-мышки и какие-то наши далекие предки-приматы, которые начали разделяться с утконосами. Хорошенькое дело! Наши предки все погибли, а комары в первозданном виде заполнили весь шарик да еще изводят человеческий род лихорадками! Тут мне захотелось пересмотреть «Парк Юрского периода». Я закончил реферат и нашел «Затерянный мир». О незваном госте я совершенно забыл и опомнился, когда услышал в коридоре мамин голос. Я выглянул из комнаты. Мама снимала сапоги, а рядом стоял этот... одноклассник, держа в охапке ее пальто и сумку. Обычно мама раздевается сама, а сумку у нее забираю я. А теперь я был как бы третьим лишним. Ну, я молча закрыл дверь и возвратился к столу. «Юрский период» пришлось вырубить и заняться уроками.

Лермонтов. Слава богу, «Песню про купца...», то есть про царя» и семейные ценности уже закончили. Русичка ушла в отпуск, и у нас новый учитель. На завтра «Осень», «Молитва», «Когда волнуется желтеющая нива» и любимое стихотворение. «Ниву» прочитать на одном дыхании невозможно. Это же одно предложение в четыре строфы. Я как будто спускался по крутому склону в овраг, набирая воздух перед каждым «когда», как перед уступом. «Когда..., Когда... Когда... и, наконец, «Тогда». Остановился и выдохнул. Потом я приготовил коробок, чтобы попробовать, хотя бы одну строфу написать обожженной спичкой, как Лермонтов в казема-

те, но тут в комнату вошла мама. Она обняла меня сзади и прижала мою голову к своей холодной щеке.

– Как ты, Кит?

Я постарался вывернуться.

– Ма-ам! Не надо! Все нормально!

– Ты голодный?

– Мы суп поели.

– Молодцы. Сейчас ужинать будем.

С чего это она? Не обнимаемся мы обычно! Такие отношения у меня только с бабушкой Маней были! Вот все в маме было в тот день какое-то другое. Как будто ее подменили! Она суетилась, говорила искусственным голосом, как наши девчонки, когда они выставлялась перед кем-то. Все делала будто на показ! И я думал, скорее бы этот Андрей Николаевич убрался восвояси! Не нравился мне этот театр!

Ночные разговоры

Среди ночи я проснулся. В доме напротив горело только несколько окон, и я понял что очень поздно. Луна была почти полная, и в полутьме можно было различить стопку постельного белья на разложенном кресле. Я вышел в коридор. В кухне горел свет. Через стеклянную дверь, затененную сверху настенным календарем, была видна мамина спина, прикрытая пуховым платком. Что-то скрипнуло, звякнуло, и я замер. Потом раздался мамин голос. Обычный, только усталый.

– Он сказал, что я обманулась: вечно девственная гурия – худшее, что можно было пожелать в его возрасте.

Незванный гость наш при этих словах шумно выдохнул и стукнул по столу. Что-то упало и покатилося.

– Лешка, не трогай! Обрежешься!

Видно было, как мама отклоняет в сторону чужую руку, протянутую над столешницей.

– Скотина! Какая же он скотина! – громко выругался мамин одноклассник.

– Тише, разбудишь Никиту! – испугалась мама.

Я проскользнул в свою комнату и нырнул в постель. Кто такие «гурии» я разумеется, знал. Это прекрасные девушки из восточных сказок. И непонятно было, почему наш гость так возбудился.

Когда я проснулся, никого в комнате не было, а на собранном кресле лежала аккуратная стопка измятого белья.

Днем мы с маминим одноклассником тоже не встретились. После уроков я только ненадолго появился в доме, чтобы переодеться, перекусить и успеть к четырем часам в бассейн. Пока джемпер одной рукой стягивал, успел в гугле набрать «гурии это». На всякий случай. Когда закончил одеваться, взглянул на монитор... А там, в ВикиИсламе, та-акая картинка 72 девственниц! Я даже оглянулся, вдруг я не один в квартире! И надпись там соответствующая была.

Я всю дорогу до бассейна пытался вспомнить поточнее слова, сказанные мамой ночью, и сложить их в одну фразу. Теперь мне казалось, что в ней должно быть, что-то важное для меня. Но у меня не получалось. Я так увлекся этим, что, «спасая» кирпичи со дна, чуть сам не утонул.

В этот вечер наш гость пришел, когда я читал в постели книгу, которую мама принесла из библиотеки, как «списанную», 1940 года издания. Он зашел ко мне в комнату, поздоровался и присел на край дивана. Я поджал ноги и отодвинулся к стене. Мамин приятель это заметил, но ничего не сказал, а протянул руку и развернул книгу так, чтобы увидеть обложку.

– «Поселок Тру-ля-ля», – прочитал он вслух. – Я думал, ваше поколение такими книгами не увлекается. А мы Джека Лондона очень любили. «Время-не-ждет» я сравнительно недавно перечитывал. Впрочем нет, по твоим меркам давно,

лет пять назад. Мы в тот год на заимке в тайге неделю прожили. Выехали на охоту, а тут завьюжило. Ветер слушали, грелись у печки и нашли в растопке книгу без обложки. Спасли.

– Мы – это кто? – спросил я исключительно из вежливости.

– Четыре технаря из НИИ.

– А-а-а-... протянул я.

– А ты думал бородатые трапперы, – он засмеялся. – Но одного из этих парней когда-то порвал медведь, а у тех двоих, что его спасли, – после отморожения не хватало пальцев на ногах. Так что и они знали цену жизни и дружбы.

– А Вы... – начал я.

– ...был четвертым.

Он задумался, а я испугался, что он начнет рассказывать какую-нибудь душещипательную историю. Но он помолчал недолго, а потом встал и вышел.

Когда я проснулся среди ночи, кресло было разложено и поверх белья накрыто пледом. Из-за плотно закрытой двери в кухню, как и в прошлую ночь, доносились голоса. Я сделал, что хотел, спустил воду, но, судя по всему, они не обратили на это никакого внимания. И я задержался в коридоре.

– Если я и жалел о чем-то, – произнес с паузой между словами мужской голос, то только о том, что оставил тебя и Пашку – двух неприспособленных к жизни идиотов – без присмотра.

– Ну, да, – тихо засмеялась мама, – самый мудрый из ады-

гов! Тебе ли не поучать других.

– Вспомнила! И с чего физик дразнил меня этим «адыгом»?!

– Ну как же! Смуглый, грива в кудрях, глаза, как угли! Черкес! Дитя гор! Он любил тебя, дурака! Говорят, когда узнал, что ты в университет не стал поступать, чуть не плакал. Старик к тебе привязался, а ты...

– А я... Я виноват во всех земных грехах... – сказал наш гость, как будто прочитал строчку из стихотворения.

Они замолчали, и я затаился. Решил, что уйду, когда они опять заговорят и меня не услышат. Но тут началось самое интересное.

– Кит спрашивает об отце?

– Спрашивал, потом перестал.

– Но ведь придется что-то ответить.

Я даже дышать перестал. Года два назад мама сказала: «Ты просто поверь мне, что это был хороший человек. Но есть люди, которым семья не нужна. Он уехал, и я не знаю куда». Неужели сейчас ответит?!

Молчание было очень долгим, а потом наш гость сказал:

– Но мне ты можешь ответить, почему я не узнал о ребенке тринадцать лет назад?

– Это бы что-нибудь изменило? – ответила мама с вызовом.

– Представь, могло.

Мама не то засмеялась, не то закашлялась.

– Леша, дай закурить.

– У меня в куртке... – не договорил фразу мужской голос, и через стекло стало видно, как наш гость поднимается со стула.

Я метнулся в комнату и накрылся с головой. Но долго не выдержал, стал под одеялом задыхаться. Сердце колотилось так, как будто я только что пробежал стометровку.

«А что, если он мой папаша?»

Мама редко курила. Если только с Мартой после библиотечный посиделок по случаю чьего-то дня рождения. А дома – никогда. Значит, очень волновалась. Потом я стал думать о «прочерке». А что, если он мой папаша? Стал вспоминать, как мама мне сказала: «У МЕНЯ нет человека ближе» или «У НАС...?» И еще: «Хороший человек, но семья ему не нужна».

Понятно уже, что она считает хорошим и этого своего «соседа по парте». Мне, кстати, он что-то там о тайге рассказывал, но о своей семье – ни слова. Ни разу не сказал, «а вот моя или мой». Но со мной разговаривал, как будто мы родственники! Я долго вертелся в постели, думал, что так и не усну, но закрыл на минуту глаза, а когда открыл, то услышал будильник.

В школе Ванда все время тормозила меня и махала перед лицом ладонью: «Очнись!» А я и вправду как будто жил в параллельном мире. Как в «Шестом чувстве». Не то я привидение среди живых людей, не то я – живой, а вокруг меня призраки.

Последним уроком была химия. Мы невзлюбили химозу сразу же после первого урока. Ванда заявила, что она настоящая Долорес Амбридж. Я думаю, этим Ванда в очередной раз хотела напомнить Родке, что она действительно прочи-

тала «Дары смерти», и он остался ей должен два шоколадных батончика. Кстати, я предложил им для проверки не очень сложный тест на знание всех семи книг о Гарри Поттере, и они с Родькой набрали одинаковое количество баллов – шесть из десяти. После этого Шишкарев сказал: «Фиг вам я буду читать эту хрень!» Так что, боюсь, Ванда своих батончиков не дождется.

Во время опроса меня пронесло, и, когда химоза стала объяснять нам как умственно отсталым детишкам, что держать руку в пламени спиртовки, как Муций Сцеволла, не надо и не стоит пробовать на вкус стиральный порошок, я совершенно отключился. Очнулся я оттого, что меня трясли за плечо. Я открыл глаза и уткнулся взглядом в некое подобие украшений каменного века, которое химоза, таскала на жилистой шее как вериги. Говорят, что в старших классах она демонстрировала эти бусы в качестве коллекции уральских минералов.

– Приятных снов, Ивлев, – нависая надо мной пропела она с иезуитской интонацией. – Но, боюсь, завтра на практическом занятии тебя ждет неприятное бодрствование.

* * *

После уроков Ванда потащила в музыкалку на сольфеджио, а Шишкарев с мамашей – к зубному врачу. Я позвонил маме и выяснил, что дома никого нет. На всякий слу-

чай, я все же обошел всю квартиру и, вернувшись в прихожую, поставил замок на предохранитель. Потом я улегся на диван и включил OS-ты Морриконе. Под «Музыку, Которая Заставляет Плакать Мою Душу» я стал размышлять, что было бы, объявись в моей жизни Отец. Под «Крёстного отца» – стал представлять в этой роли нашего незваного гостя. А когда запела труба из «Шерифа» – пришел к выводу, что не нужны мне никакие перемены, и расслабился.

Что с того, что у Ванды есть папаша-водила, который не помнит, в каком классе она учится. А Родькин богаченький фазер от своих щедрот разрешает старшему сыну проводить пару недель летом вместе с детьми от новой жены. Ванда, в сухом остатке, своего отца стесняется, а Родька – так просто ненавидит его. Нет, проблем от этих папаш больше, чем пользы. И мне «хороший человек», который «в семье жить не может», – тоже не нужен. Меня все в моей жизни устраивает. И если у нас с мамой нет майбаха и мы не ездим летом на Канарские острова, то не потому что у нас неполная семья. У Ксюхи из параллельного отца тоже нет, но все это она имеет. Ее мать – хозяйка косметических салонов. Только я с Ксюхой точно не поменялся бы местами. Наблюдать, как твоя мамаша девочку из себя строит и с учителями заигрывает, – хуже не придумаешь.

Потом я стал думать, а какой МОЯ мама смотрится со стороны. Аскольд Сергеевич однажды сказал:

– Вам, Ирина Ивановна, очень подходит Ваша фамилия...

ИВИНА. Люблю я это дерево за особую его красоту: гибкость, женственность и трепетность.

Мама тогда рассмеялась и спросила:

– Так кому же Вы все-таки делаете комплимент: иве-плакучей или мне?

А Аскольд Сергеевич поклонился и сказал совершенно серьезно:

– Обеим, голубушка.

В библиотечном кружке

Тут до меня дошло, что через полчаса у нас занятие с Аскольдом Сергеевичем и я опаздываю! Позвонил Ванде, попросил сбросить на мэйл решение по алгебре и побежал в библиотеку. Даже поесть не успел.

В прошлом году староста библиотечного актива, бывший театральный художник Аскольд Сергеевич предложил организовать театрально-художественную студию. На общественных началах. Вообще-то студия – это громко сказано. Получился кружок на шесть человек. Но мне там нравится. Первым мы поставили кукольный спектакль «Маша и медведь» и выступили с ним в Центре детского развития «Росток», который находится в том же здании, что и библиотека. Я несколько месяцев ходил, перемазанный клеем и обвешанный прилипшими бумажками. Но получилось очень натурально, к тому же я так рычал за медведя, что малыши визжали от восторга. Сейчас мы готовим «Ночь перед Рождеством» и будем выступать в колледже, откуда три наших участника – Настя, Кристина и Колян. Четвертый участник – юное дарование Виктория семи лет, племянница Марты. Пятый – гардеробщица Прасковья Ивановна или «бабушка Прыся» для Вики, а шестой – я. Мы со студентами занимаемся куклами и декорациями, Прасковья Ивановна шьет костюмы, а Вика постоянно тиражирует эскизы медвежьего до-

мика на лесной поляне. Во время занятий Аскольд Сергеевич включает проигрыватель, и мы слушаем классику. Он считает, что музыка развивает нашу фантазию, которую убивает телевидение и гаджеты.

Иногда он просит изобразить в рисунках то, что мы представляли, когда звучала та или иная пьеса. Не всегда то, что у нас получается, его радует. Когда мы прослушали «Сладкую грезу» Чайковского, Настя и Вика изобразили «валентинки», Колян – торт со свечками, я – эскимо, а Вика – большую конфету. Ну, мы с Коляном, разумеется, прикалывались, но девичья половина абсолютно искренне пыталась запечатлеть в акварели свои мечты. Потом пришел черед «Карнавалу животных». Тут было получше. Девчонки изобразили рыбок в аквариуме и Лебедя, Колян – куриное семейство с цыплятами, а я – слона. Конечно, самой завораживающей пьесой был для меня «Аквариум», что я и постарался скрыть всеми доступными мне способами. В результате Аскольд Сергеевич был во мне разочарован, зато мама все поняла и, смеясь, шепнула мне на ухо: «Ты бы лучше «Персонажа с длинными ушами» изобразил!»

После занятий мы с мамой вернулись домой вместе, а вскоре явился и наш гость. В каждой руке он держал связку плоских коробок. Оказалось – это пицца. Четыре варианта!

– Я же не знал, что вы любите!

– И мы должны будем питаться ими всю неделю? – спросила мама довольно ядовито.

– Нет, съедим, сколько сможем, а остальными будем торговать на вынос, – безмятежно ответил «сосед по парте».

Мама вздохнула, взяла у него коробки и понесла на кухню.

– Ладно. Отнесу завтра в библиотеку.

Пока этот мамин Лёша-Алёша раздевался, я соображал, как мне себя вести: отказаться от ужина или (ради мамы, разумеется) попробовать, что он там принес. Сегодня в школе, как обычно по пятницам, были постные щи и рыбные биточки. За все годы я не видел никого, кто бы проглотил хотя бы один из этих серых комочков по собственному желанию. Так что, несмотря на все мои душевные терзания, есть мне очень хотелось, к тому же пиццу я люблю. В общем, к концу ужина нераскрытой остались только одна коробка.

Я отвалился от тарелки сытым и сонным, переписал в тетрадь то, что прислала мне Ванда – наш математический герой, прочел по диагонали текст по истории и завалился в постель. Ничего нового из биографии мамы и ее школьного друга я в эту ночь не узнал, потому что не просыпался до сигнала будильника. Я этот сигнал, часто меняю. У меня в детстве «Открой глазки» был, «Петухи» и много еще чего. А в этом году «Имперский марш».

«Сосед по парте» и «соседи по столу»

Завтракали мы втроем, и я все думал, как бы незаметней убраться из дому, чтобы мамин одноклассник за мной не увязался. Но не успел я натянуть куртку, как наш гость уже стоял у двери одетым. Как только за нами захлопнулась дверь подъезда, из дома напротив выбежал Шишкарев и направился к нам.

– Приятель? – спросил мамин «сосед по парте».

Я кивнул.

Поравнявшись с нами, Родька засопел и сказал: «Здр-расть!»

– Здравствуй!

Наш гость протянул ему руку:

– Алексей Николаевич. Будем знакомы.

– Шишкарёв, – ошарашенно ответил Родька, отвечая на рукопожатие, и стал потихоньку уподобляться помидору. Но, собственно говоря, как он должен был себя назвать, если все семь лет в школе у него не было другого имени.

– Футболист? – спросил «Алексей Николаевич», рассматривая наклейки на Родькином рюкзаке.

– Не-а, – «выразительно» ответил Шишкарев и совсем за-смущался.

Тут из-за угла выбежала Ванда.

– Про футбол – это к ней, – сказал я, выручая приятеля. И сказал истинную правду. Дело в том, что я единственный в нашей компании, кто может раз пятьдесят набить мяч и знает пару финтов типа обводки, но футболом не интересуется. Мне бы просто погонять мяч. Недолго. У меня выносливости не хватает. А вот Шишкарев бредил футболом еще с детского сада. Но в пятом классе при отборе в секцию, он смог прыгнуть с места только на сто сантиметров, ни на сантиметр больше, и остался за бортом. Зато он знает все известные клубы мира и владельцев «золотых мячей» за последние десять лет. Что же касается Ванды, то ее двоюродный брат, девятилетний прыщ Макс, занимается в футбольной секции. Так вот он и его папаша регулярно посвящают все семейство Вишневских в футбольные новости. И не успел я и глазом моргнуть, как мы с Шишкаревым уже плелись хвостом за Вандой и маминым одноклассником, которые темпераментно обсуждали успехи Аршавина в «Арсенале» и что светит нашей сборной на «Евро-16».

Мы попрощались с нашим гостем у автобусной остановки и вошли в школьный двор.

– Прикольный мужик, – сказал Шишкарев, оглядываясь.

– Классный дядька, – поддержала его Вишневская. – Он кто, родственник?

– Из Новосибирска, – ответил я уклончиво.

«Прощайте, ребята, был рад с вами повидаться!»

«Сосед по парте» пробыл у нас еще три дня. Но я так и не узнал, продолжились ли их с мамой ночные посиделки. В бассейне были зачетные занятия, я ужасно уставал и, как ни старался подольше не засыпать, отключался едва касался головой подушки. Один раз я проснулся за час до сигнала будильника и единственный раз увидел нашего гостя спящим. Он лежал, охватив руками подушку. Тихо. Но когда раздался «Имперский марш», кресло было уже собрано. Ко мне с расспросами он не лез, и я понемногу стал к нему привыкать, хотя мне не совсем нравилось, что мама в его присутствии становилась какой-то... несамостоятельной, что ли. Он приносил продукты, мыл посуду и накрывал стол к ее приходу. Одно меня радовало: судя по всему, папашей мне он не был.

Мамин одноклассник покинул нас неожиданно: встал после вечернего чая, вышел в переднюю, потом вернулся уже одетым с сумкой на плече и сказал совершенно буднично:

– Прощайте, ребята, был рад с вами повидаться!

Мама так и застыла у раковины с чашкой в руке.

– Леша...

Он улыбнулся, но как-то невесело, и исчез за порогом.

А мама опустилась на стул, не выпуская из рук мокрую

чашку, и застыла. Шумел водопад из крана, но шаги на лестницы были долго слышны, а потом хлопнула дверь в подъезде. И всё...

* * *

Когда наш гость приехал, я все боялся, что он будет совать свой нос в мои дела. Но получилось так, что он меня почти не замечал. И представьте, я этому не радовался. Мне было почему-то досадно. А тут еще Ванда говорит:

– Этот твой... из Новосибирска... чем-то на тебя похож. Руками так же размахивает. И ноги...

Я вскинулся:

– Что еще с ногами?!

– Чего ты? Длинные!

– Ну, ты даешь! Прямо вот так за один раз все разглядела!

– А я его раза три встречала, когда из музыкалки шла. Он первым здоровался. Мы о защитнике Жиркове говорили. Ну, что ему выносливости не хватало. Как тебе, между прочим.

– Ты с ума сошла! – взвился я. – С чего это вы меня обсуждали. Кто тебя за язык тянул?!

Ванда демонстративно отошла от меня и пальцем у виска покрутила:

– О тебе это я сейчас сказала. Мы тебя и не вспоминали, с чего это ты дергаешься!

Ну, я сразу же сдулся, но Ванда еще пол дня старалась в мою сторону не смотреть.

«Главное в человеке не внешность, только...»

После отъезда «соседа по парте» я спросил маму:

– Ты только с... Андреем Николаевичем дружила или еще с кем-нибудь?

– С Пашей. Павликом Шубиным.

– А с девочками?

– У меня не очень получалось. Нет, хорошие отношения со многими были, но дружила с Лешкой и Пашей.

– Но Ванда с нами подружилась, потому что она некрасивая. Девчонки над ней смеются. А ты ведь была... нормальная, красивая даже.

– Ну, знаешь! – возмутилась мама. – Ванда будет очень интересной женщиной, а вот эти ваши кукольные красавицы, которые над ней смеются, превратятся в обычных клуш.

– Да нет, – стал я оправдываться. – Я же понимаю, что главное в человеке не внешность, только, как же Ванда с ее шнобелем станет красоткой?!

– Боже, Кит! Какой еще «шнобель»?! У Ванды прелестное живое личико! У неё чудные глаза, рот выразительный, высокие скулы и нос хорошей лепки. Это сейчас нос великоват, но пропорции скоро изменятся!

Я ничего не ответил. Только плечами пожал. Глаза у Ван-

ды действительно чудные, как у совы, а рот... О таком говорят «рот до ушей, хоть завязочки пришей». Про скулы я не понял, где они у нее, а нос никак не может стать меньше! Но для меня все это не имеет никакого значения. Как мне совершенно неважно, Шишкарев красивый или нет. Я с ними в разведку готов пойти и порву любого, кто их обидит. И точно знаю, они так же ко мне относятся. И все же красивые девчонки – они сразу красивые. Вот Даша Вольская из девятого. Я когда в «Тамани» прочитал о том, как редко у нас встречаются «правильный нос и маленькая ножка», то сразу мысленно представил Дашу. Вот у нее все это есть. И правильный нос, и маленькая ножка. И вот она идет по коридору, где полно людей, и никого не заденет, не сделает ни одного неловкого движения. А Ванда, если на этаже будет хоть один человек, обязательно его толкнет, а то и с ног сшибет. Не нарочно. Она жуткая дылда, и кажется, что рук и ног у неё как-то больше, чем надо.

После отъезда нашего гостя я еще какое-то время заходил в квартиру с осторожностью: кто его знает, вдруг вернулся и взял запасные ключи у Доры. Но со временем я стал вспоминать «соседа по парте» все реже. Какое мне было до него дело. У меня свои «соседи по... столу».

* * *

Тут я вернулся мыслями в настоящее. В общем, получает-

ся, что у Ванды и Шишкарева полно теток, дядек и кузенов всех возрастов. И только у нас с мамой самый близкий человек – сосед по парте! А если мама в больнице задержится, я что же – попаду в приют?! Жесть!

Мама возвращается домой!

После того, как маму из реанимации перевели в общую палату, я каждый день навещал ее вместе с Мартой или еще с кем-нибудь из библиотеки. В первый раз, когда мы с Мартой зашли к ней в комнату, там было еще три тетки. Две лежали, а третья – в какой-то жуткой хламиде, сидела на кровати и ела из пол литровой банки коричневое месиво. Мне прямо плохо стало. Марта это заметила и развернула меня к тетке спиной, лицом к маме. И мне стало еще хуже. Незнакомое бледное мамино лицо состояло из высокого лба и огромных глаз, окруженных темными кругами. По губам как будто кто-то прошелся серой помадой. Волосы были стянуты на затылке резинкой и казались темными и влажными. А вообще они светлые пушистые, и летом она, как одуванчик. Тут мама улыбнулась и стала похожей сама на себя.

Потом мы уже в холле встречались. Мы с мамой прятались под «пологом пьяной пальмы», которая росла в огромной желтой кадке, а Марта охотилась за лечащим врачом. Пальму подпирали толстый деревянный кол, но мне все равно казалось, что она вот-вот рухнет. Зато там стоял уютный диванчик, который мы разворачивали к окну. Я все время спрашивал маму: «Тебе уже лучше? Тебя скоро выпишут?» Мама отвечала «Скоро! Скоро!», но глаза у нее были печальные.

Я притащил маме ту книгу Хэрриота («Из воспоминаний сельского ветеринара»), в которой он рассказывает, как впервые оказался среди Йоркширских холмов. Она такая интересная и веселая, что помогает лучше любого лекарства. Поэтому я в прошлом году принес этот томик Ванде, чтобы ее развлечь, а она говорит: «Мне-то зачем это пособие для ветеринаров?! Ты Шишкареву отнеси». Они тогда вместе грипповали. А потом Ванда отдавать книгу не хотела. Пришлось насильно ее забирать. Но Шишкарев на Хэрриота и смотреть не стал. Услыхал, что он ветеринар и заявил: «Звериный или нет, главное – врач. Значит будет пороки в людях выявлять! Нужны мне эти люди в образах хамелеонов или наоборот! Меня на литре русичка этим задолбала!» Пришлось мне книгу унести домой. Было обидно. Ведь Хэрриот, прежде всего, доброту в людях искал. Ему самому в молодости от многих фермеров доставалось из-за их дремучести. Но он им все прощал за то, что они любили своих животных. И смеется Хэрриот прежде всего над собой, когда попадает в нелепые ситуации.

Через десять дней маму выписали. Марта привезла ее домой на такси, когда я был в школе, и вечером мы, как всегда, уже сидели в кухне, и я рассказывал ей наши школьные новости. Не все, конечно. Славы богу, не в первом классе.

Я, дурак, думал тогда, что все ужасные волнения этого года благополучно закончились и первые несколько дней после маминого возвращения спокойно жил своей жизнью. При-

шла врач из районной поликлиники и продлила мамин бюллетень. Катерина принесла деньги из кассы взаимопомощи, и мы с ней купили все продукты по маминому списку.

В первые дни после уроков я со всех ног мчался домой, который с маминым присутствием опять стал неприступной крепостью, в которой я был неуязвим для всех бед мира. Единственно, что меня тревожило, – это мамин взгляд. Если я заставал ее не за какими-нибудь домашними делами, а просто сидящей на своем диване, она смотрела перед собой каким-то невидящим взглядом, и не сразу реагировала на мое появление. Но уже неделю спустя я уже не летел домой сломя голову, а мог зайти к Шишкареву посмотреть на новые вагончики для железной дороги или погонять с ребятами мяч возле школы. Тут и случилась расплата.

Я заявился домой после того, как мы с парнями бегали в «Дубравку», парк недалеко от школы, смотреть на тренировку конных полицейских. Вошел в переднюю и замер. Дверь в мамину комнату была закрыта и из-за нее доносились голоса нескольких женщин, которые что-то живо обсуждали. Из кухни высунулась Катерина и поманила меня рукой.

– Кать, что там? – у меня от тревоги пересохло в горле.

– «Совет в Филях». Марта свою знакомую докторшу привела и Ваша соседка со второго этажа поднялась.

– Тетя Галя-французская. А зачем?

– Моё дело маленькое, – ответила Катерина, обидчиво поджав губы. – Я чай готовлю. *Щас* понесу.

На кухонном столе стоял поднос, подаренный маме на юбилей три года назад, а на нем четыре чашки из праздничного сервиза с видами Москвы. Раздвигая чашки затейливыми изгибами своих краев посередине подноса лежало блюдо с пирожными.

– Выбери, пока я не отнесла!

Я пожал плечами. Мне было как-то не до пирожных.

– Ладно. Я эклер отложу и «картошку». Остальные на четыре делятся без остатка. А какое мне, а какое тебе – потом решим.

Тут из комнаты, энергично постукивая каблуками, вышла Марта. Зашла в туалет, потом в ванную и заглянула к нам в кухню.

– Здравствуй, Кит. Мама сказала, чтобы ты разогрел суп и тефтели.

И Кате:

– Я чашки понесу, а ты – чайник.

Цепко ухватилась за края подноса, сделала почти балетный пируэт и понеслась в комнату. Мы с Катериной только рты раскрыли. Катя, заряженная энергией своей начальницы, подхватила чайник и ринулась было за ней, но на пороге остановилась и быстро наполнила кипятком две кружки. Опять ринулась и снова застыла на пороге:

– Было восемь стаканов, а теперь шесть. Кит, им хватит?

– Иди-иди! – замахал я руками.

Конечно, мне досталась «картошка!»...

«Зачем тебе доктор? Ты ведь выздоровела!»

«Совет» длился еще целый час. Первыми ушли Марта с докторшей. Тетя Галя-французская еще ненадолго задержалась, а, уходя, нашла меня и сказала с укоризной:

– Что же это ты нас с Симоном Александровичем забыл? Второй язык у вас в школе еще не ввели? Если придется – выбирай французский. Будет мне с кем пообщаться.

Мама проводила ее, зашла в кухню, где Катя мыла чашки, и поблагодарила ее за помощь. Потом спросила меня, поел ли я, и ушла к себе. Значит что-то ее сильно тревожило или она плохо себя чувствовала. Обычно она на этом не успокаивалась, а открывала все кастрюли и смотрела, действительно ли я съел все, что мне полагалось. Я проводил Катерину и пошел к маме. Она лежала на диване, накрывшись пледом, и листала «Вокруг Света».

– Ма, – сказал я. – Зачем тебе доктор? Ты ведь выздоровела.

Она отложила журнал в сторону и грустно сказала:

– Ну, помнишь, как бывает после гриппа: температура спадет, а ты еще долго еле-еле ноги волочишь. А мне хочется поскорее набраться сил. Кстати, эта врач – кузина Марты. Просто зашли почаевничать.

Я сделал вид, что поверил, а сам стал думать, как бы мне узнать правду, почему мама такая... Я не мог подобрать слова, чтобы описать мамино состояние. Она была не то, чтобы грустная. Она старательно делала вид, что возвратилась домой и у нас все по-прежнему. Но где были её мысли, когда она задавала мне дежурные вопросы о школе, уроках или кормила меня завтраком, я не знал. Во всяком случае не со мной. И даже прикосновение ее рук было не успокаивающим, как обычно, а какими-то пугающе вялым и безразличным, что ли.

В конце-концов, я не выдержал и признался Ванде и Шишкареву, что с мамой что-то не так, но она мне не хочет об этом говорить.

– Так почему ты не расспросишь Марту или эту твою соседку со второго этажа? – сказала Ванда.

– Во, даешь, – буркнул Шишкарев. – Ирина Ивановна небось с них слово взяла, чтобы Киту на проговорились. Моя мамаша, когда ей желчный пузырь удаляли, заставила всех песни петь, что она к тетке на юбилей поехала.

– Сравнил! Ты тогда во втором классе был. Бессознательное еще существо, можно сказать.

– Ты была сознательной! – обиделся Шишкарев.

– Не о том речь. Только после двенадцати по закону полагается учитывать мнение детей по всем вопросам. А мы, вообще, скоро паспорт получим.

– Ты это моему папаше скажи, может он разрешит мне хо-

тя бы щетку зубную самому выбирать. Вчера притащил электрическую, а все другие выбросил! По горло сыт я его опекуном! А мать говорит, я должен радоваться, что он так обо мне заботится. Офигеть! Вот закончу школу, пойду работать и от алиментов его откажусь.

– А как же учиться?! Ты же способный!

Шишкарев передернул плечами и отвернулся.

В первых классах у нас каждый третий был отличником. Только не мы с Родькой. Зато в пятом классе у родителей не стало хватать времени на приготовление уроков, и наши отличники превратились в записных середнячков. А вот мы с Шишкаревым вышли из сумрака: Шишкарев на химии, а я на литературе. Ну, а Ванда осталась математическим гением на все времена. Её математичка так и называет: «наша Ванда Ковалевская». Объяснить, как нужно что-нибудь решить, она не умеет. Если со второго раза не понимаешь – лупит учебником по голове. Зато всегда и всем дает списать, чем мы с Шишкаревым и пользуемся.

Возле своего дома Ванда вдруг остановилась и сказала:

– Кит, можно я возьму у тебя рабочую тетрадь по истории?

– Давай!

Вечно у нее проблемы с тетрадями. То тему не так напишет, то ответ на вопрос не в то графе.

Мама встретила нас в прихожей, увидела, что я не один, и сказала, улыбаясь:

– Ва-а-анда!

Кстати, Вишневская всегда радуется тому, что ее имя не имеет уменьшительной формы. Странно было бы называть ее Вандусей, Вандочкой, Вандиком или Вандулей. Но вот моя мама произносит это имя так, что оно явно приобретает уменьшительно-ласкательное значение. Правда в этом случае Ванда не обижается. У мамы удивительный голос.

Сейчас, когда я постоянно думаю о маме, я как будто знакомлюсь с ней заново. Наша англичанка говорила, что в русском языке две основных интонации, с которыми произносится фраза: нисходящая и восходящая. В английском есть еще и нисходяще-восходящий тон. Но, если прислушаться, как разговаривают мои одноклассники, то никаких «тонов» и в том, и в другом языке вообще не существует. Воцакова, как ее попугай, быстро-быстро тараторит на запредельно высоких тонах безо всякого выражения. Ванька Шалимов медленно гудит на одной ноте, как шмель. У Ванды каждое слово произносится со своим тоном, просто частокол какой-то, а не предложение. А вот мамины фразы как волны в море. Перетекают одна в другую, поднимаются и падают вниз. И голос у нее низкий и какой-то «сложный», как будто сплетенный из разных струн.

Обедать со мной Ванда отказалась, порылась в моем столе, вывалила на пол ручки из пенала, опрокинула настольную лампу, нашла тетрадь, поболтала с мамой о своих занятиях в музыкальной школе и скатилась по лестнице, едва не

сбив с ног Дору, нагруженную продуктами для овощной диеты «мадам Свижской».

«Пусть Марта скажет правду!»

На другой день в школе Ванда затащила меня на лестничную площадку возле чердака, прижала к двери с огромным навесным замком и заявила:

– Ты должен пойти к Марте и припереть ее к стенке.

– Как ты меня?!!

– Слушай, Кит! Она же на себя совсем не похожа! Твоя мама! Пусть Марта скажет правду!

У меня ноги подогнулись. Я, конечно, думал о чем-то таком, но услышать эти слова от другого человека было просто ужасно.

После уроков мы с Вандой разработали план. Идем вместе в библиотеку, я вызываю Марту на откровенность, а Вишневская обеспечивает мне моральную поддержку. Шишкарев отправился пломбировать очередную дырку в молочном зубе.

Пока я разыскивал Марту, Ванда попала на глаза Серафиме.

– Девочка, – сказала она тоном учительницы младших классов. – Это библиотека для взрослых.

– Ой, здрасьте! – прощebetала Вишневская фальцетом. – А у меня бабушка у вас записана. Ей так травятся ваши выставки (это Ванда краем глаза увидела стенд с картинами из засушенных растений). Она мне каждый день говорит: «Пой-

ди полюбу́йся, какие вокруг талантливые люди!»

Серафима некоторое время смотрела на нее с сомнением, потом смягчилась:

– Ну хорошо, смотри.

Ванда вытянула свою длинную шею, как жираф, и стала разглядывать картины.

Я нашел Марту в архиве. Она сидела за столом и шуршала какими-то бумагами. Во время разговора Марта оправдала все свои прозвища: была и *суровой* Декабриной, и *ласковой* Майей. И я вместе с ней то замирал от страха, то надеялся, что все как-то обойдется, потому что плохое не может быть долго. А в конце-концов я почувствовал, что надо уходить, чтобы не разводить слякоть и не позориться, как девчонка.

Ванда по-прежнему тарасилась на пейзажи из соломки. Я потянул ее за рукав:

– Валим!

Бдительная Серафима заметила мой жест и сказала возмущенным голосом:

– Никита! Это что, твоя подруга?! А ты не мог мне раньше об этом сказать, чтоб я не волновалась за экспонаты?! Про бабушку мне сказки рассказывают!

– А у нее бабка – «Сонька-золотая ручка»! Она ею гордится! – огрызнулся я, и мы помчались к выходу.

В «Дубравке»

За дверью нас чуть не сбил со ступенек порыв ветра, а струи дождя принялись плетями хлестать по лицу. «Описание природы всегда помогает раскрыть настроение главного героя» (это внутри меня прозвучала фраза, которую все мы постоянно произносим на уроках литературы). В данный момент это можно было отнести и ко мне. Вчера за окном была уже не «золотая осень» первых сентябрьских дней, а унылая, но спокойная, осенняя пора без «очарования». Мама возвратилась из больницы, в моей жизни стал восстанавливаться прежний порядок, и погода соответствовала тому, что происходило у нас дома. Но вот то, что открылось мне сегодня, не могло происходить ни при ярком солнце, ни унылым осенним днем. Только в бурю, грозу, ураган!

Я мчался, не разбирая дороги, и остановился только тогда, когда услышал, вопль Ванды. Оглянувшись по сторонам, я увидел, что мы оказались в «Дубравке». Ванда стояла на одной ноге, прислонившись к дереву.

Пришлось вернуться:

– Ну, какого ты увязалась за мной!

Капюшон слез у Ванды с головы, и «воронье гнездо» из черных курчавых волос превратилось в сосульки из длинные прямых прядей. Вид у нее был несчастный.

– Нога...! – протянула Ванда.

Слава богу, мы были недалеко от беседки, где летом ставили столики для игры в шахматы. Усадив Ванду на скамейку, я помог ей снять кроссовки и стянуть носок.

– Наверное связки потянула, – решила Ванда. – Это ничего, как-нибудь допрыгаю домой. Только давай посидим немного, а то я устала. Ты бегаешь, как лось!

Потом мы оба устали и сели на ее лодыжку. Собственно, нога была такой худой, что где там мышцы и связки было непонятно. Одни кости! Но двигать ступней ей было больно, она морщилась и ойкала.

Конечно, хорошо было бы туго перебинтовать ей ногу, но чем? Мой шарф был слишком толстым для этого.

– Вот что, – заявил я, стягивая его с шеи. – Надевай мой шарф, а мне дай свой платок.

– Еще чего?! – удивилась Ванда.

– Того, что сустав нужно зафиксировать!

Я сложил платок по диагонали в длинную полоску, снял с ноги Ванды носок и крепко перевязал ногу. Ванда попыталась встать.

– Ничего, – сказала она дрожащим голосом. – но давай посидим еще немного. Никак не отдышусь.

– Ты замерзнешь! Капюшон хотя бы завяжи!

Здесь в «Дубравке» сильный ветер рассыпался между деревьями на много слабых ветерков, как вода в душе. Но все равно было сыро и зябко. У Ванды прямо на глазах стали синеть и дрожать губы.

– Все! – решительно сказал я. – Пойдем отсюда!

Ванда оперлась на мое плечо, и мы потащились к ней домой. Мне все время приходилось выбирать дорогу поудобней и где-то в глубине души я был рад, что у меня не было времени на то, чтобы обдумывать все сказанное Мартой.

Это не выздоровление!

Дома у Ванды никого не оказалось. Я позвонил маме, и она сказала, чтобы я на четверть часа приложил к ноге лед через какую-нибудь тряпку и дождался старших. Я кое-как привязал к лодыжке глыбку льда, которую обнаружил в морозилке (Ванда сказала, что «мама ею умывается»?!). Потом мы с Вишневецкой устроились в кухне и стали пить чай с клубничным вареньем. Намазывали его на батон с маслом и получался торт. Было бы прикольно, если бы не то, о чем хотела узнать от меня Ванда. Наконец, она не выдержала:

– Ивин, ну что ты молчишь?! Давай рассказывай, пока мы одни.

– Нечего рассказывать.

– Ну да, поэтому ты выбежал от Марты, как сумасшедший!

– Я правду говорю. Маму отпустили домой на время, Это не выздоровление, а... как это... временное улучшение. Но она не хочет, чтобы я об этом знал. Марта говорит, ей нужно окрепнуть, отдохнуть, а потом её опять заберут в больницу.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – наконец сказала Ванда после долгого молчания.

– Знаешь, так молчи! – огрызнулся я.

Она не обиделась, и это было совсем скверно.

– Слушай, Ванда, – сказал я после паузы. – спроси у отца,

может у него на автобазе найдется для меня какая-нибудь работа. Машины мыть, убирать...

– Зачем тебе?

– Марта сказала, что, кроме дорогих лекарств, маме понадобится особое питание: мясо... «паровое», что ли, и еще много чего. Они нам и так деньги из кассы взаимопомощи дали и профсоюзные, но этого не хватит.

– Я спрошу. Но тебе же еще тринадцати нет.

– Но никто не считает меня младше Шишкарева. Мне даже четырнадцать дают.

– Ты, пожалуйста, не обижайся, Кит, но паспорта у тебя нет, сколько бы тебе не давали на вид. А без документов на работу не устроишься.

– Жесть! И где же мне достать денег?!

Тут пришла Зинаида Петровна и стала хлопотать вокруг Ванды, а я пошел домой.

* * *

Идти было недалеко, но я постарался увеличить расстояние раза в три. Пришел и с порога стал рассказывать маме, как был парамедиком. И так разошелся, что меня хватило чуть ли не на час. За это время я как-то устаканился и, когда мы уже совсем перед сном пили чай, подумал, а может все как-нибудь обойдется без больницы. Мама была спокойная, уютная, в коралловом махровом халате и смешных тапочках

с мордочками длинноухих щенков. Когда я пришел пожелать ей спокойной ночи, смотрела по «Живой планете» программу о сурикатах. Она вообще смотрит по телику только культуру и передачи о животных. Для новостей у нас «Дождь». Я быстро заснул в тот день, и мне ничего не снилось.

«Дерево держится корнями, а человек – друзьями»

На следующий день Катерина принесла маме пузатую литровую бутылку с гранатовым соком, в которой вполне мог оказаться Джин из восточной сказки. Сказала, что это от Серафимы. Мама позвонила в библиотеку, поблагодарила и узнала, что сок привезли знакомые из Армении. А вечером пришла тетя Наташа с первого этажа и принесла в специальной сумке-холодильнике мясо. Оказалось, что это та самая «парная говядина», которая нужна для «особого питания». Мама пыталась заплатить, но тетя Наташа обиделась:

– Я с тобой просто поделилась! Доброму человеку помощь не убыток. Это из дочкиного хозяйства. Ты её Сашке вон сколько книг передала! На весь второй класс хватило! Какие между нами деньги! Дерево держится корнями, а человек – друзьями. А вот тебе еще хурма с Кавказа.

* * *

Тетя Наташа, Джамия и Оксана работали уборщицами в технологическом колледже и вместе снимали трехкомнатную квартиру на первом этаже. Тетя Наташа приехала из маленького поселка, где раньше работала на фабрике. Но фаб-

рику закрыли, работы не стало, а внуки у неё совсем маленькие. Пришлось ей приехать к нам на заработки.

Джамиля в Дагестане была учительницей в небольшом селе. Теперь там школы не полагается. Здесь она почти не тратит на себя заработанные деньги, но два раза в год ездит на родину с огромными сумками, в которых подарки для внуков и племянников. Джамиля аварка, как поэт Расул Гамзатов, и живет на «Горе языков». Так слово «Дагестан» переводится. Его десятки народностей населяют, и у каждой свой язык. Если бы не русский – трудно было бы договориться.

А Оксана из тех мест, где теперь идет война. Брат ее успел оттуда уехать, но Оксана долго не знала куда. Тёти Наташины друзья по «одноклассникам» его нашли. А недавно Оксане от него мэйл пришел. Брат писал: «Ты мечтала горы и «трембиту» увидеть. Приезжай – и увидишь, здесь все будут тебе рады».

* * *

В тот же день Шишкарев позвал меня к себе.

– Послушай, Кит, батя мне приставку купил, только на что она мне. Ты же знаешь мой комп, на нем можно пользоваться любой программой. Но для отца главное – лавэ на меня потратить, для очистки своей совести. Он понятия не имеет, как можно комп из рабочего в игровой превратить. Так что считай, я приставку однозначно могу в школе толкнуть.

– Ну, а если отец узнает?

– Я же говорю – ему без разницы. Я вместо приставки набор «сумасшедшего профессора Николая» куплю и остальное – твое! Мама в эти дела не вмешивается.

– Твоя – может быть, а моя?! Как я ей скажу, откуда деньги!

– Не тормози! Можно же не сразу деньги отдавать, а по мере надобности использовать. И не лично ей, а кому нужно будет.

* * *

Я свой первый класс в другой школе совсем не помню: ни учительницу, ни учеников. Мне было шесть лет, и последний год я провел, как узник, в библиотечном архиве. Бабушки Мани уже не было, мест в детском саду не оказалось, и меня, с согласия Марты, прятали от посторонних глаз то в хранилище, то в архиве. Я рисовал, читал и даже самостоятельно учился писать по прописям. В школе меня заставили неправильно произносить слова по частям и что-то там обводить и раскрашивать в длинных тетрадах. Из-за маленького роста, который не соответствовал моему имени «Кит», я был постоянным объектом для унижения. Все смеялись, когда я становился на цыпочки, пытаюсь написать что-то на доске. Самая маленькая девочка была выше меня на пол головы и не желала идти со мной в паре. Кончилось тем, что в кон-

це года маме предложили перевести меня в коррекционный класс. Мама перепугалась и перевела меня в другую школу.

В первый же день нас выстроили по росту. Я ожидал очередного унижения, но вдруг мальчик, который был явно выше меня, хотя и стоял последним, уступил мне место и стал замыкающим. По доброй воле. Это был Шишкарев. А как мы подружились с Вандой? Она пришла к нам в третьем классе. Мэри Поппинс в натуре! Худая дылда с двумя тугими торчащими косицами, сплетенными из курчавых волос. На перемене стояла, подпирая стенку, окруженная хихикающими девицами, как волчонок в стае домашних щенков. И тут к ней подошел Шишкарев, а там уже и я подтянулся. Теперь так и держимся втроем: длинноногая, как цапля, Вишневская, «крепкий орешек» Шишкарев, едва достающий ей до плеча, и между ним я как среднее арифметическое.

«Без правды не жизнь, а маята»

Вторая неделя после выписки мамы из больницы подходила к концу, и мне начало казаться, что все обойдется. Мама уже не была такой бледной, затеяла в квартире генеральную уборку и даже испекла мой любимый «тертый пирог». Приходя из школы или после плавания, я заставал у нас то тётю Галю-французскую, то Марту, то Дору или тетю Наташу. Мне кажется, что мама даже немного уставала от этого внимания. Что же касается меня, то я просто не представляю, что бы без них делал. Марта пыталась объяснить мне, почему мама все от меня скрывает: ей хочется, чтобы моя «детская жизнь» продлилась как можно дольше. Она не догадывалась, что эта жизнь закончилась в тот день, когда ее увезли в больницу, и я осознал, что могу остаться без неё, один на всем свете! Теперь мы старательно делаем вид, что у нас все по-прежнему. И я, кажется, первым не выдержу. Правду тетя Наташа говорит: «Без правды не жизнь, а маята».

* * *

На днях Марта, когда мы были одни в комнате, сказала:
– Кит, Михаил Маркович ящик в своем столе для тебя

освободил, и полку для книг. Ты же знаешь, как он тебе будет рад. Монеты свои пересматривает каждый день, ждет, когда вы вместе ими займетесь.

Наверное, я должен был ее поблагодарить, но я здорово обозлился. Они, значит, всё за меня решили и собираются, как щенка или котенка в переноске перевезти в чужую квартиру. Даже коврик для меня приготовили и лакомую косточку! Но я сдержался. Марта и Михаил Маркович раньше жили недалеко от нас, и я часто бывал у них в гостях. Он мне очень нравился. Большой, лохматый и очень добрый. Меня поражала не только черно-серая грива волос на его голове, но и бурная их поросль на руках и груди. По младенческой наивности я был уверен, что имя Михаил ему дали именно из-за этого. Дядя Миша с удовольствием играл со мной на ковре в машинки и там же устраивал «борьбу без правил». И еще у него была коллекция старинных монет, которую он обещал мне подарить в год окончания школы.

* * *

Но если дома при виде мамы в обычных хлопотах надежда во мне укреплялась, то за его порогом, наоборот, – слабела. Не масло, а просто-таки бензин в огонь моих переживаний плеснула наша соседка со второго этажа, которая вместе с дочкой жила напротив тети Гали-французской. Она въехала к нам, когда я был в третьем классе и представилась

так: «Куркина, вдова». Познакомившись со всеми, она четко определила для себя круг тех, с кем поддерживала знакомство хотя бы на уровне обычных приветствий, и тех, кого она просто не замечала. А ее дочка, которая работала в салоне спа-услуг, не здоровалась ни с кем. С Варварой-Грозой и тетей Галей-французской «вдова Куркина» была, можно сказать, даже любезна. С мамой и мадам Свижской – здоровалась. Дору и «тетю Галю-черненькую» – обе работали укладчицами на кондитерской фабрике – «не видела в упор». А, встретившись с Джамилей, Оксаной и тетей Наташей, делала такой вид, будто встретилась с чем-то беспредельно возмутительным. Так вот, как-то на этой неделе я спешил и не придержал за собой входную дверь, которая захлопнулась перед ее носом. Варвара в это время стояла на площадке третьего этажа. И вот, когда я поднимался к себе, «вдова Куркина», обращаясь к ней, громко сказала: «Малолетка наглый! Ну ничего, останется без матери, и жизнь его поучит!» У меня после этих слов перехватило дыхание. Последнее, что я услышал, вваливаясь в переднюю, был бас Варвары: «Да заткнитесь, мать вашу!». С этой поры я стал прислушиваться к тому, что, как мне казалось, говорили обо мне и маме не только соседи, но и учителя в школе. Вообще, мне теперь казалось, что все об этом только и говорят. Проходил я как-то мимо нашей классной, Марии Планетовны... то есть Платоновны, которая с химичкой разговаривала и слышу: «Ну, это так обычно и бывает: хорошо-хорошо и вдруг...» Тут хи-

мичка видит меня, обрывает фразу на полуслове, а классная так сочувственно мне:

– Здравствуй, Никита, как там мама?

У меня во рту пересохло, и я едва выдавил из себя: «Спасибо, хорошо».

Она опять фальшиво так:

– Вот и прекрасно, а ты старайся, твои хорошие отметки для нее лучшее лекарство.

Историк записывал желающих участвовать в пешеходном квесте в Коломенском, я поднял руку, а он спрашивает:

– Ивлев, а у тебя же с мамой что-то серьезное, ты уверен, что тебя отпустят?

Зашел в класс, а там Ленка Савельева с Вощаковой секретничают. Слышу Ленка Ане говорит: «А ты не знаешь, он заразный? Я ужасно боюсь! Вчера он рюкзак мой таскал... И говорят, что мать его...» Увидела меня и потащила Вощакову в другой угол. Тут я не выдержал и сказал Ванде:

– Слушай, у девчонок что, нет других тем для разговора, кроме как обо мне?

– У каких девчонок? – изумилась она.

– Ну, хотя бы у Ленки с Аней. Стоят, обсуждают, я заразный или нет.

– Ты с дуба рухнул! Нужен ты им!

– Но я же своими ушами слышал, как Савельева спросила: «А он заразный?». И ее прямо передернуло, когда она меня увидела. Мы же с ней лабораторку по химии делали, и я

рюкзак ее переносил.

– Пуп мира! Ты что же думаешь, проблемы только у тебя? А у других нет? Если хочешь знать, у Савельевой щенок стригушим лишаем заболел, а Ленка боится, что и у нее волосы вылезут! Вот, блин, проговорилась! Из-за тебя, шизика!

– Сама ты...! – огрызнулся я, но дышать стало легче.

Я все время пытался набраться смелости и попросить маму рассказать, что за лечение у нее будет в больнице, от чего. И каждый раз не решался. Хотел определенности и одновременно боялся ее. А пока я пугался сам и пугал других своими подозрениями, Шишкарев пытался толкнуть приставку парням из одиннадцатого. За два дня торгов он снизил цену, а пацаны набавили, и приставка ушла к Витьке Мозговому. Мы собирались провести обмен на следующий день, но тут произошло странное событие.

Посылка из Новосибирска

Мы слушали с мамой передачу Юрия Лотмана о том, как люди обращаются друг к другу. Шел разговор о том, что один знатный вельможа разработал свою сложную систему обращений, в зависимости от того, насколько богат был его собеседник. Я хотел сказать маме, что у «вловы Куркиной» такая система тоже существует. Но увидев, что мама задремала, накрыл ее пледом и сделал звук потише. И в эту самую минуту раздался звонок в дверь. На пороге стоял мужик и держал перед собой картонный ящик. На улице лил дождь, но на нем не было ни куртки, ни плаща, туфли блестели и было件нятно, что он приехал на машине.

– Добрый вечер, – сказал незнакомец. – Тут живет Ирина Ивановна Ивина?

Я подтвердил. Он вошел в переднюю и вопросительно посмотрел на меня:

– Позовешь?

– Она спит, – ответил я растерянно.

– Ладно, не будем ее тревожить. Я друг Алексея... Алексея Николаевича Градова. А ты Никита?

Я кивнул.

– Можно пройти на кухню?

Он осторожно поставил ящик на стол и сказал:

– Там внутри объяснение, что к чему. А это (он вынул

пакет из внутреннего кармана) отдашь маме. Да, и вот моя визитка.

Он протянул мне карточку и шагнул за порог.

Человек этот, на мой взгляд, был больше похож на друга Родькиного отца-адвоката: костюм-тройка, рубашка с двойным воротником, оксфорды. Когда дверь за ним закрылась, я прочитал:

«Геннадий Ильич Бортников, супервайзер Транструб-маш... – и дальше весь алфавит. Не успел я дочитать, что написано на визитке, как из комнаты, кутаясь в платок, вышла мама,

– Кто-то приходил? Дора?

– Мужик какой-то. Вот посылку принес от твоего «соседа по парте».

Мама стала разглядывать коробку, на которой не оказалось никаких надписей.

– Да, – вспомнил я. – Он еще вот это передал.

И отдал маме пакет.

Мама открыла большой конверт, и брови ее высоко взлетели. Я заглянул из-за маминого плеча и увидел в пакете деньги и какую-то записку, написанную от руки. Мама вынула письмо, а пакет положила на стол. Она быстро пробежала глазами написанное и спросила меня удивленным голосом:

– Кит, ты что, писал Алексею?

– Я-а?! Нет, конечно! А что?

– Ну-ка, посмотрим, что в посылке.

Когда я на следующий день рассказывал Шишкареву об этом событии, он, как и мама, по-моему, не совсем поверил в то, что никакому Алексею Градову я не писал. Я даже разозлился. Хорошо еще, что Ванда была на моей стороне. Надо сказать, что из-за ее любопытства мне пришлось подробно описывать все, что было в посылке.

– Здоровая банка меда, компот какой-то из сушеных ягод и пакетики. На некоторых охотник с собакой нарисован. И конверт с баксами. Часть таких, как мы с Родькой меняли, когда ему отец сотню зеленых на Новый год подарил, и еще с какими-то другими портретами.

– Ну, и что сказала мама?

– Назвала его этим... как его... американским миллиардером...

– Биллом Гейтсом?

– Да нет. Другим... типа Ротвеллер

– Просто так назвала и все?

– Да.

– А с какой интонацией?

– Это тебе зачем?

– А если она рассердилась и деньги ему назад отошлет?

– Она не сердито сказала.

– А как? Давай, ты же чемпион класса по синонимам!

– Озадаченно... и немного одобрительно...

– Значит сразу не отошлет, побоится обидеть. Начнутся теперь переговоры. А ты должен сказать, что вы можете отдавать деньги по частям. В четырнадцать уже можно иметь свои лавэ, заработанные.

И мы стали решать, продавать теперь Мозговому приставку или нет. Родька сказал, что уговор дороже денег, и полученные лавэ будут наши общие. То есть он их трогать не будет, и они будут у него лежать до особого случая.

«...представь, как нам будет хорошо, когда ты вернешься!»

Когда я пришел домой, то сразу почувствовал, что, наконец, мама «вернулась» и живет в настоящем времени. А то она как будто делала одно, а думала совсем о другом.

– Леша, звонил, – сказала она, когда мы сели за стол. – Передавал тебе привет.

Я думал она еще что-нибудь скажет, но она молчала.

Вечером после ужина, когда я уже собирался вырубить комп, мама зашла ко мне в комнату со стеклянной чашкой в руке.

– Кит, попробуй!

В чашке была жидкость красно-бурого цвета. Я отхлебнул немного.

Вкус был незнакомый, но приятный.

– Что это?

– Это из тех ягод, которые Леша передал, и немного меда. Он сказал, что сам все собирал, а мед – с таежной пасеки его друга.

– Круто, – сказал я, а про себя ехидно подумал: «Ученик профессора Снегга, не иначе. Рябиновый отвар готовили на втором курсе вместе с дыбоволосным зельем. Он ничего там не перепутал? А деньги он, наверное, у сибирских колдунов

получил и обменял на магловские...» И не успел я подумать о деньгах, как мама сказала:

– А деньги он передал не свои, а Павлушины...

Мама взяла у меня пустую чашку и присела на диван.

– Мы в одном доме жили. Лешка и я в соседних подъездах, а Павлик в подвале. У него отец был дворником. Учился Пашка просто ужасно, а руки были золотые, и очень добрый. Со школы на автобазе крутился, а потом там же механиком работал. И образования, кроме восьми классов, не получил, и не женился. Потом, когда нас с Лешей уже рядом не было, Паша с родителями переехал в однокомнатную квартиру, которую оформили на него. Сестра уже замужем была и жила отдельно. Так вот она вдруг решила, что Павел должен немедленно официально завещать квартиру ее детям. Паша согласился и еще оформил дарственную Алексею на свой мотоцикл с условием, что половина его стоимости будет моей. Все смеялись и говорили, что к тому времени, как завещание вступит в силу, от его Харлея и колес не останется. А Паша в тот же год погиб... Ехал пассажиром...

Мама встала.

– Мы в детстве все делили поровну: конфеты, деньги, которые на школьные обеды получали... А знаешь, сколько стоил Павлушин Харлей? Лешка говорит больше полумиллиона.

Губы у мамы задрожали, и она быстро вышла из комнаты. Я подождал немного и пошел за ней. Мама лежала на ди-

ване лицом к стене. Я подумал, что она плачет, испугался, подбежал к дивану, сел на край, наклонился и прижался к ней:

– Ма-а-м!

Мама повернулась и приподнялась. Она не плакала, но лицо у нее было таким, как при простуде: нос распух, глаза покраснели:

– Ты что, Кит?

И я отважился:

– Мам, ты помнишь, как я первый раз был у зубного? Я все спрашивал, что там в кабинете со мной будет, а ты сказала: «Не думай об этом. Ты думай о том, как оттуда выйдешь, и мы пойдем есть мороженое в кафе». А теперь я тебе прошу: «Не думай о том, что будет в больнице: представь, как нам будет хорошо, когда ты вернешься!»

– Знаешь о больнице?.. – высоким от волнения голосом спросила она и покачала головой. – От кого?

– Неважно. Знаю. И ничего в этом особенного. Симон Александрович у себя в госпитале каждый год обследуется. И никакую тайну из этого не делает.

– А как же ты тут один будешь, Ки-ит?

– Очень даже прекрасно, если, конечно, один! Но тут же вся твоя библиотека будет проводить мониторинг моего поведения!

– Обещай, что поедешь к Марте и Михаилу Марковичу! Меня ведь долго, наверное, не будет.

– Об этом потом. Ты сейчас думай о себе. Тетя Наташа говорит, что это хорошая примета, когда все, что нужно, легко приходит. Нужны были деньги – и вот они, пожалуйста. А Марта все голову ломала, как их достать.

– Да, но когда все так быстро приходит, то боишься, что так же и уйдет. И как-то уж очень во-время подоспела Лешина посылка.

– Ну, это не ко мне! Я ни при чем! Дора говорит, что это «провидение».

Мама грустно улыбнулась.

Репетиция переезда к Марте

Вроде бы после этого разговора ничего не изменилось, но мама явно повеселела, и мне стало спокойней. Единственное, что мне хотелось бы решить поскорее, – это то, где я буду жить в мамино отсутствие. Мама, по-прежнему, считала, что я должен переехать к Марте и дяде Мише. А я такое бегство из собственного дома считал совершенно невозможным. В обычное время я бы с радостью пожил у Марты. Но теперь мне суеверно казалось, что покинутая квартира уже сама по себе накликает на нас разлуку и беду. И вот с таким настроением я по приглашению Марты поехал к ним на воскресенье.

В субботу вечером она прочитала мне по дороге целую лекцию о том, какой у них в районе чистый воздух, какие замечательные парки, озера и старинные усадьбы. А дядя Миша встретил меня, как бедный дворянин наследного принца, которому в доме во временное пользование выделялось особое помещение. У них теперь была небольшая двухкомнатная квартира, и одна из комнат, судя по всему дяди Миши, готовилась для меня. Со старинного письменного стола грандиозных размеров исчезли горы картонных папок и книг с закладками, а остался только комп, принтер и, что особенно меня тронуло, – модель фрегата «Паллады». Я в детстве считал ее главным сокровищем их семьи, но мне разреша-

лось глядеть на неё только очень издали.

/ Дядя Миша сразу же предложил мне обсудить план «культурных мероприятий» на воскресенье. Конечно же, на первом месте была усадьба князей Вяземских с музеем и парком. Но, по желанию, можно было посетить и Ботанический сад лекарственных растений. Теплицы, разумеется. Но эти планы были перенесены на неопределенное будущее, поскольку ночью начался дождь, который с короткими перерывами длился весь следующий день. Марта утром уехала на работу, а дядя Миша устроил показательный завтрак «двух самостоятельных мужчин». На старинной чугунной сковороде были подрумянены тонкие ломтики «настоящего английского бекона», и мне была поручена ответственная миссия: разбить для глазуньи четыре яйца так, чтобы желток не растекся. Марта регулярно названивала нам, потому что предполагала, что теперь неожиданных бытовых травм в ее доме могло случиться в два раза больше.

Когда она возвратилась домой, я рассматривал испанский талер 1665 года, который был отчеканен в Нидерландах, и думал о том, что может быть именно его держал в руках Антон Левенгук, или принц Оранский, или наш Петр Первый, который тогда учился у голландцев корабельному делу. А взъерошенный и покрасневший от возбуждения дядя Миша, сидя за компом, подбадривал себя возгласами «А я вот так прыгну! Или даже так!» и пытался перейти на третий уровень «бродилки» «Рыцарь и сокровища Агры». Учеником он

оказался неспособным, но о-о-очень увлеченным.

«Сосед по парте», явление второе

Мама пробыла дома еще неделю, а в понедельник я пришел домой и увидел, что в прихожей стоит наша дорожная сумка, а рядом пакет с термосом. Значит в больнице освободилось для нее место. Как назло, Марту вызвали в какое-то их ведомство, и проводить маму пришла тетя Галя-французская. Она суетилась и все время говорила маме: «Деточка, а ты не забыла? А ты положила?» И нам с мамой до прихода такси так и не осталось времени побыть наедине. Я сперва расстроился, а потом подумал, что так даже лучше. Как будто она на работу ушла или на день-другой по обмену опытом в Екатеринбург уехала. Два раза так было.

Марта нагрянула, когда я дождался маминого звонка, узнал, в какую палату ее поместили, и уже устроился в постели с книгой. Она была полна решимости в этот же день забрать меня к себе домой, но потом засомневалась, не слишком ли поздно, успею ли я выспаться перед школой. Я ее не разубеждал, хотя спать мне тогда совсем не хотелось. Но под утро я отключился и не услышал сигнала будильника. И надо же, что именно в этот день я встретился в раздевалке с Дашей. Мы с ней давно не сталкивались лицом к лицу, и я удивился, насколько она стала ниже меня ростом. Её тоже что-то во мне заинтересовало, потому что она не стала спешить за девчонками из девятого, которые ее звали, а задержалась.

– Привет, Никита! – сказала она, улыбаясь. – А тебе идет короткая стрижка, просто Кай Юлий Цезарь. Кстати, Владимир Михайлович вчера ставил нам тебя в пример, сказал, что по словарному запасу ты дашь фору любому старшекласснику. Ты что, и вправду чемпион по синонимам?

– И по антонимам, – ответил я, стараясь быть ироничным и раскованным.

– Вообще-то я мнение Старбога очень ценю, так что, по моему, ты своими успехами можешь гордиться.

– Разве что услышу это от тебя!

– Почему от меня? – спросила она кокетливо.

Мне так хотелось ответить ей каким-нибудь умным мемом, но единственно, на что меня хватило, это проблеять:

– Потому что ты супер!

Но что удивительно, ей это понравилось. Во всяком случае, уходя, она смотрела на меня как-то загадочно и улыбалась очень мило. Зато я чувствовал себя полным идиотом и на уроке географии довольно долго терзался воспоминаниями о своей дурости. Впрочем, благодаря этому, я прохлопал ушами очередные выпады в мою сторону нашей классной. Уж не знаю почему, но она недолюбливает всю нашу троицу. Ванду она считает «неуправляемой «гиперактивной» девицей», Шишкарева – «тормозом». А я имел глупость заявить, что учебник географии ужасно скучный. И привел для примера слова немецкого переводчика Лермонтова, который написал, что никакое толстое географическое сочинение о Кав-

казе не рассказало «так живо, и так верно о природе этих гор и их жителей, как это сделал поэт». И вот с тех пор «графиня» обожает называть меня «Печорин от географии». Никакого смысла в этом выражении нет, но в классе всегда начинается ржачка.

* * *

Не успел я к концу урока восстановить свое душевное равновесие, как вспомнил, что ждет меня после школы и опять задержался. Ну что мне нужно сделать, чтобы не уехать сегодня с Мартой? Запереться и не открывать никому дверь? Но так я бы в четвертом классе поступил! А как мне теперь «закрыться» от дяди Миши? Он меня ждал, переносил из своего кабинета все папки-закладки в спальню, планы всякие строил?! А Марта? Я же слышал, как она шептала врачу в больнице: «Эта девочка мне как дочка!» И мама... Все только и говорят, что волнения за меня погубят ее раньше болезни. И все-таки я должен остаться дома. Вот чувство у меня было такое, что если я уйду из него, мы с мамой туда не вернемся. Я сказал об этом Ванде, но она заорала, что это дикое суеверие. А Шишкарев заявил:

– Насчет «никогда не вернетесь» – это перебор, но когда я долго живу у папаши, я странно себя чувствую в собственной квартире, отвыкаю, что ли. Так что я думаю, может и правильно тебе ждать тетю Иру у себя дома. Чтобы дом от

вас не отвык. Вот у матери такого нет. Меня месяц не было, а открыл дверь, и она сразу: «Родька, попробуй на соль!» – и с ложкой ко мне. Или вот срочно найди ей в программе какой-нибудь сериал. Вроде бы мы с ней не расставались.

* * *

Мы с Шишкаревым выкатились из школы только около трех, потому что Мимоза, наша бывшая училка по изо, попросила перенести из коридора к ней в кабинет какую-то увядшую флору. Ванды к тому времени уже и след простыл. В обычном месте мы с Родькой попрощались, как всегда, без лишних сантиментов, и я поплелся к себе. Отсчитал все ступеньки, повернул ключ в замке, распахнул дверь и... По ту сторону порога стоял, засунув руки в карманы джинсов «мамин сосед по парте» – Алексей Николаевич Градов. От такого «дежа вю» я резко вдохнул, у меня защипало в носу, и я понял, почему в фильмах тому, кто... нервничает, подают платок, а он... нос вытирает. В общем, чтобы не позориться, я рванул в ванную. Когда я, наконец, выключил воду, за дверью было тихо, но не сидеть же мне было тут вечно. Пришлось выйти, снять куртку и укрыться у себя в берлоге. Но дверь я не закрыл и уселся на диван к ней лицом.

– Привет, Никита, – сказал незваный гость, появляясь на пороге. – Злишься? Ну, прости, я у Доры ключи взял, чтобы на лестнице не торчать. Мне только на пару вопросов ответ

получить, и уйду я.

– Мама в больнице.

– Знаю. Напиши в какой, отделение и номер палаты. Будь добр.

А я вспомнил, как он вот так стоял и звал меня ужинать, я от компа никак не отрывался, и мама кричала из кухни: «Мальчишки, ну где же вы? Стынет!» И опять мне впору было бежать в ванную. А он вдруг сел со мной рядом, обнял за плечи и сказал:

– Тихо, Никита. В больнице же не только болеют. Там лечатся и выздоравливают.

– Вы же ничего не знаете! – в сердцах почти прокричал я.

– Ну да! А чего бы это я здесь оказался!

– Мама Вам звонила?

– От нее дождешься! У меня собственная агентурная сеть, – сказал Градов с иронией и руки с моих плеч снял.

Я встал, вынул бумагу из принтера и записал все, о чем он просил.

– Дора говорит, ты у маминых друзей жить будешь. Далеко?

Это уже тогда было сказано, когда он куртку надевал. Даже не куртку, а что-то похожее на короткий черный бушлат, с клапанами вместо погон и двумя рядами деревянных пуговиц, пришитых крест накрест. На вид не для наших ноябрьских холодов. И у меня вырвалось:

– А у Вас есть, где жить?

– Устроюсь.

– И долго пробудете?

Он молча, испытующе посмотрел на меня и сказал после паузы:

– Давай выкладывай, в чем проблема.

– Если Вы останетесь, мне уезжать не придется.

– А если не соглашусь?

Сказал, как наотмашь ударил, и я сорвался и закричал:

– И не надо! Идете, устраивайтесь! Я все равно дома останусь.

И стал дверь перед ним открывать.

А он сумку с плеча снял и меня от двери оторвал.

– Если так серьезно, пойдем поговорим.

Я даже не помню хорошо, о чем я орал, срывая голос, потому что был в полном неадеквате. Он молча выслушал, налили мне воды прямо из-под крана, а не из фильтра (это я все-таки заметил) и сказал:

– В твоей жизни все было так расписано, мальчик, что одна «вводная» – и ты совсем потерялся. От того, что ты будешь ждать маму у маминых друзей, ничего не изменится, поверь мне. Но если в твоём решении остаться дома есть что-то от взрослого желания не выезжать на других, а самому решать свои проблемы – я готов помочь. Но у меня будут два условия. Первое – мама должна согласиться. Второе – ты сам должен уладить отношения с теми, кто ждет тебя к себе. Не знаю, что легче.

Решено. Я остаюсь дома с Градовым

Марта пришла в семь. К тому времени я весь извелся. Дверь открыл Градов, а я стоял у себя в комнате и сердце у меня стучало, как пулемет.

– Вы кто? – растерянно спросила Марта, не здороваясь.

– Алексей Николаевич Градов, из Новосибирска. А Вы – Марта Яновна? Добрый вечер, входите, пожалуйста.

– Вы в сентябре приезжали, дальний родственник?

– Да, был здесь в сентябре.

Я подумал, что он просто как я Шишкареву и Ванде: не соврал, но и всю правду не сказал.

– Никита! – позвала Марта с тревожными нотами в голосе.

Пришлось выйти.

– Ты собрался?

– Нет. Я сегодня не поеду.

– Хочешь побыть с... – она запнулась.

– Да..., с Алексеем Николаевичем.

У Марты на лице сразу же отразились недоумение, растерянность и раздражение. а у Градова только брови чуть дрогнули.

– А мама знает?

– Мы завтра с ней встретимся.

Наступило напряженное молчание.

– Пойдемте чаю попьем, Марта Яновна, вы же после работы, – первым сказал наш новый родственник, и, к моему удивлению, Марта согласилась.

Я в чаепитии не участвовал, а они разговаривали о погоде, парниковом эффекте и ценах на авиабилеты.

* * *

Утром, когда я после завтрака мыл свою тарелку, Градов, уже в ботинках и куртке заглянул в кухню и сказал с удивлением:

– А ты что же не торопишься?!

– Я не пойду.

– Это еще почему?

– Я домашку вчера не сделал.

– Ну и что?

– Не хочу нарываться.

– Ты что, пар никогда не получал, или как там у вас двойки называются?

– Так и называются. Получал.

– Так давай, собирайся, вместе выйдем.

И почему я веду себя рядом с ним как загипнотизированный кролик – не могу понять! Когда мы дошли до школы, Градов сказал:

– После уроков не задерживайся и жди моего звонка.

Очень может быть придется к больнице из разных точек добираться. Деньги на дорогу возьмешь на телевизоре. Ну, разбегаемся!

* * *

С Шишкаревым и Вандой мы договорились мои проблемы в классе не обсуждать, но всех нас распирало от желания обменяться мнениями. И мы после шестого отправились в Дубравку, в ту самую беседку, где я перевязывал Вишневской ногу. Что удивительно, расспрашивал меня в основном Шишкарев, а Ванда просто слушала. Сошлись на том, что появление Градова – это везуха, и теперь главное убедить маму, что мы с ним уживемся.

* * *

В больницу к маме мы действительно приехали «из разных точек», и Градов оказался там раньше меня. Я как раз читал на двери объявление про «санитарный день», когда у меня за спиной раздался его голос:

– Давай за мной!

И мы побежали вокруг здания, вышли через какую-то незаметную дверь на лестничную площадку у лифта, но пользоваться им не стали и побежали вверх по выщерблен-

ным ступенькам. Остановились на пятом. Градов приоткрыл дверь в коридор, откуда донеслись какие-то противные запахи общепита и лекарств, сказал что-то видной через стекло фигуре в зеленом халате, и бросил мне через плечо:

– Поднимайся за лифт!

Я посмотрел вверх и увидел еще пол лестничного пролета, который утыкался в железную дверь. Там мы прождали маму довольно долго. Она вышла с покрасневшимся лицом и блестящими глазами, обняла меня и сказала своему соседу по парте: «Ну и авантюрист ты, Лешка!» Она была в меховых тапочках, которые подарила ей тетя Галя-французская, шерстяных носках и белой кофте, которую когда-то связала ей бабушка Маня.

– Почему у вас холодно? – спросил я. – Ведь в больницах должны хорошо топить!

– Должны, – засмеялась мама. – но что-то у них не получается.

– Вы вот что, – сказал Градов. – поговорите, а я спущусь вниз, мне еще кое с кем встретиться надо.

– Так ты уже знаешь? – спросил я маму.

– Только то, что ты не хочешь переезжать к Марте.

– А что, вариант оставаться мне дома вместе с ним, он не обсуждал?

– Алексей сказал, что об этом ты скажешь.

– Мам, но мне же правда лучше дома тебя дожидаться. А Градов пообещал, что будет со мной столько, сколько нужно.

Мне только с тобой и Мартой нужно договориться.

– Кит, я очень доверяю Алексею, но у него же не было детей, мне кажется, что для него ты просто «взрослый маленького роста».

– Ну, не такого уж маленького, – возмутился я. – И я думаю, это лучше, чем думать, что человек моего возраста – это просто длинный грудной ребенок!

Мама засмеялась и обняла меня.

– Но ты же с ним не очень ладил. Мне казалось вы так и не подружились.

– Когда это было, – возразил я. – Меняются обстоятельства, меняются и отношения. Наш Старбог – ну, литру у нас преподает вместо русички, так Старбогатов говорит, что не меняются только дураки.

– И вот так за один день у тебя, умника, отношение к Леше поменялось?!

– Не за один день! Я его вспоминал, ты о нем рассказывала. Постепенно все произошло. Пожалуйста, мама, соглашайся!

– А как же нам с Мартой и Михаилом Марковичем все уладить? Ты же рассказывал, что они для тебя даже комнату приготовили, ждут!

– Градов сказал, я сам все должен уладить, и я это сделаю. Я бы все равно к ним не поехал, даже если бы не явился твой «сосед по парте». Кстати, ты знаешь, что Марта считает его моим дядей? И я не стал ей возражать.

– Ох, Кит! Заварил ты кашу!

– Ма, но я же согласен ее расхлебывать! Ты только разреши нам вдвоем тебя дожидаться.

Потом пришла очередь мне ожидать Градова возле больницы, а ему с мамой переговоры вести.

Градов рулит

Разговор с Мартой происходил хуже, чем с мамой. Я даже не предполагал, что нанес ей своим желанием остаться с Градовым такой удар по ее чувствам.

– Все! – сказала мне Серафима в тот же день. – Вот узнаешь теперь, как быть фаворитом в отставке.

Объяснение с Мартой я перенес очень тяжело, был сам не свой несколько дней. Надо сказать, Градов, несмотря на свою жесткость и прямоту, меня не трогал, и свои правила «общезития» объявил, когда я немного устаканился. Сказал, что главное всегда быть на связи и заранее говорить, что планируешь на следующий день.

Каждое утро мы выходили из дому вместе: я поворачивал налево – в школу, он направо – к троллейбусу. Уезжал куда-то в город, где, по его словам, нашел временную работу, и возвращался к шести.

В тот вечер, когда мы в третий раз за день ели яичницу, Градов сказал:

– Пора заканчивать с этой петушиной диетой. Что ты умеешь готовить?

– Варить картошку и макароны.

– Уже хорошо. Сегодня нам привезут пиццу, а завтра сварим борщ и гречневую кашу. Вот здесь – он выдвинул кухонный ящик, я кладу деньги на текущие расходы. Завтра по

дороге из школы купишь себе всякие «чудо-йогурты» и другую молочную ерунду дня на три. И хлеб. На школьные обеды деньги нужны?

– Нет, у нас карточки.

После уроков мы немного побесились, изображая канатоходцев на заборчике за школой. Разыгрывали первенство между 7-б (нашим) и 7-в: я и Шишкарев против трех «вэшек». Я свалился третьим. А Шишкарев удержался до конца. Второе место досталось Витьке Мозговому из «вэ». Все было честно, но Витька страшный бузотер, и он стал орать, что Шишкарев кого-то задел рукой и потому на его победу нужно забить. И тут начался дурдом Ромашка! Девицы из «вэ» стали визжать и требовать, чтобы все начать заново. Я выбыл из строя, потому что упал не на газон, а на плитки, и расшиб колено. Шишкареву бодаться с «вэшками» одному не хотелось, поэтому он сказал: «Народ, без обид! Всем до свидос!». И мы свалили.

Как уговаривались, я позвонил из дому Градову, включил комп, решил, пока один, порубиться и заигрался.

* * *

Очнулся, когда услышал, как в коридоре хлопнула дверь. Он пришел, как обещал, в шесть, принес в объемистых пакетах продукты и сказал, что мы будем готовить борщ. Разделся, закатал рукава, вымыл руки и выложил в раковину

какой-то силос. Потом нашел большую кастрюлю, загрузил туда кусище мяса, залил водой, поставил на огонь. Я стоял рядом, наблюдал.

– Хлеб купил?

А я только сейчас об этом вспомнил.

– Нет.

– Тогда давай за ним побыстрей.

– Поздно уже!

– Магазин через улицу!

– Там хлеб всегда черствый.

– Завтра купишь себе, какой нравится, а мне и черствый сгодится, только возьми черный, ржаной.

Я поплелся в коридор, натянул куртку.

– Деньги не забыл?

Возвратился, взял деньги.

Когда принес пол кирпича окаменелого хлеба, Градов бодро рубил на разделочной доске капусту.

– Ты сказал, что умеешь варить картошку. Возьми три-четыре, разрежь на четыре части и брось в кастрюлю.

– Но я же не умею варить борщ!

– Если умеешь варить картошку – технология та же.

Чистишь, моешь, режешь и бросаешь в воду, бульон, суп...

Градов оторвался о доски и выжидающе посмотрел на меня.

Я пожал плечами и полез в ящик за картошкой. Она бы-

ла вся в земле и разная по размеру. Я подумал, что если за Солнце принять мяч, то можно выстроить парад всех восьми планет в соответствии с их размером.

– Никита, – окликнул меня Градов – Поскорей давай.

Я вздохнул, вытащил сетку с картошкой, уселся на табуретку и взялся за ножик. Но потом задумался, а куда очистки бросать? Градов взглянул на меня и без слов поставил рядом с пакетом ведро для мусора. Я с грехом пополам очистил Юпитер и стал искать глазами, куда бы его положить. Дотянулся до блюда. Потом пришла очередь Сатурна, но ему на блюде не хватило места. Пришлось встать и взять с сушилки тарелку. Градов ничего не сказал, только головой помотал. Я выбрал Уран и Землю и решил, что этого хватит. Пошел отмывать планеты под краном. Разрезал на тарелке и спросил:

– Так?

– Бросай в кастрюлю!

Я наклонил тарелку, и брызги кипятка полетели мне в лицо! Не успел я осмыслить происходящее, как услышал телефонный звонок и, утираясь, побежал в комнату. Звонила мама. Голос у нее был повышенно жизнерадостный. Она сказала, что в больнице стало теплее, соседки у нее прекрасные, а врач Гия очень внимательный. Потом пошли вопросы! Что я ел, что надел и все в таком роде. После меня трубку взял Градов и сказал, поворачиваясь в мою сторону: «Иди на кухню и прикрути горелку, не надо, чтобы сильно кипело». Я

вышел, а он за мной дверь прикрыл, так что слов я разобрать не мог, но понял, что теперь Градов вопросы задает, а мама отвечает.

Борщ сварился к восьми. Первые ложки с чем-то помидорно-свекольным я подносил ко рту с осторожностью. По виду похоже на то, что варила мама, а там кто его знает. Но потом разошелся и в один миг вычерпал до дна полную тарелку. И не только потому, что был голодный. И вот, наверное, от чувства сытости я расслабился, и, как обычно при маме, произнес наше шуточное семейное четверостишие:

«Наклонившись над тарелкой, гномики сопят,
Отвалившись от тарелки, гномики храпят».

И Градов рассмеялся. Я не предполагал, что улыбка может так преобразить лицо и в одно мгновение рассказать о человеке то, о чем не узнаешь даже после долгого знакомства. И может именно в это мгновение «незнакомый мужик», «незванный гость» «сосед по парте» и «Градов» стали постепенно превращаться для меня в «Лёшу». Но это произошло гораздо позже, а тогда он сказал:

– Так это же наши с Пашкой и Аришкой стишки! Думал, никогда их не услышу!

Сытый и сонный, я принялся за домашку. По физике были барометры-манометры, и учебник нераскрытым полетел в рюкзак. Про таблицу Менделеева и вещие сны Дмитрия Ивановича нам с Вандой давно от Шишкарева известно. Упражнение с деепричастиями я накатал за десять минут. И вспомнил, как на уроке Шалимов нашел пример на деепричастие из Пришвина, и даже Старобогатов долго не мог успокоить мужскую половину класса. Пример был такой:

«Лось, обдирая осинку, с высоты своей спокойно глядит на ползающую девочку, как на всякую ползающую тварь». Девицы потом гоняли Ваньку по все школе. Заклинило меня на алгебре. При решении методом подстановки у меня значения игрека выражались какими-то дикими числами, у которых делимое не делилось на делитель без остатка. В это время ко мне в комнату зашел Градов, заглянул через плечо, сказал: «Переведи в простые дроби, сократи числитель и знаменатель и получится вполне прилично». Действительно получилось. Мысленно послал ему «респект».

Было четверть одиннадцатого, когда Градов опять заглянул ко мне и сказал:

- Давай поскорее в душ, а я потом за тобой.
- Идите, – ответил я. – Мне сегодня не хочется.
- И при маме не хотелось?

– Иногда.

– Вот это «иногда» мы оставим на потом, а сейчас шагай в ванную.

Новый опыт существования без мамы

Опыт существования без мамы, когда у нас жила Катерина, у меня был. И мне казалось, что, если вместо нее у нас поселится Градов, то ничего особенно не изменится. Но я ошибался. В первом случае некоторые мамины обязанности исполняли Марта и Катя. Они что-то покупали и готовили. А то, что они не могли за маму делать (например следить, что и как я надеваю, каким полотенце пользуюсь после душа и тому подобное) – полностью доверялось мне. Эти проблемы я решал очень просто. Запихивал грязное белье и рубашки в пакет и бабушки Манину выварку в туалете. Мама возвращалась, все это стирала, приводила в порядок и аккуратно складывала в гардероб.

С Градовым так не получалось. Вот, например, он узнал, что я люблю винегрет с фасолью. Так вот все, кроме картошки и свеклы, я должен был купить сам. В результате фасоль я купил не в собственном соку, а в томате. Огурцы в вакуумной упаковке оказались сморщенными и солеными до ядовитости. И даже масло было какой-то непонятной смесью подсолнечного с оливковым, без привычного запаха. Морковки, правда, мне удались.

И так во всем. Вот о рисе я знал, что он белый и все. Но

я умудрился купить такой, который, сколько его не варили при классическом сочетании крупы и воды один к трем, так и не стал мягким. Градову это понравилось. А мне пришлось залезть в интернет и узнать, что рис даже по цвету отличается и бывает бурый, желтым, красным и фиолетовым! А когда я начитался до одури о свойствах каждого сорта крупы, мне оставалось только разлюбить рисовую кашу. С гречкой получилось почти то же! Хорошо еще, что картошку Градов покупал сам.

Что касается одежды, то я не усложнял себе жизнь, влез в серый джемпер и надевал его каждый день, пока в четверг Анька Вошчакова не сказала мне с иронией: «Сорок оттенков серого?» Тогда я сунул джемпер в выварку, туда же и носки положил. И вот в тот же вечер Градов и говорит:

– Пора нам бельишко постирать. Мои смены уже кончились, а что у тебя? Давай неси.

Я принес.

– И только то? – удивился Градов. – Я, вообще-то, не в курсе, как вы сейчас одеваетесь. Ну, форма школьная и все такое. У нас девочки в коричневых платьях ходили, а мы – кто в чем. Мне отец раз в год брюки какие-нибудь покупал, а белье в твоём возрасте я донашивал то, что мне мама еще покупала. Однажды, когда я мусор выносил, соседка увидела меня в том, что от майки осталось, и отцу скандал устроила.

Если у вас каждый день все менять нужно, так не проблема. Пойдем и купим, что надо. Только давай сам следи, по-

сле душа все бросай в машину. Тебе дезодорантом еще рано пользоваться, но все равно ведь неприятно несвежее белье носить.

Вот в этот день я впервые узнал что-то о Градове от него самого.

Я срываюсь или, как говорит наша англичанка, «ly off the handle»

Мама звонила каждый день, но о чем можно было поговорить за пять-десять минут по телефону. Все, о чем я хотел спросить или рассказать, накапливалось внутри меня. Я как будто носил в себе высокий заряд электричества. и разряжался, срываясь в школе по всяким пустякам.

На русском Владимир Михайлович предложил нам написать несколько связанных фраз со словами «темные облака», «молния», «гром» и «дождь», употребляя прилагательные, а так же деепричастные и причастные обороты.

Я написал:

«Небо нахмурилось. Тяжелые темные облака, обгоняя друг-друга и принимая зловещие очертания отрубленных голов с судорожно раскрытыми ртами и глазами, вылезавшими из орбит, ползли к северу. Наступила зловещая тишина, предвещающая разрушительную бурю. Внезапно ослепительная молния, как лезвие бритвы, рассекла небо кровавой царапиной. Хлынул дождь, и пугающе захохотал гром».

Написал первым и сдал.

Старобогатов поменял на носу очки и начал читать. Уже через несколько секунд брови его поползли вверх. Потом он

поднял голову, опять поменял очки и спросил несколько растерянно:

– Ивин, Вы что, Кинга начитались!!

(Кстати, я просто кайфую, оттого, что он нас на Вы называет!)

Я не ответил, а только плечами пожал. Я ужасы Кинга забываю, когда закрываю книгу или отрываюсь от монитора. А сейчас ужасы обступили меня со всех сторон и не уходили даже во сне!

А Владимир Михайлович продолжил:

– Знаете что, мой друг, загляните ко мне после уроков. Обсудим, гм, некоторые особенности образности и экспрессивности Вашего текста. А за грамотность получаете «отлично».

Я не очень-то хотел в школе оставаться. Мне в бассейн нужно было спешить. Впрочем, надолго меня Вэ-эМ не задержал. Спросил, почему мои фантазии такие мрачные, может это связано с какими-то личными проблемами? Вот умный же человек, но неужели он думал, что я вот так все ему и выложу. Я, конечно, сказал, что это просто прикол и обещал в следующий раз написать что-нибудь повеселее. Поэтому, он вздохнул с облегчением, отдал тетрадь, и я побежал одеваться. И надо же было мне с этой тетрадкой в руке столкнуться с Климовым и Шаповаловым! Это у нас в классе два абсолютно диких типа. Они здоровые, как кони, а когда после физры надевают рубашку поверх мокрых футболок, в

классе такая вонь стоит, что дышать невозможно. В Шаповалове еще заметен какой-то интеллект, а Климов – открытый тормоз и садист. Я для них желанный, но трудно достижимый объект развлечения. Когда мы с Шишкаревым и Вандой втроем, они меня не цепляют, а если один – мне достается. Их любимое шоу – «взять меня в коробочку» и орать на ухо некие слова, которые в книгах заменяют многоточием. Они знают, что я этого физически не переношу. Ну, и руки, конечно, распускают.

В этот раз Климов выдернул у меня тетрадку, Шаповалов прижал к стене, и они стали разыскивать, что я такого интересного на русском написал. Мне на тетрадь было наплевать. Пусть бы делали с ней, что хотели, но Климов начал читать текст вслух, и, разумеется, понабежали любопытные. Я стоял спокойно, потому что долго это продолжаться не могло, но тут в коридоре появилась Даша. Я неожиданно даже для себя сделал рывок, и мы с Шаповаловым оказались на полу. На нас повалился кто-то еще, и поднялся визг на весь коридор. Когда я выбрался из этой кучи-малы, туда уже спешил наш физрук, а Даши поблизости не оказалось. Не знаю, заметила ли она меня в компании этих двух дебилов, но настроение у меня стало хуже некуда. Наверное поэтому, когда наш тренер Симиыч стал в очередной раз пенять мне за мою плохую физическую подготовку, из-за которой меня самого надо спасать, я психанул и ушел с тренировки. Дома я успокоился, но Градов все присматривался ко мне и в конце-кон-

цов спросил:

– Ты в порядке?

На что я раздраженно ответил:

– Да!

И, помолчав, добавил достаточно едко, потому что не люблю этого голливудского выражения:

– Или ОК больше подходит?!

– Фифти-фифти, – спокойно сказал Градов и ушел из кухни, где была моя очередь мыть посуду.

* * *

Ночью я проснулся от собственного крика. Футболка была влажной от пота, и меня сразу стал бить озноб. Не успел я осознать, что со мной приключилось, как в коридоре зажегся свет и на пороге появился и тут же исчез Градов. Через минуту он опять возник в дверях, но уже со стаканом воды в руке и сел на краю дивана.

– Это просто сон! Просто сон! Давай, Кит, пей!

Я схватил стакан, и мои зубы застучали о стекло.

Градов положил теплую руку на мое плечо, после этого быстро встал пошел в свою комнату, а когда возвратился, помог мне стянуть с себя мокрую футболку и надел через голову что-то сухое и просторное.

– Иди пройдишь, куда цари пешком ходят, а я наволочку поменяю.

Когда я вернулся, в коридоре комком лежали наволочка, а Градов возился с простыней.

– Ложись, сынок! Все будет хорошо! Если бы ты знал, сколько таких снов я за своё детство перевидел! Как говорится, и это пройдет. Давай на правый бок, закрывай глаза, дыши поглубже, а я тут посижу. Рядом со мной никакой кошмар не уживется. Меня, знаешь, даже медведь однажды испугался. Видел бы ты, как он бежал из малинника. Правда, я тоже бежал... только в другую сторону.

Градов тихонько засмеялся.

Утром, о том, что произошло ночью, мы не вспоминали. На мне оказалась футболка Градова, которую я тихонько отнес и положил на его постель.

Я объясняюсь с Мартой и прихожу в себя

В субботу карантин или что-то там еще в больнице отменили, и мы встретились с мамой в ее отделении. Она выглядела немного усталой, но во всем остальном ничего в ней не изменилось. Градов дал нам наговориться, и сам держался немного поодаль. Я рассказал маме всякие мелкие подробности о школе и наших домашних делах, о заплывах в одежде на зачетное время в бассейне у Семыча, передал приветы от соседей и пакет со всем, о чем она просила по телефону. Потом мама сообщила нам с Градовым, что обследования продлятся еще неделю, а там видно будет. Я хотел спросить, что именно «будет видно». Но тут пришла Марта. Вернее «Декабрина». От нее так и веяло морозом. Градов уступил ей стул и исчез в коридоре, на что Марта не обратила никакого внимания. Со мной она обращалась не столько холодно, сколько официально. И я чувствовал себя ужасно. Когда пришло время расставаться, Марта ушла первой. Градов просил меня подождать его у входа, и мне довольно долго пришлось зябнуть, прячась от косых струй дождя под козырьком.

Вечером Градов долго говорил по телефону с разными людьми, с кем-то спорил, кого-то уговаривал. Я тоже пооб-

щался с Шишкаревым, посидел в чате с Димкой и Алисой, своими друзьями из Питера и Екатеринбурга, потом немного поиграл.

После ужина Градов пришел ко мне в комнату и сказал:

– Кит! (Это он уже второй раз так ко мне обратился) – Мне кажется, тебе было сегодня неуютно с маминой заведующей. Чувствуешь себя виноватым?

– Типа того...

– У меня завтра в том районе деловая встреча. Хочешь, поедем вместе? Ты – к ней в гости, а я по своим делам. Если останешься на ночь, приедешь с ней утром, а если нет – позвонишь мне, и мы вместе вернемся.

Я немного растерялся.

– А если они так обиделись, что не захотят меня видеть?

– Так что же, ты так и будешь сидеть, переживать и при каждой встрече не знать, куда глаза деть? Ты же свое отношение к этим людям не поменял?

– Нет, конечно.

– Ну, и дай им это понять. Давай, думай.

Я долго терзался сомнениями, все представлял себе, как дядя Миша откроет дверь, какое у него будет лицо, что он скажет... Заснул, так ничего и не решив. Но когда утром встал, то уже понимал, долго так терзаться не смогу, лучше, как Леша сказал, поехать... Тут я мысленно осекся... впервые я хотя бы и про себя я назвал Градова «Лёшей»!

* * *

Дядя Миша встретил меня так, как будто ничего не произошло. В его комнате папки и книги с закладками, как обычно, грудой лежали на старинном столе, и потому готовить алгебру мне пришлось на кухне. В холодильнике не оказалось для меня, как в прошлый раз, ни мороженого, ни особых пирожных. Марта не звонила домой с работы каждый час. Я просто вписался в их жизнь, и так приятно было чувствовать, что мне, как и раньше, здесь рады.

Я провел у Марты все воскресенье, и приехал с ней прямо в школу к первому уроку в понедельник.

Неприятное событие в подъезде

Началась новая неделя нашей с Градовым... Алексеем... жизни. Слова мамы, «а там видно будет», уже не тревожили меня, как в первый день. Мамин голос в трубке звучал, как обычно, Градов тоже разговаривал с ней спокойно, дверей от меня не закрывал. И тут в нашем подъезде случилось неприятное событие.

В квартиру, где жила тетя Наташа с Оксаной и Джамилей, пришел участковый. Проверил у них документы, а потом за закрытыми дверями вел переговоры с Варварой-Грозой. После этого Варвара поднялась к Доре, в результате чего тетя Галя-французская отпаивала мадам Свижскую каким-то успокоительным отваром.

И в тот же день, когда я возвращался из школы, к нашему подъезду подлетела машина с голубыми полосками и надписью «Охрана». Из нее выскочил трое вооруженных мужиков в касках, бронежилетах и рванули на третий этаж. Но тревога оказалась ложной. Они, как и участковый, встретились со старшей по подъезду и укатили. В квартире на третьем этаже, над «вдовой Куркиной», никто не жил. Хозяйка её в ожидании скорого переезда, уехала к дочке, а квартиру поставила на охрану.

Весь подъезд переполошился. В квартире на первом этаже побывала Галя-черненькая. Узнала, что Оксане предпри-

сано немедленно возвратиться в свою страну, а Джамиле и тете Наташе принести какие-то справки. Что касается мужчин восточного типа, о которых участковый расспрашивал Варвару, то ими были два взрослых сына Доры. Они жили с отцом в Болгарии, но сохранили прописку у матери и приезжали повидаться с мамой и бабушкой. От них тоже потребовались какие-то новые бумаги. Обо всем этом мне рассказала Дора и прибавила, что участкового привел в наш подъезд донос «вдовы Куркиной», а тревога из-за квартиры на третьем этаже – это, наверное, «сбой в системе», а может и тут вдова руку приложила.

Вечером того же дня я зашел к тете Гале-французской, чтобы взять для мамы какой-то нужный ей крем. Они были у нас в подъезде на особом положении: тетя Галя и Симон Александрович.

– А что вы хотите, интеллигенты старой закалки, – говорила Варвара Ивановна.

И я объяснял для себя это тем, что во-первых, они очень старые, а, во-вторых, они в войне с немецкими фашистами участвовали. Тетя Галя школьницей в госпитале санитаркам помогала, а Симон Александрович целый год воевал. Он добровольцем пошел в армию после девятого класса. Ну, и они были кандидатами наук. Тетя Галя – филологических, а Симон Александрович каких-то инженерных. Если у в подъезде возникали общие проблемы, то собирались и обсуждали их все вместе именно в этой квартире.

Когда я спустился на второй этаж, там было настоящее собрание жильцов. В самой большой комнате, которая называлась гостиной, а у Гали-черненькой «залой», за овальным столом сидел Симон Александрович, тетя Наташа, Джамиля, Дора. Варвара-Гроза и плачущая Оксана.

Тетя Галя пошла к себе в спальню, чтобы упаковать для мамы посылочку, а я тихонько поздоровался и устроился на диване у Доры за спиной.

– Разве **Я** в той войне *виноватая*? *То ж* война сама до меня пришла. – всхлипывая говорила Оксана. – А теперь ни хаты, ни работы!

– Милая Оксана, – успокаивал ее Симон Александрович. – Мы с Вами должны спокойно во всем разобраться. Узнаем, какие документы по новым правилам нужно оформлять. Возможно, на работе Вам помогут, ведь они знают Вас не первый год. И еще, я бы, на Вашем месте, подумал о предложении брата. Поезжайте к нему, повидайтесь, может захотите остаться.

– Та дорогой мой Симон Александрович! И буду я у брата на шее. Вы ж знаете, как сейчас в глубинкес работой, – и у нас, и у вас. Вон Наталка и Джамиля тоже не от хорошей жизни на заработки из *дому* приехали.

– Ну так вернешься, – твердо сказала тетя Наташа.

– А комната?! Хозяйка ж ее сдаст!

– Со мной будешь жить!

И так получилось, что охранники с автоматами, полицей-

ский, проверяющий документы у тети Наташи с соседками, анонимный донос на Дору с сыновьями, плачущая Оксана как-то зловеще соединилось в моей голове с тем, что я узнал на днях от Аскольда Сергеевича.

У Соловецкого камня

В тот вечер, 30 октября, Аскольд Сергеевич принес в библиотеку ноутбук и вместо занятий пригласил нас посмотреть прямую трансляцию с Лубянки и послушать, о чем говорят люди, которые пришли в Соловецкому камню.

Шел дождь, было темно. Люди стояли длинной цепочкой друг за другом, женщины с детьми, мужчины с непокрытыми головами. Почти у всех в руках были горящие свечи. Они по очереди подходили к микрофону и зачитывали имена тех, кто погиб после арестов 37 года.

Кроме имен называли профессию или место работы расстрелянных, многие говорили «мой папа, мой дедушка, моя мама»:

«...28 лет, домохозяйка;... 51 год, пастух;... 24 года, моя мама, студентка;... 53 года, сторож артели инвалидов;... 42 года, дьякон;... 77 лет, пенсионерка, не работала, моя прабабушка;... 39 лет, колхозница, бывшая монахиня;... на Бутовском полигоне было расстреляно 2370 человек, 247 человек расстреляли в один день с моим отцом;...70 лет, священник села Солотча, мой дед». Меня поразило, что многим дедушкам не было и сорока лет! Я сказал об этом, а Колян пожал плечами:

– Так они же тогда были только отцами! И даже детей своих вырастить не успели.

Прочитав имена погибших, многие говорили: «Вечная память невинно убиенным, простите нас! И вечное проклятье Сталину и палачам из ЧК». А высокая пожилая женщина прочитала несколько имен с листочка, а потом сказала: «Мой дед был чекистом. Умирая он каялся. Будь прокляты те, кто делал нас убийцами друг-друга».

Через какое-то время Аскольд Сергеевич закрыл ноут и сказал, что списки погибших читают в этот день с утра до позднего вечера уже десятый год и конца ему пока не видно.

– Столько своих людей убили! Зачем?! – спросили Настя и Вика почти одновременно.

– Затем, что это был Большой террор! – буркнул Колян.

– Вот именно, – вздохнул Аскольд Сергеевич. – Большой террор власти против собственного народа. С теми, кто активно сопротивлялся советским порядкам к тому времени уже расправились. В тридцать седьмом убивали в людях саму мысль о протесте. Страхом за жизнь себя и близких. Оттого, кто послабее духом, писали доносы на товарищей по работе или даже на родственников. Надеялись так отвести беду от себя.

Когда Колька узнал, что из шестнадцати маршалов и командармов в 37 году тринадцать расстреляли, а остальных армейских командиров погибло больше, чем во время войны, он спросил:

– А как же мы победили?!

– Ты лучше спроси, **какой ценой**, – ответил Аскольд Сер-

геевич.

– А нам в колледже Зинаида Ивановна говорит, что в советские времена жить было спокойней и безопасней, – сказала Настя.

– И сколько ей лет? – спросил Аскольд Сергеевич.

– Как Вам, наверное, – вмешался Колька.

– Ты что, Колян, тупой? – возмутилась Настя. – Она же еще не на пенсии.

– И что? Молодая она, что ли, – огрызнулся Колька.

– Ладно, ребята, – улыбнулся Аскольд Сергеевич. – На первый раз Вам хватит над чем поразмыслить. А что касается вашей Зинаиды Ивановны, то она ведь росла не в тридцатые годы. А ее родители о страшных временах ей не рассказывали. Но, слава богу, что есть еще и культурная память. Есть дневники и письма, документы в архивах. Я хочу, чтобы вы помнили, если мы не вернем себе правду о том времени, этот ужас может повториться.

И вот я все время думал и думал о том, что сказал Аскольд Сергеевич. Как такое случилось с людьми и действительно ли это может повториться. Но в школе о советском времени вспоминают, как эта Зинаида Ивановна из колледжа. А дома мы с мамой об этом не говорили. Конечно, в моем возрасте всякими мелочами, как в детстве, с родителями не делятся. Но то, о чем я думал, было для меня очень важным. А по телефону и я, и она говорили друг-другу заученно, что у нас «все хорошо». И не известно, как долго это будет длиться.

Фотография из маминого детства

Посылочку от тети Гали Алексей, то есть Градов, передал маме в тот же день. Сказал, что она молодец, врач говорит, ведет себя не как больная, а как мать Тереза. Кому-то читает вслух, кому-то помогает ходить по коридору, а одну старушку кормит с ложечки. Когда Градов об этом говорил, я почувствовал, что он действительно очень за маму переживает и радуется, когда и другие видят, какая она хорошая. Почувствовал, потому что и со мной все это происходит.

Вечером Градов позвал меня ужинать. Я сказал, что не проголодался.

– Идем! Ты забыл, что сегодня я посуду мою? – пытался он пошутить.

Но я впервые не поддался на уговоры, а он в первый раз не очень настаивал. Перед сном принес мне стакан молока: «Может захочется». А когда я уже был в постели, зашел и протянул мне старую черно-белую фотографию.

– Я ваши семейные альбомы пересмотрел. Там твоя мама или совсем маленькая, или почти взрослая. А у меня есть снимок, где она твоего возраста. Вот, «зацени», как вы теперь говорите.

В центре фотографии стояла мама в светлом летнем платье, странных туфлях с перепонкой на пуговице и белых носках. Волосы казались совсем светлыми и были заплетены в

две косы. Одна была за спиной. Слева от нее стоял плотный коренастый мальчик в мятых брюках и темной рубашке с длинными рукавами. Все пуговица на ней были застегнуты. Он тоже был светловолосый. Но у мамы надо лбом казалось играет с ветром пушистое облачко, а у него прямые волосы были как будто аккуратно приклеены к голове. На ногах у мальчика были не по росту большие грубые башмаки. Вот именно не туфли, а башмаки.

Там был еще один мальчишка. Он сидел на велосипедной раме спиной к фотографу. Велосипед был ему маловат, и ноги в чем-то вроде кед прочно стояли на земле. Брюки были коротковатые, а в клетчатой рубахе рукава были разной длины. Похоже кто-то отрезал их на глазок и даже не подумал измерить и подшить. Вот у него на голове было что-то вроде вороньего гнезда, прямо как у нашей Ванды. Грива какая-то нечесаная.

– Витька Огарков своим «Зорким» хвастал, снимал всех подряд. Но я ему не дался, пижону! – сказал Градов с чувством удовлетворения. – А это Павлик.

– У которого «Харлей» был?

– Ну, это пото-ом! А тогда он на автобазе возился с мотоциклом Л-300, сделанным на основе немецкого Люкс-300. Но «Л» на нем уже от слова Ленинград было, а на бензобаке надпись – «Красный Октябрь».

– А Вы тоже мотоциклами увлекались?

– Нет. Я на велике мотался, мяч гонял и в расшибалочку

дулся.

– А это что?

– Детская игра на деньги. Складывали стопкой монетки на земле Решкой вверх. Сперва с определенного расстояния битой, тоже монеткой, старались в эту пирамидку попасть. Везунчик мог докинуть с первого раза, стопка рассыпалась, и он все монетки забирал. А в остальных случаях, пирамидку битой рассыпали и по очереди переворачивали те денежки, что упали решкой, опять же битой-монетой. Если перевернул – клал себе в карман. Я так на школьные завтраки зарабатывал. Потом за эту игру жестко так стали наказывать. Кто посмелее играли тайком, а остальные стали играть в фантики от конфет или редких тогда жвачек.

– И мама в монеты играла?!!

Алексей засмеялся.

– Нет! Ты что! Но судьей однажды была. Это когда шпана ПТУ-шная решила проучить меня за мою удачливость. Там те еще лбы были.

Я приготовился было услышать об этом, но Градов сказал:

– Все. Шехерезада заканчивает дозволенные речи. Спи.

Но тут я не выдержал и рассказал ему о том, что произошло у нас в подъезде. И даже рискнул спросить, а может ли повториться у нас в стране такое время, как 37 год, если «история развивается по спирали», как Колян сказал:

– Успокойся, парень, – ответил Градов, поправляя на мне одеяло. – Как написал Владимир Семенович: «Я думаю, учё-

ные наврала. Прокол у них в теории, порез: развитие идёт не по СПИРАЛИ, а вкривь и вкось, вразнос, наперерез».

Потом добавил:

– Фильмы по сказкам Шварца смотрел?

– Да. «О потерянном времени»... еще что-то.

– А «Дракон»?

– Нет.

– Ну, посмотри или лучше прочитай. Так вот, Дракона уже нет. То есть Сталина и всей этой кагэбэшной своры. А насчет того, может ли всё это «воскреснуть»... У многих Дракон еще остался в голове. И, как говорил славный рыцарь Ланселот: «Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придется убить дракона». Ну а те, кто с драконом внутри, очень любят развлекаться доносами на тех, кто им не нравится. Но ведь твоя «вдова Курочкина» одна такая на весь подъезд, да?

Я подумал, что если Курочкина – это одна шестнадцатая от всех соседей, то среди 140 миллионов человек таких, как она доносчиков, может набраться целая Швейцария. И на этот раз слова Градова меня не совсем утешили.

* * *

Засыпая, я думал, что если сделать фотографию моих друзей, то на месте мамы буду стоять я, вместо лохматого мальчика – Ванда, а Шишкарев заменит странного Павлика, по-

тому что он тоже немного не от мира сего со своей химией. Я все это стал представлять, и, как в кино, все вдруг задвигались, перепутались и куда-то побежали. Я тоже побежал, столкнулся с Воцаковой и схватил ее за рукав: «Анюта, ты куда?» «Ты что, с дуба рухнул?! Контрольная по Петерсону! Пересечение множеств!» У меня внутри все похолодело. Петерсон у нас был классе в третьем, что ли, и я ничего из него уже не помнил. Потом я как будто очутился в географическом кабинете за своим столом, но только вокруг меня были совершенно незнакомые люди. Жесть! То ли я переместился куда-то, то ли мои одноклассники исчезли, даже Воцакова. Тут открылась дверь и... грянул «имперский марш»!

Мужик в капюшоне

Когда мы с Алексеем, то есть с Градовым, одевались, он сказал:

– Слушай, у тебя же сегодня бассейн сразу после школы. Возьми деньги и купи там в буфете что-нибудь. Я уже видел, каким ты приходишь после тренировки. Скоро из брюк выпадать будешь, прозрачный, как человек-невидимка.

Я представил себя синеватым привидением, фыркнул и ответил:

– Там невкусное все или дорогое. А на шоколадный батончик мне хватит.

– Вас в шесть отпустят?

– Это, если ЧП не будет.

– Ладно, разбежались до вечера.

И он действительно побежал в этом своем подобии бушлата со странными пуговицами, пришитыми крест накрест. Он казался мне похожим на куртку героя из книги Майн-Рида «Морской волчонок». Тот мальчик, чтобы его не унесло волной, прижался к бакену и застегнул куртку поверх столба. Как бы наделся на него. Он подумал, что пуговицы, пришитые провощенными нитками к крепкому сукну, его удержат.

В этот раз занятие прошло спокойно. Симыч не зверствовал, но все-равно мы здорово задержались. Из бассейна я вышел с Егором, до метро нам с ним было по пути. В нашей

группе все ребята из одной школы и живут рядом. Исключение я и Егор. Он самый сильный из всех и мечтает работать в МЧС. Когда Семыч ставит нас в пару, у нас неплохо получается: я даю Егору фору в скорости, а он мне в выносливости. Так вот, вышли мы на улицу, и вдруг какой-то мужик в темной куртке с капюшоном на голове меня окликнул: «Никита!». Я оглянулся и подумал, что он, наверное, зовет не меня, а какого-то моего тезку. Но мужик направился прямо к нам.

– Твой знакомый? – спросил Егор.

– Да нет!

– Тогда делаем ноги!

И мы побежали. С нами Семыч каждый раз профилактические беседы проводит, как вечером вести себя с подозрительными типами. Но мужик этот топал за нами, не отставал. Я оглянулся на бегу, а чувак рывком стянул с головы капюшон, и я так и врос в землю.

– Ну, вы даете, спринтеры! – сказал Градов, переводя дыхание. – Я, Никита, куртку здесь рядом купил. Ждал тебя под дождем битый час. В общем, вижу, что сюрприз удался! Вас что тренер каждый раз так задерживает?

Егор вопросительно на меня посмотрел.

– Порядок! Это свой!

– Может представишь нас, – предложил Градов с досадой в голосе.

Я немного замялся, но, как говорится, наступал момент истины, и я решился:

– Егор, это Алексей Николаевич, мой родственник из Новосибирска. Ну, а с Егором мы в одной секции.

– Рад знакомству, молодой человек, – чуть насмешливо сказал Градов. – если вы с Никитой плаваете так же быстро, как бегаєте, то мои вам поздравления.

Егор посмотрел на Градова оценивающе и спокойно ответил:

– Спасибо, мы и в стайеры годимся.

И мне:

– Я пошел, Кит, у меня домашки много. До свидания.

Несколько минут мы стояли молча. Мне было неловко, хотя я и не понимал почему.

– Послушай, Кит, мне после этого стояния под дождем жутко хочется крепкого горячего кофе. Давай в «Шоколадницу» зайдем. Там и для тебя что-нибудь приятное найдется. Что скажешь? – спросил Градов.

Я буркнул типа «можно», мы перешли улицу и вошли в маленькое кафе напротив бассейна.

Голубая птичка детских снов

С мамой или ребятами я часто бывал в «Маке», пару раз в «МУ-МУ», мороженое ели в кафе и один раз Марта собирала всех в маленьком ресторане. Конечно же, приглашение Алексея мне понравилось. Кафе было совсем маленькое, такой длинный узкий зал, похожий на открытую коробку для шахмат. То есть пол там был, как шахматная доска. На стенах в тонких рамах графические композиции. На одной Пушкин в венке из стихов с чашкой кофе в руке. На другой какой-то чудак с загнутыми вверх острыми кончиками усов в компании тигров. Все в кофейных тонах. Градов как-то очень ловко разобрался с нашими мокрыми куртками и занял двухместный столик у окна. Пока ожидали, когда принесут ему кофе, а мне горячий шоколад и блинчики, Градов расспрашивал меня, почему я выбрал такую не очень популярную секцию «экстремального плавания». Я мог бы рассказать, как в Судаче у причала откачивали местного чемпиона по плаванию и его девушку. Они заплыли слишком далеко. Девушка начала тонуть, а чемпион попытался дотащить ее до берега, но скоро и сам пошел ко дну. Спас их парнишка с буксира. Он тогда сказал, выжимая брюки: «Чтобы быстро махать руками в бассейне – ума не надо. Ты научись, по крайности, девушку за буйки не заманивать. А случилось – голову включай, когда человека из воды вынимаешь. Это не

сачок с мидиями». Но ничего этого я не рассказал, а ответил:

– У другого тренера мест не было.

– Мотивация понятная. А этот твой приятель, Егор?

– Он в МЧС собирается работать.

– Ну, это уже теплее.

Когда мы ждали официанта, чтобы рассчитаться, завибрировал мой телефон. Звонила мама. И сразу же куда-то пропало чувство маленького праздника, и появилось чувство стыда. Представилась мама в больничном холле. Захотелось поскорее домой. Разговор, как всегда был коротким, вопросы и ответы обычными. О том, как мы очутились в «Шоколаднице», я пообещал рассказать позже. Градов уловил перемену в моем состоянии. Я это по его взгляду понял. Но дальше этого не пошло, с ненужными расспросами он не приставал. Молча оделись, добрались домой и разошлись по комнатам. Ужинать не стали, только чая выпили.

К одиннадцати я кое-как справился с домашкой и пошел в душ. Когда укладывался в постель, в дверь постучал Градов. Он был только что из ванной и вытирал полотенцем мокрые волосы.

– Всё в душевных терзаниях? – спросил он не то с сочувствием, не то с легкой насмешкой, присаживаясь на край дивана. – Успокойся. Это был рабочий визит в рядовое кафе, и от твоих блинчиков здоровья у мамы не убавится. Вернется домой – пойдете вместе, меню ты уже знаешь. Давай успокойся, а то живешь, как в ожидании конца света. Примеря-

ешь к себе все беды мира.

Я хотел было вспылить, но он прибавил:

– Впрочем, в твоём возрасте я был точно таким же. И умные слова меня не утешали. Так что давай, Кит, поворачивайся на правый бок, закрывай глаза и жди птичку детскую снов.

– Какую ещё птичку? – раздраженно буркнул я.

– Мне так говорили. Прилетает маленькая голубая птичка, машет крылышками и поет на ушки детям песенки, навеивает добрые сны. Тебе о ней не рассказывали?

– Это просто самодеятельность какая-то! – ответил я с возмущением. – К детям приходит крошка Вилли-Винки и раскрывает над ними зонтик. Если черный – никакие сны не снятся, если разноцветный – видишь во сне всякие чудеса!

– Ну ладно, пускай вместе приходят. Может не поссорятся.

Сказал, выключил свет, но не ушел. Я закрыл глаза и стал придумывать, как бы сделать так, чтобы он оставил меня в покое. В комнате было совершенно тихо, только слышно было, как за окном по улице проезжают машины. Я приоткрыл глаза. В коридоре горела лампочка, и я увидел, что Градов сидит, упершись в колени локтями и уткнувшись лбом в скомканное полотенце. Я решил подождать еще немного и... заснул.

Когда я проснулся, за окном было темно, в коридоре по-прежнему горел свет, а в ногах у меня, свернувшись калачи-

ком спал... Градов. Но я на минуту подумал, что это мама. Она так спала, когда я в пятом классе болел корью и трое суток у меня была температура под сорок. И я заплакал. Я не плакал даже в тот день, когда маму увезла в больницу скорая помощь, а Галя-черненькая с третьего этажа уносила к себе ее постельное белье испачканное, как мне показалось, чем-то красным. Вокруг меня было много людей, которые беспокоились за маму и помогали мне, но что-то во мне захлопнулось, и я чувствовал себя замороженным Каем. Это было состояние, о котором я не мог рассказать никому.

– Что? Что случилось? – Градов приподнялся, сделал неловкое движение и скатился на пол. – Ёжкин кот!

Спросонья он не сразу понял, где находится, и суетливо пытался обо что-то опереться или схватиться. И вот, не прекращая реветь, я стал смеяться. Вообще, мне не очень хочется подробно описывать все, что со мной было. Но кончилось это тем, что мы оба пошли на кухню, сделали себе бутерброды и напились сладкого чая. В час ночи! Потом Лёша (это я опять так про себя Градова назвал) дождался, когда я натяну на себя одеяло и сказал:

– Ты это, если что – стучи мне в переборку, хлопай по пузу своего Чубаку.

Сближения и расхождения

Лёша спал не на мамином диване, а на раскладном кресле, которое стояло вплотную к стене, за которой была моя постель. А у меня над головой висело полутораметровое изображение Чубаки и Соло. Эти картинки мы раздобыли на выставке Полиграфмаш, где дежурила Родькина мама, тетя Люся. Небольшие картинки R2-D2 – были у нас всех, Бена Кеноби и Три-Пи-О – только у Родьки, зато у Ванды оказалась целая армия плюшевых мишек.

Раньше все эти картинки помогали мне при всяких школьных передрыгах. Посмотрю на них и чувствую рядом с собой и Соло, и Чубаку, и мне спокойно. А потом, когда случилась настоящая беда, я вообще перестал их замечать. Но с того дня, вернее ночи, когда со мной приключилась позорная истерика, и я стал все чаще называть про себя Градова «Лешей», они опять «вышли из сумрака». Надо сказать, что отношение Марты к «соседу по парте» тоже стало постепенно меняться. В эту неделю они два раза вместе ездили в больницу в неурочное время, как я догадался, чтобы встретиться с маминым врачом. В последний раз я застал их вместе, когда пришел из школы, а Марта и Градов пили чай на кухне. Сразу было видно, что они уже подружились. Меня, правда, немного удивило, что «железная Марта» выглядела растерянной.

Конечно, дом без мамы перестал быть для меня убежищем от всех бед, но теперь, хотя бы какими-то своими переживаниями я мог делиться в нем с другим человеком.

Зато в школе начались неприятности. И начались они из-за Ванды. В школу мы по-прежнему ходили вместе, но вот после занятий Ванда исчезала в неизвестном направлении. Поскольку в музыкалке часто бывали всякие мероприятия, мы с Шишкаревым не заморачивались этой проблемой. У каждого должно быть личное пространство, куда вход без спросу запрещен. Шишкарев изучал способность целлофана пропускать не только молекулы воды, но и красителя. Мастерил дома какие-то целлофановые мешочки, наливал в стаканы и банки растворы красок разной концентрации и вел себя не лучше «безумного профессора Николя». Я занимался своими домашними проблемами. Таким образом, на несколько необычное поведение Ванды мы внимания не обращали. Но, наконец, я заметил, что ее имя что-то слишком часто звучит, когда девицы типа Воцаковой кучкуются на перемене. При этом обязательно упоминали восьмой-«а» или Марка Загорского. Это наша школьная знаменитость. Он учится с Вишневской в одной музыкальной школе и виртуозно играет на мандолине. Я впервые обратил внимание на этот инструмент, когда слушал прикольную песню чере-

пахи Тортиллы из фильма. Спросил маму, на чём ей аккомпанируют, и мама сказала, что это играют на мандолине. Она похожа на половинку груши с хвостиком, на которую натянуты струны. Играют обычно не пальцами, а с помощью маленькой пластинки-медиатора. Есть мандолины, которые изготавливал Страдивари.

Загорского раньше все знали как Марика, но в последнее время он требует от своих почитателей называть его Марком. Вот уж кто никогда не появлялся без галстука-бабочки! Их у него была, наверное, целая «стая», только не «легкая». Мне, конечно, не было бы до него никакого дела, но несколькими днями раньше я с парнями из их класса стоял в очереди за какими-то булочками, и услышал, как эта знаменитость сказала:

– Девки с высоким интеллектом поддаются дрессировке еще лучше.

Когда я слышу такие гадости, то если они не задевают лично меня или моих друзей, я умею сдерживаться и не храню их в памяти. Но в этот раз я насторожился и после уроков попробовал задержать Ванду и спросить, что за дела заставляют ее каждый раз избегать нас с Шишкаревым после школы. Но она отмахнулась и умчалась куда-то на верхние этажи. Тогда я решил дождаться ее в школьном дворе. Шишкареву это показалось чистой воды блажью, и он потопал домой к своему целлофану.

Ждать мне пришлось довольно долго, но, наконец, появи-

лась радостная Вишневская, а рядом с ней эта гадюка с бантиком. И, представьте, он шел, о чем-то рассказывая и размахивая руками, а **Ванда тащила его рюкзак!** На некотором расстоянии от них толкались парни из восьмого и откровенно ржали над Вишневской, но она этого не замечала. И я понял, о ком шла речь в буфете! Так вот, ни минуты не колеблясь, я подбежал к ним, выхватил рюкзак из рук Ванды и швырнул его под ноги солисту на щипковом инструменте. Вишневская, естественно, стала отпихивать меня в сторону, полагая, что я собираюсь врезать Марку по роже. И я бы врезал, но между нами встал здоровый бугай из восьмого. В общем, я загремел! Оттащили меня, а Ванда, ничего так и не поняв, понеслась куда-то за солистом. Но рюкзак свой Марк САМ нес!

На следующий день Ванда на уроки опоздала. Это значит, чтобы со мной не объясняться. А когда я попытался сказать ей, чтобы она не была такой дурой, обозвала меня «диким». Родьке я попытался в двух словах объяснить, что происходит между Вандой и Марком, но он как-то не врубился. Мои слова в его сознание, как краска в целлофановый мешок, проникали слишком медленно. Когда после шестого я попросил Ванду пойти с нами в Дубравку поговорить, она согласилась. Но нормального разговора у нас не получилось. Я же не мог дословно повторить ту фразу, которую услышал от Солиста. А другие слова о том, что Марк дрянь и ее как девочку в грош не ставит, Вишневскую не убеждали. Они, видите ли,

вместе должны на юбилейном концерте выступить, поэтому у них особые творческие отношения. А ее школьная математическая слава тут ни при чем. И что я должен был делать? Я только руками развел.

А Шишкарев, по-прежнему, относился ко всему несерьезно, и заявил мне:

– Ну и пусть эти музыканты сходят с ума! Тебе это надо? Купи слона!

Пускай бы он парням из восьмого предложил забить! Потому что они через день подловили меня, когда я один из магазина шел, и орден под глазом мне подвесили. А я только и сумел одному гвардейцу пуговицу на куртке оторвать. Шишкарев здорово переживал потом, все рвался в восьмой разбираться. Но теперь уж я ему сказал:

– Убейся об стену!

Какой толк в наших подвигах, если Ванда такой глухарь!

Если дорожишь дружбой

Градов нотаций мне в тот день не читал, быстро натер морковку, положил её на носовой платок и велел у глаза держать. И можете себе представить, когда мы с мамой на следующий день встречались, под глазом у меня только небольшая припухлость осталась.

И еще, если бы он меня расспрашивал «почему и за что» меня разукрасили, я бы молчал, как партизан. Но вот он просто мне посочувствовал и я, как маленькая девочка, все сразу ему выложил.

– Если дружбой с Вандой дорожишь, то наберись терпения, – сказал Градов спокойно. – Девочки в вашем возрасте часто ведутся на таких парней, как Марк. Но этот паршивец должен знать, что ваши с Вандой отношения он разрушить не может. А она, по-моему, умная девочка, и очень скоро разберется, что к чему.

А потом добавил печально:

– Ничто не ново в этом мире...

И тут я не выдержал и спросил его о том, что давно хотел узнать:

– А это правда, что деньги, которые Вы маме передали, – это наследство Вашего друга Павлика?

– Да.

– Вы лично продали «Харлей» и разделили деньги попо-

лам?

– Не веришь?

– Нет.

– А мама?

– Ну, вы так художественно все расписали, но она тоже, по-моему сомневается. Марта деньги в сейф положила, на хранение.

Градов ужасно расстроился, и всё это ясно отразилось на его лице.

– Ёжкин кот! Прости, сынок! Но ведь по большому счету – это правда! Пашка действительно официально завещал нам свой «Харлей», который стоил эти злосчастные 700 тысяч! Но не мог же я забрать его у сестры! У нее было трое детей! Так что я стою и буду стоять на своем. Это столько денег, сколько Пашка нам завещал. А ты, парень, ешь пироги с грибами и держи язык за зубами! Кстати, я там грибы жарю, сделаем жаркое. Картошка – за тобой. И это будет по честному.

Я вздохнул и поплелся на кухню чистить картошку.

* * *

В субботу мы были у мамы втроем: я, Градов и Марта. Мама показалась мне, как в первый раз, когда мы с Лёшей... с Градовым... пришли в санитарный день, – в каком-то лихорадочном состоянии. Блестящие глаза, румянец пятнами, а

говорить старалась спокойно. Когда пришло время уходить, мы с Мартой вышли на улицу, а Градов задержался. У автобуса, на котором уезжала Марта, он передал ей листок и сказал:

– С этим нужен Ваш совет, а с остальным я справлюсь сам. Созвонимся в воскресенье.

Я сообразил, что на следующей неделе ожидаются какие-то перемены в мамином лечении, и прямо спросил об этом у Градова. Он увилить от ответа не стал, сказал, как отрезал: «Да, ожидаются». Я, конечно, хотел узнать подробности, но по его тону ясно было, что он больше ничего не скажет. Однако держался Градов очень спокойно, а я уже привык ему доверять и потому больше с расспросами к нему не приставал.

Мы с Шишкаревым развлекаемся

В воскресенье Градов после завтрака укатил по каким-то делам, а мы с Шишкаревым пол дня провели в Дубравке, где была площадка для дрессировки собак. Там и выставки бывают, и конкурсы. Шишкарев позвонил Ванде, он все-таки не верил, что она могла нашей дружбе предпочесть общество Марка. Она ему холодно ответила:

– Спасибо, но у меня другие планы.

Прямо политес! «Другие планы!»

Мы все трое любим собак, но тетя Люся не разрешает Родке ее завести, потому что не хочет за ней ухаживать, когда Шишкарев уезжает к отцу. Ванда живет в коммуналке. А у моей мамы аллергия на собачью шерсть. Поэтому мы часто ходим на площадку, хотя бы посмотреть на собак. Площадка в Дубравке открытая. Только с трех сторон ограждена невысокой сеткой. Но мы, чаще всего, занимаем место «в ложе». У самой сетки растет дуб, у которого нижняя ветка растет горизонтально и низко от земли. Мы на ней устраиваемся, как на лавочке, сидим и ногами болтаем. Я хоть и уверен был, что Ванда с нами не пойдет, но все равно расстроился.

У самого входа в парк нам под ноги попался заслуживший каким-то псом теннисный мячик. Мы погнались друг-другу, и прибежали к площадке все в мыле. Ну просто, как две гончие.

На площадке два тренера занимались индивидуальным обучением ротвейлера и обычной овчарки. «Петя-тореодор» помогал хозяйке приучать к «рукаву» немецкую овчарку. Точнее сказать, он почти безуспешно приучал хозяйку махать перед носом собаки «рукавом», а потом отпихивать его по траве подальше. Но женщина эта, во-первых, из-за брезгливости никак не могла правильно ухватиться за «рукав». А, во-вторых, когда собака его вырывала и он оказывался на земле, пихала рукав прямо овчарке под живот. Ужас, какая бестолковая. Петю называют «тореодором», потому что у него шикарный испанский тренировочный костюм. У второго тренера – Михалыча – костюм старый отечественный, но выглядит неплохо. А испанский как-то быстро выцвел от стирки. Костюмы тяжелые. Нам давали примерять куртки. В прошлом году Петя спросил Ванду:

– Сколько тебе лет?

Она ответила.

– Вот ровно столько в нем килограммов. А бывает и на пару больше.

Ротвейлер был уже в средних классах собачьей школы. С ним пришли пузатый мужик и толстый пацан нашего возраста. Пацан и Михалыч учили Бустера (так пса звали) защищать хозяина по команде «фас», и отпускать, когда кричали «фу». А пузатый мужик снимал все это на камеру. Еще там крутилась девушка с бульдожкой. Этот хулиган старался подбежать и вцепиться в штаны то Пети, то Михалыча безо

всяких команд.

Потом начал накрапывать дождь, и мы побежали ко мне домой. Градов еще не вернулся. Я вытащил из-под кровати мои детские пластмассовые шпаги, и мы немного побесились, изображая битву на световых мечах джедаев. Потом стали метать стрелы с присосками в мишень с рожей Дарт-вейдера.

Когда Градов вернулся, мы выносили террористов в контре. Он постоял за нашими спинами, потом спросил: «Обедали?».

– Не-а, – сказал я, не отрываясь от клави.

– Четверть часа вам на выполнение боевой задачи – и на кухню!

За обедом мы с Родькой до отвала наелись того, что его папаша называет «соусом», а мы с мамой – спагетти с сыром. Впрочем, грязные кастрюля и тарелки тоже нам достались, а Лёша, то есть Градов, как белый человек, лежал и смотрел по телику интересные факты из жизни крокодилов.

– Алексей Николаевич, – спросил Шишкарев с подвохом, – а хотите, мы Вас научим играть... в компьютерные игры?

– Это что, из слоношлепа монстров мочить?

– О, так вы продвинутый геймер?

– Для меня, парни, преферанса хватает, так что резвитесь с лансерами сами.

– А ничего он мужик. – сказал мне Родька, прощаясь – Не

выставляется, но сразу видно, что чувак не простой.

Обида и примирение

Мама позвонила совсем поздно, сказала, что нашла такой уголок, где ей никто не мешает, не напоминает о режиме и можно говорить, сколько захочешь. Но хотя я и смог подробно рассказать ей о том, как мы с Родькой провели день, все равно между нами было расстояние, о котором я не забывал. Она это почувствовала и сказала:

– Чем больше ты мне рассказываешь, тем больше, я чувствую, остается за скобками. Когда я приду, мы все наверстаем. Потерпи, Кит.

Я думал, что мама и с Градовым захочет поговорить, но она сказала:

– Не надо. Мы виделись сегодня.

Меня это задело, и я потом спросил Градова с вызовом:

– А почему Вы мне не сказали, что были у мамы?

Он выслушал меня, а потом после паузы произнес с расстановкой.

– Потому что... у нас с ней... могут быть... свои дела.

Я решил, что имею полное право обидеться и потому дулся на него весь вечер. Он делал вид, что не замечает, но перед сном зашел и сказал примирительно:

– Брось, я отвозил маме кое-что из нужных ей вещей, вот и все. Какие счета! Послушай, у тебя есть что-нибудь из приличного поп-рока? Дал бы мне послушать.

Я немного затянул паузу, а потом ответил, как бы нехотя:

– Но я же не знаю, что Вам нравится.

– Ну, ты с друзьями, что слушаешь?

– А у нас каждый сам по себе.

– Девочка эта, Ванда, вряд ли попсой увлекается. Или...

– Эта девочка от Букстехуде без ума!

– А это еще, что за чудо такое?

– Предшественник Иоганна-Себастьяна Баха!

– Да ну! Уважаю. А Шишкарев?

– Когда от бати возвращается – техно врубает, чтобы на

матери не срываться.

– А ты?

– Я в поиске.

Он присел на край дивана.

– Ты что, еще злишься на меня?

– Да ладно, хотите сайт открою, где масса радиостанций и музыка на все вкусы: хард рок, металл, хаус, техно... Возьмите наушники и можете выбирать, что хотите. Вы мне не мешаете.

– Да это я и сам могу. Мне интересно, что ваше поколение слушает.

– У вас что, других знакомых моего возраста нет?

– Представь, нет. Девушки есть, которым немного за двадцать, но они все больше Стасом Михайловым увлекаются.

Ну, что на это можно ответить. Только посочувствовать. Правда у меня ненадолго появилось желание посоветовать

послушать одну финскую группу, которая ему могла понравиться. «Поэты осени». У них такие мелодии, которые легко запоминаются, хотя совсем даже не примитивные. И тексты не пошлые и без занудства. Я думал ее никто не знает, а оказалось одна песня многим геймерам известна, потому что сопровождает шуттер про полицейского. Называется I t's a late goodbye... Но я, разумеется, притормозил, и сказал:

– Вообще, мне ОСТ-ы нравятся, к Гарри Поттеру, например.

– Ну, этот фильм мимо меня прошел. Показалось, не по возрасту.

– А мы с мамой на все премьеры ходили. А книги Роулинг Вы, тем более, не читали?

– Не читал. Но вот «Властелин колец» или как там – «Братство кольца» – и читал, и смотрел.

– А давайте я Вам первую книгу дам – "Гарри Поттер и Философский Камень". Маме нравится. Попробуйте начать.

* * *

Сам я взял почитать на ночь «Тайную комнату», а когда выключал свет, то повернулся лицом к стенке, и мне было приятно думать, что «за переборкой» Лёша... Градов, то есть, тоже где-то там в Хогвардсе. Мы с мамой также их читали: каждый у себя, но вместе.

Любимый урок

Новая неделя в школе началась с контрольной по географии. Раскрашивали Евроазию, выделяя красным нашу территорию. Потом была химия – рай для Шишкарева! Смешивали, растворяли, отстаивали, выпаривали, превращали круглые бумажные фильтрики в веера, что-то там наливали по палочке!

Тема называлась «Разделение смесей». Ну а затем начался мой любимый урок литературы у нового учителя... И каждый раз я боюсь, что он будет последним, а потом вернется из своего какого-то экстренного отпуска русичка, и все закончится к радости наших отличниц. До этого русичка битых два урока талдычила нам о семейных ценностях на примере «Песни у царе Иване Васильевиче...». А потом пришел Владимир Михайлович Скоробогатов и попросил на следующий урок каждому выбрать и прочитать вслух, можно по книге, какое-нибудь стихотворение Лермонтова. Пол класса с энтузиазмом предложило всеобщему вниманию «Бородино», Шишкарева я вдохновил на «Белеет парус», а сам прочитал «Воздушный корабль».

Владимир Михайлович спросил, знаю ли я, что это не оригинальное стихотворение, а перевод.

– Да. **Очень** свободный, – подчеркнул я.

– А оригинальными текстами Лермонтова на эту тему Вы

интересовались? Если «да», то какое ближе по настроению к «Воздушному кораблю»?

– По-моему, те стихотворения, которые он лет в 15 написал. Там тоже есть что-то мистическое: фигура Наполеона со скрещенными на груди руками у своей могилы на острове Святой Елены.

– Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как ни был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом,

– продекламировал Старобогатов.

Когда после урока я походил мимо учительского стола, Владимир Михайлович меня остановил и спросил:

– Я так понимаю, что с Печориным Вы знакомы.

Не успел я рот раскрыть, как рядом оказалась Анька Вошакова и заявила:

– Его самого Мария Платоновна Печориным называет.

Старобогатов посмотрел на меня с интересом, но тут народ рванул на лабораторную по химии, и меня вынесло в коридор.

Сейчас мы изучаем Некрасова. К прошлому уроку Борька Каретников подготовил презентацию о его биографии. Буба раскопал в каких-то воспоминаниях, что крестьяне так ненавидели отца Некрасова, что через много лет после его смерти, в год освобождения от крепостного права выкопали его череп, надели на палку и с радостными песнями носили по деревне.

– Итак, отец Некрасова был жестокий деспот, но «яблоко от яблони» укатилось очень далеко, – сделал вывод Каретников.

Старбог на Борьку за ерничество не рассердился.

– Вы правы, очень далеко, – подтвердил он. – Николай Алексеевич Некрасов был из тех людей, кто при виде чужих страданий сам испытывает почти физическую боль.

Потом Владимир Николаевич рассказал, что Некрасов произвел революцию в русском стихе. Он стал употреблять много слов и сюжетов, которые раньше не считались достойными поэзии. И, благодаря этому и сложному, трехмерному размеру стиха, изображение жизни в его произведениях стало объемным.

– Это как ЗД? – спросил Шалимов.

– Вроде того, – усмехнулся Старбог. —

Мне он велел вспомнить все стихотворные размеры, двух-

и трех-сложные, и найти два определенных произведения Некрасова. Одно – с таким же названием, как у Пушкина, другое – как у Лермонтова. Добавил, что тексты должны быть нам знакомы по школьной программе. Я взял избранное и быстро нашел у Некрасова «Пророка» и «Колыбельную». Градов прочитал у Некрасова через мое плеч:

Спи, покуда красть не можешь!

\$\$\$\$\$Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,

\$\$\$\$\$Схватишь крупный чин

И вдруг станешь барин важный,

\$\$\$\$\$Русский дворянин.

Заживешь – и мирно, ясно

\$\$\$\$\$Кончишь жизнь свою...

Спи, чиновник мой прекрасный!

\$\$\$\$\$Баюшки-баю

– Ну что ж, Лермонтов бы не обиделся, – произнес Градов.

– Особенно будь он нашим современником, – прибавил он после паузы.

Я раньше не любил уроков, на которых «анализировали» интересные книги. Это было похоже на то, как кто-то неумелый разбирает твои часы на части, а собрать их опять так, чтобы они работали, не может. И вот вместо часов перед тобой лежит кучка непонятных деталей. Но когда таким разбором занимается Старбог, то кажется, что ты и половины

книги не прочитал, столько там между строк написано. Вот и про Некрасова Владимир Николаевич неожиданно для меня сказал, что он «лучший последователь страстного Лермонтова, хотя часто иронически его пародирует, сознательно снижая высокое». Я мысленно послал Градову респект. Мне самому никогда в голову не приходило их сравнивать – Лермонтова и Некрасова! Но я не поленился и посчитал, сколько произведений Некрасова я знаю. Хватило пальцев на руках. Пошел для начала искать на полках серый томик из Всемирной литературы.

В среду мы с Градовым навещали маму без Марты. Она показалась мне усталой и какой-то разочарованной. Из-за того, что в городе было много простудных вирусных заболеваний, никого не отпускали домой на выходные дни. Между тем, она находилась в больнице уже третью неделю. О себе мама почти не рассказывала, но пыталась разговаривать меня о том, что происходит в школе. Я повелся и стал петь гимны Старобогатову.

– У меня тоже хорошая учительница была, – сказала мама задумчиво. – Она дала мне почитать поэму «Русские женщины», отдельной книжечкой. Мы читали ее с мамой вслух, по очереди. Особенно переживали, даже плакали, когда княгиня Волконская спускается в рудник, где работают закованные в кандалы декабристы. Ей офицер кричит, чтобы она вернулась, а она гасит факел и бежит дальше по штольне на звуки молота. И когда друзья мужа приводят под руки Вол-

конского, княгиня падает на колени и целует его кандалы.

Мама грустно улыбнулась.

Потом меня, как всегда, отослали в киоск на первом этаже за минералкой. Я задержался немного, чтобы они могли поговорить, а когда возвратился, то увидел, что Градов держит мамины руки в своих, но похоже было, что не он, а она его утешает. Так все выглядело.

Градов в роли Эскулапа

Неделя прошла в общем спокойно. Шишкарев получал кристаллы йода и раздобывал что-то аммиачное. Сказал, что получит йодистый азот и будет потрясающий эффект. Ванда приходила в школу раньше нас, с Шишкаревым общалась на уровне «дай-возьми». «Солист» и его команда иногда на глазах у меня убывали после школы куда-то вместе с ней. Но на переменах в восьмой класс Ванда уже не бегала. Кира сказала, что проходят последние репетиции перед концертом. Ходят слухи, что ожидается приезд самого Круглова! Это всемирно известный музыкант, который на мандолине играет концерт Баха. Поэтому центральным номером школьного концерта будет полонез Огинского в исполнении оркестра из мандолин, гитар и фортепиано, за которым будет сидеть Ванда. А у Марка особая роль. Он солирует на своей неаполитанской мандолине с какой-то сонатой и аккомпанирует ему сам директор школы!

* * *

В пятницу после занятий в бассейне мы вывалились на улицу всей гурьбой. На выходе кто-то у кого-то попытался выудить из рюкзака не то шоколад, не то печенье. Как всегда

в таких случаях, началась возня и беготня. Я так распалился, что расстегнул куртку, чтобы охладиться, и отдышался только в метро. Утром я никак не мог заставить себя подняться с постели. Градов торопил-торопил меня, а потом положил ладонь мне на лоб и сказал:

– Да тут яичницу можно жарить!

Я отвернулся к стене и опять заснул. Так у меня началось то, что наш районный детский врач назвала ОРВИ. Я думал, что до понедельника отлежусь, но температура никак не падала. Градов отпаивал меня каким-то морсом своего изготовления, а я все спал. В воскресенье он был у мамы без Марты, потому что дядя Миша тоже заболел. Мама составила целый список того, чем и как меня лечить. Я его прочитал и спрятал в щель между стеной и диваном. Градов метался по квартире в поисках списка, ругая себя за рассеянность, а я изображал святую невинность. Во всяком случае от горчицы в носках я был избавлен.

В понедельник температура совсем упала, но начался обратительный кашель. Я выполз на кухню, и мы вместе с Градовым позавтракали. Потом он ушел по своим делам, а я развернул монитор и лежа смотрел «Мир Юрского периода», пока опять не заснул в тот момент, когда из «птичника» разлетались резвые птеродактили. Жаль, что когда пересматриваешь ужастик в пятый раз, все киношные кошмары постепенно превращаются в забавные трюки. Днем Градов вернулся, чтобы влить в меня пинту куриного бульона, и опять

исчез. Вечером он явился не один, а с тем своим другом, который приносил нам от него посылку. Поскольку от каш всех видов и консистенций я категорически отказался, Градов, используя нечто среднее между настойчивой рекомендацией и моральным насилием (я мысленно перебирал в уме все всевозможные словесные определения его действий), напоил меня горячим молоком с растертыми желтками и велел из постели не вылезать. Впрочем, мне и самому этого не хотелось. Он и наш гость, которого Градов называл Генычем, устроились на кухне. Когда я заглянул туда, чтобы налить себе воды, на стуле лежал открытый кейс, а на столе стояли четыре темные бутылки, у которых горлышко было обернуто золотой фольгой. В прошлом году, когда Шишкарев вернулся от своего папаши, он притащил в рюкзаке бутылку такого пива только светлого, которое мы распили в Дубравке утром. Еще он умыкнул у новой жены фазера пачку с четырьмя тонкими сигаретами. Надо сказать, что особого удовольствия от всего этого мы не испытали, но полученный опыт позволял чувствовать себя в теме, когда в классе начинались разговоры о приключениях в летних лагерях.

Катерина приносит странные новости

Ночью я несколько раз заходился от кашля, и каждый раз на пороге оказывался недремлющий Градов с термосом в руке. В результате я проснулся чуть ли не в полдень. Лёши... то есть Градова... не было, а на кухонном столе лежала записка с инструкцией, как мне осуществлять свою жизнедеятельность. Днем вдруг заявила Катерина и с порога протянула мне пакет с мандаринами:

– Это от всех, а от меня – вот, – торжественно объявила она и вынула из кармана пальто шоколад с рыжим другом «Аленки» «Кузей» на обертке.

– Катерина, – сказал я. – Я же тебе говорил, что **НЕ** люблю этот шоколад!

– Я так и знала, что перепутаю, – огорчилась Катя. – Вот помнила, что ты мне о нем говорил, об этом шоколаде. Но забыла – любишь ты его или нет!

– Ладно, проехали! Идем поедим!

– Вам Дора готовит?

– Еще чего! Мы сами! Ну, сегодня Градов, а так – вместе. Давай раздевайся и иди на кухню.

Мама говорит, что угощать Катерину – это как получить приз зрительских симпатий на кулинарном конкурсе. Она

всему радуется, ей все кажется необыкновенно вкусным, а ее тарелки после еды кажутся уже вымытыми. Вот и сейчас бульон – «такой, такой душистый!», курица – «ой, тает во рту», а рис... «просто рисинка к рисинке»! К чаю ничего особенного не было, и Катерина слопала вприкуску половину «Кузи». Он ей тоже очень понравился, и боюсь, что она опять забудет, кто из нас его НЕ любит.

Споласкивая чашки, Катя вдруг замерла и оглянулась на меня:

– Кит, а мы не все съели? Родственнику вашему хватит?

– И еще останется! Он целую курицу сварил!

– Это хорошо. А то он такой заостренный.

– Чего?! Как это заостренный?!

– Ну, это Серафима говорит, что у него профиль... резкий. Я сейчас зашла к Марте Яновне, чтобы мандарины забрать, а они сидят и деньги пересчитывают. И у него лицо такое резкое сбоку. Худое такое лицо.

Я сделал стойку:

– Давай подробней. Что они с Мартой делали?

– Я же тебе говорю: деньги какие-то пересчитывали. Из сейфа. Дверку от него Марта Яновна при мне прикрыла.

«Лечение с развлечением!»

Катерина отбыла, а я стал думать, что же там произошло, для чего деньги понадобились. Позвонил маме: «Абонент временно не доступен». Градов тоже не откликнулся. Но объявился Шишкарев с новостной программой. У него траур: «химоза» заболела и вместо химии математика. Зато Вишневская кайфует. Переслала ему для меня все решения по алгебре. Хорошая такая! Обид не помнит!

Опять позвонил маме с тем же результатом. Градов отозвался, сказал: «Скоро буду». Решил немного порубиться, но не пошло. Нашел по Гуглу вторую часть «Хоббита» и залег слушать. Градов пришел как будто спокойный, но я уже научился понимать, когда его действительно ничего не волнует, а когда он довольно умело гасит в себе тревогу. Сейчас он явно был на взводе.

– Мама не отвечает.

– Мама? У нее все нормально. Я забегал. Велела сегодня поставить тебе горчичники. У них там какой-то прыщ из министерства обход делал, всех в палатах держали, но я на минутку просочился.

Перед сном он запаковал меня во влажные бумажные полотенца, налепил на них горчичники и обвязал маминым платком. Конечно, он сделал это, потому что мама велела, но три недели назад я просто не представлял, что у нас сло-

жаты ТАКИЕ отношения. Мне кажется, что вначале мы с Градовым существовали на равных правах. У каждого были свои проблемы, которые он решал самостоятельно. И были общие заботы. Но вот как-то вдруг так повернулось, что он остался взрослым, а я опять превратился в... Не то, чтобы в несамостоятельного ребенка, но, во всяком случае, в зависимого человека. И, что совсем для меня неожиданно, эта зависимость именно от него меня не очень раздражает. Нет, «раздражает» не то слово. «Возмущает», «досаждает», «злит», «коробит», «не нравится»... и вдруг пришло подходящее слово, и оно было антонимом! «Нравится»! Мне нравилось быть с Градовым «в одной связке». Так он сказал о своем друге Геныче, с которым служил во флоте. Может они еще и альпинистами были, я не знаю.

* * *

Итак, я «запекался под горчицей», а Леша... Градов сидел у меня в ногах и старался развлекать меня разговорами, чтобы я терпел подольше.

– А Вы с мамой в школе познакомились?

– Да нет, еще во дворе. В школу мы пришли втроем, одной командой: Ирка, Паша и я.

– Но Вы же маму не Ириной, а Ариной называете.

– Это началось уже после изучения биографии Александра Сергеевича и объяснения происхождения имен Ири-

на-Арина. Сперва шутили, а потом прижилось. Но она действительно всегда была миротворцем.

– А почему мама говорит, что Павлик был особенным?

– Ну, сейчас многие знают про аутизм. Ты, например, знаешь?

– Я «Человек дождя смотрел» с Томом Крузом.

– Занятно, я бы ответил – с Хоффманом. Так вот, в наше время даже учителя об этом не знали, мы – тем более. Павлик не был типичным аутистом. Он был просто немного заторможенным, молчаливым и держался особняком. Если бы не Ирка, мы бы не сблизились. Тогда вся детская жизнь проходила во дворе. Мы играли в «тарзанку», «казаков-разбойников», «пятнашки» конечно. Павлик стоял или сидел где-нибудь в стороне и наблюдал. Безо всякого выражения на лице. Если незнакомые ребята принимались его задирать, то он в драку не ввязывался, а молча уходил домой. Ему нравилось отцу помогать. Потому двор у нас всегда был чисто выметен. При этом начинал Паша мести всегда с определенного места и продолжал в определенном направлении.

Однажды из гнезда выпал вороненок, и кот схватил его за крыло. Павлик птенца у котяры из пасти вырвал и прижал к себе. Прижал и застыл. Все пытались забрать у него несчастную птичку, но получилось только у Иры. Она пошла с ним домой, а за ней поплелся Павлик. Мама Иркина что-то там птенцу перевязала, и он у них поселился. Вместе с Павликом можно сказать. Клетку для него, кстати, достал отец Павли-

ка, дядя Яша. Я тебе сказал, что он у нас дворником был?

– Мне мама говорила.

– Понятно. Когда вороненок выздоровел, его отпустили на волю, а Павлик остался Иркиной тенью. В школе он, по моему, ни разу у доски ни на один вопрос не ответил, письменные уроки мы с Ирккой за него делали. Но зато со временем у него открылся необыкновенный талант...

– Вау! – заохал я, – Жжется ужасно! Снимите с меня это всё!.. А какой талант?

Градов посмотрел на часы и сказал с недоверием в голосе:

– Неужели так печет?! Семь минут еще осталось. Давай я расскажу про талант, а ты потерпишь.

– Ладно, ладно, давайте!

– Павлик с лету определял почему что-то не работает, любая техника. И, что самое главное, умел все исправить. Велосипеды, транзисторные приемники, часы, а потом мотоциклы и даже газик нашего управдома. Он оставался все тем же чудиком, но чудиком полезным для всей нашей улицы. Особенно радовался этому дядя Яша. Раньше его жалели, называли Павлика «убогим», а потом все говорили, что Пашка «парень чудной, но мозговитый». А однажды Пашка спас мне жизнь.

– Всё! – заорал я и стал сдирать с себя все эти полотенца и горчичники.

Градов спокойно собрал все в кучу, вынес на кухню и вернулся с тюбиком детского крема.

– Ну а дальше, что было. Как он Вас спас?

– Мы когда будем ставить горчичники в следующий раз? Через день? Вот и услышишь, – ответил Градов, старательно натирая мою спину кремом. Кстати, после того, как я отлепил от себя эту дрянь, спину стало жечь еще больше! Лечение называется!

Новые сомнения

Градов принес мне термос, пожелал «спокойной ночи» и выключил свет. Я сразу же заснул, а ближе к утру проснулся от собственного кашля. Напилился теплого чая из термоса и вышел в коридор. На кухне горел свет. Дверь была закрыта, но через стекло видно было, что за столом сидит Градов, а перед ним стоит бутылка и один из тех бокалов, из которых во время домашних посиделок мама и Марта пьют вино. Бутылка была явно не пивная.

«Жесть! – подумал я. – А что, если он анонимный алкоголик. Вот был в завязке, а после встречи с другом возьмется за старое!»

Во время наших с мамой поездок на море я навидался разных пьяных – и буйных и прилипчиво ласковых. И мне стало здорово не по себе. А Градов так о чем-то задумался, что даже голову в мою сторону не повернул, хотя я и воду спускал, и дверью хлопал.

Потом я вернулся к себе. Покрутился немного в постели, но опять заснул.

* * *

Когда я открыл глаза и выполз из кровати, было десять ча-

сов. Градова не было. На кухне лежала очередная инструкция. Я заглянул в буфет – все бокалы были на месте, а бутылки я не нашел ни на полках, ни в мусорном ведре. Кашлять я стал даже больше, чем раньше. Спрашивается, зачем было столько мариноваться в этом горчичном соусе! Я включил комп, принялся просматривать почту и увидел, что Влад из Екатеринбурга наконец разродился летними фотографиями о поездке на Крит.

О ночном происшествии я не вспоминал, и спокойно ждал, когда придет Градов или проявится Шишкарев. Фотографии, присланные Владом, я распределил в две папки. Одна была для мамы с изображением всяких голубых обезьян, синих птичек и красных юношей из Кносского дворца. Другая – для меня с приколами Влада. Кстати, дед называл его Славиком и другого имени не признавал. В приколах Влад снимал свои ноги в разной обуви и без нее в разных местах: на черном песке, на каменной дороге и даже под столом в кафе.

«Мальчики, я скоро буду дома. Я вас очень люблю»

В общем, я оказался редким экземпляром человека без интуиции. Все всегда вокруг меня, если что-то случилось с их близкими, говорили: «Я как чувствовал! Я места себе не находил!» А я в это утро был совершенно спокоен. Вот вечером, когда мама не позвонила и не отвечала на звонки, я все время надоедал Градову с расспросами. Но именно сегодня я не волновался, не вылезал из своей комнаты и беспечно гуглил в поисках интересных фактов о Крите. Есть мне не хотелось, потому что из-за кашля и таблеток меня тошнило.

В пятом часу хлопнула дверь, пришел Градов. Я вышел к нему в коридор и вот тогда-то понял: что-то случилось. У него были такие глаза! Вот я не могу подобрать слова для описания, но мне кажется, что растопку для костра он точно бы зажег взглядом.

– Кит! – сказал он каким-то сдавленным голосом. – Давай сядем!

И поволок меня в мою комнату. Там, не раздеваясь, он рухнул на диван и усадил меня рядом.

– Кит! Послушай! Маме сделали операцию, и она уже проснулась после наркоза! Теперь все будет хорошо! Пони-маешь, сынок? Все будет хорошо!

Я не знаю, как на моем месте вел бы себя нормальный человек, который «так и знал» и «предчувствовал». Но я, как идиот, страшно разозлился и стал орать, почему он не сказал мне об операции раньше. Я даже вскочил, схватил его за плечи и стал трясти. А он глупо улыбался и осторожно старался отвести от себя мои руки. Когда это ему удалось, он вышел из комнаты, а я схватил палку от складного зонтика, которой открываю форточку, и стал лупить ею по своей подушке. Меня хватило не надолго, и я повалился на постель. В квартире было тихо. Я подождал немного и вышел в коридор. Заглянул в кухню – никого. Открыл дверь в мамину комнату и увидел, что Градов лежит ничком на мамином диване и, похоже, уже отключился!

Я подошел, поднял с пола его куртку и ботинки и отнес все в переднюю. Стал звонить маме, но, как и вчера, «абонент...» и так далее. Объявился Родька. Я сказал ему:

– Маме сделали операцию, больше ничего не знаю, а ты в классе не базарь.

И стал ждать, когда Градов придет в себя. А что я еще мог сделать? У дяди Миши грипп осложнился чем-то сердечным, и Марта сидела с ним дома. Если мне не позвонила, значит ничего не знает. Остальные тем более были не в курсе.

Градов вышел из комнаты в двенадцатом часу. В носках, небритый, с помятым лицом – просто бродяга с большой дороги. Заглянул ко мне в комнату, сказал:

– Не спишь?

И, тяжело ступая, направился в кухню. По-моему, он не помнил, что между нами произошло до того, как он уснул. Я пошел за ним. Под чайником металось красноватое пламя, а на его боках с шипением испарялась вода. Потому что Градов, как всегда, забыл про фильтр и наливал воду прямо из-под крана.

– Расскажи подробней, – попросил я, неожиданно для себя называя его на «ты».

– Ну, да. Подробнее, – вялым эхом ответил Градов. – Операцию сделал тот хирург, о котором говорил Гия. Удалось нам его уговорить. Приехал и все сделал отлично, высший класс. Гия сказал. А самое главное, парень, оправдались хорошие ожидания. Понял?

Он поднялся.

– Ты вот что, посмотри за чайником, а я в душ. И еще... горчичники уже завтра, ладно?

Мама три дня была в реанимации. Мобильник у нее забрали, но Леша каким-то образом уговорил сестру, и она передала маме от нас записку и принесла ответ. Мама написала

кривыми буквами:

«Мальчики, я скоро буду дома. Я вас очень люблю».

* * *

Отношения наши с Градовым очень изменились. До этого я к нему обращался, никак его не называя. И вдруг сразу стал «тыкать» и называть Лешей, правда нечасто. Он не только спокойно к этому отнесся, он этому обрадовался. И вот раньше каждый из нас был сам по себе, а теперь мы были вместе. Если бы этого не случилось, не знаю, как бы я справился с неприятностями, которые ждали меня в школе.

«Найди и исправь ошибку!»

Во вторник я получил от детского врача справку и сразу же с Лешей и Мартой пошел к маме. Она была одна в новой палате для двух больных. Ее соседка только что выписалась. Мама уже сидела на кровати и могла недолго ходить. Я думал, что когда мы увидимся, то не сможем наговориться. Но получилось совсем не так. Говорила Марта. Вернее спрашивала. А мне хотелось только держать маму за руку и смотреть на нее. Леше тоже. Правда он все время куда-то убегал и говорил то с палатной сестрой, то с главной, то с какими-то врачами. И все здоровались с ним, как со старым знакомым. Врач Гия сказал, что все хорошо, но выздоровление – это трудная работа, и нужно набраться терпения. Вторник был седьмым днем после операции. Как сказала Марта, критическими считаются третий и седьмой день. И вот, после нашего ухода, у мамы поднялась температура.

Для меня критическим днем оказался восьмой, когда после болезни пришла в школу географичка и проверила наши контрольные работы по Евразии. На уроке она раздавала их по списку в журнале и сразу же заносила туда отметки. Я оказался исключением. Уже дошла очередь до Шишкарева, наконец получила свой тройбан Яковлева, а на меня она даже не взглянула. Потом я понял, что приберегался ею на десерт, но он оказался горьким для нас обоих.

Раздав работы, наша Планетовна отыскала, наконец, меня глазами и сказала:

– Встань, Ивин. У меня с тобой будет особый разговор. Посмотри на свою работу, может ты захочешь что-нибудь исправить. Я разрешаю.

Я взял карту, посмотрел и протянул назад.

– Нет. Я не хочу ничего исправлять.

– Хорошо. Аня Воцакова, возьми у Ивина карту и найди на ней ошибку.

Воцакова довольно долго рассматривала мою работу, время от времени босая недоуменные взгляды на географичку.

– Я тебе помогу. Полуостров на юге России. Каким цветом я просила закрасить нашу стану?

– Красным.

– А каким цветом у Ивина закрашен наш полуостров на юге?

– Розовым.

– Наконец!

В классе поднялся легкий шум: «Крым», «Это Крым», «Он Крым не соединил».

– Так ты понял свою ошибку, Ивин?

Я промолчал.

– Возьми карандаш и исправь. Если нет карандаша, возьми карту домой, завтра принесешь. Тогда поставлю три, а сейчас – точка.

– Я не буду исправлять, Мария Платоновна. Признали

Крым Российским только Казахстан и Абхазия. На всех других картах Евразии он России не принадлежит.

– Ты, ты... – у географички перехватило дыхание. – Ты в какой стране живешь?! Ты где учишься?!

В классе стало откровенно шумно.

– Он бандерам Крым оставил! – загоготал Климов.

– Украм!

Вишневская развернулась в его сторону:

– Климов, закрой гармонь!

Но реакция стала неуправляемой. Стас Гаврилов вбросил кричалку «Никита Крымненашев»! Ее бодро поддержали.

Мне показалось, что географичка такой бурной реакции не ожидала и стала призывать всех к порядку. Но всеобщее веселье так до конца урока и не затихало. Пунцовая от волнения географичка сказала мне, чтобы я нашел ее после уроков. На перемене ко мне подошли Борька Каретников, Ванька Шалимов, Аня Вошакова и еще несколько ребят.

– Ты чё с «графиней» базар развел? Она и так на тебя клыки наточила! – сказал Борька с недоумением.

– Кит, а ты что, и правда «Крымненаш»? – испуганно спросила Аня.

– Правда, – ответил я. – А что вы все всполошились? Я ни у кого ничего не отбирал.

– Ты просто пятая колонна! – вмешался Гаврилов.

– А ты – шестая! – засмеялся Шишкарев.

– И не смешно! – повысил голос Стас. – Пятая колонна –

это против России за Америку!

– Шпион в 7-б! – стал дурачиться Борька.

Но мне было не очень смешно, потому что половина класса вывалилась в коридор, старательно огибая меня, как будто я был заразный.

Мы с Шишкаревым попадаем под раздачу вместе

После шестого урока я отправился искать географичку, а Шишкарев сказал, что будет ждать меня во дворе. Если бы я знал, чем они с Ванькой будут там заниматься, я бы не дал ему уйти. Но в этот день всем нам здорово не повезло. Ванде тоже, но я узнал об этом позже.

Географичку я нашел в учительской. Но она не стала там со мной разговаривать, а повела в свой кабинет. Пропустив меня вперед, Мария Платоновна плотно закрыла дверь и втиснулась за стол в первом ряду. Я остался у доски.

– Вот скажи, Ивин, с чего у тебя такая мания оригинальничать?

Я молчал.

– Мама знает о твоих взглядах? Она, между прочим, работает в го-су-дар-ственной библиотеке. А ее сын не признает Крым частью России! Ты хоть знаешь, что Крым присоединили по воле его народа?

– Референдум в Крыму мало кто признал, – ответил я, чувствуя, что погружаюсь в зыбучие пески, но ничего поделать с собой уже не мог. – только Абхазия, Нигерия, остров Вануату...

– Ивин, прекрати! И вот что, передай матери, чтобы она

пришла в школу. Срочно!

Тут в коридоре раздался какой-то шум, в кабинет заглянул наш трудовик и спросил:

– Ваших террористов сюда вести или прямо к директору?

– Вы о чем, Семен Палыч? – растерянно сказала географичка, приподнимаясь со стула и пытаясь освободиться от повисшего на ней стола.

– Шишкарев и Шалимов – это же Ваши, из 7-б?

– Да-а, а что с ними?

Трудовик зашел в кабинет и втащил за рукав куртки чумазого Родьку. За ним охранник втокнул Ваньку. Через открытую дверь видна была целая толпа любопытных.

При виде парней Планетовна опять рухнула на стул вместе со столом.

– Дверь закрой, – кинул охраннику трудовик.

Тот, не оглядываясь, нащупал ручку и потянул за нее, не заботясь о носах и других частях тела любознательных учащихся.

– Взрыв за школой устроили! Возле пожарной лестницы! Я, понимаете ли, случайно там проходил и вижу сидят эти паршивцы на корточках и над чем-то колдуют. Вот я сразу понял, что это какое-то баловство. Хотел окликнуть, но не успел. Тут как грохнет, и дым пошел! Ну, я туда! Думал, отрывало им головы к чертовой матери! Но вроде целы.

– Взрыв! – отозвался Шалимов с досадой. – Пукнуло слегка!

– Сам ты пукнул! – сказал Шишкарев, защищая свою химическую честь. – Взрыв **был**, но небольшой!

В общем, «террористов» потащили к директору, а обо мне географичка на время забыла.

Высокий суд длился довольно долго. К директору призвали химозу и выясняли состав взрывчатой смеси. Потом, как и мне, Шишкареву и Ваньке велено было привести в школу родителей.

* * *

Дома Градов сидел за накрытым к обеду столом и нервничал, ожидая звонка от мамы.

– Ну, слава богу! У вас что, десять уроков?!

Мама позвонила, когда я домывал посуду (была моя очередь). Температура у нее еще держалась, но была уже не такой высокой, как вчера. Голос у нее был спокойный, и мы с Лешей немного расслабились. О событиях в школе я ему не рассказал, в тайне надеясь, что все рассосется само собой. Не рассосалось. Повезло только Родьке. Его мама, тетя Люся, в школе поохала, выразительно возмутилась его поведением, а дома только и сказала: «СЫночка, ты уж там поосторожней!» А вот меня начали потихоньку чмарить. Откровенно Климов и Шаповалов, а под их прикрытием и те, от которых я не ожидал. Даже всегда немного сонный Борька Каретников. Прижимали к стенке или просто не давали пройти,

долго молчали. Потом спрашивали: «Так чей Крым?» или «Как там твои «Бендеровцы?»» Шишкарев каждый раз помогал мне от них отвязаться. Но вскоре к ним стали присоединяться пацаны из других седьмых и даже девчонки заглядывали в какой-нибудь кабинет, где мы были, демонстративно рассматривали меня и удалялись, хихикая. Это было так вызывающе, что даже Вишневская проснулась и присоединилась к Шишкареву в качестве полу защитника-полу нападающего. Вечером через день после моего разговора с географичкой она позвонила мне и без вступления сказала:

– Кит, Марк дерьмо, но давай к этой теме не возвращаться.

Я ответил «ОК», а она продолжила.

– Мне Шишкарев все о твоей маме рассказал. Ты передай ей от меня привет. А она скоро будет дома?

– Наверное.

– А Градов как? Не жалеешь, что с ним остался?

– С Лешей? Нет, все нормально. А теми лавэ, что он тогда прислал, за операцию заплатили.

Помолчали.

– Я хочу сказать... – слышалось, наконец, в трубке. – я тебя поддерживаю. Во всем. Ты понял?

– Да.

– Тогда адьёс.

– Давай.

На следующий день географичка выудила меня из каби-

нета биологии и грозно спросила:

– Ты матери сказал, чтобы она со мной связалась?

Я представил маму «связанной», «увязанной», «привязанной» к географичке и меня передернуло.

– Что ты дергаешься? Когда она придет?

– Она болеет.

– Грипп?

– Нет, она в больнице.

– Что-о?! С тех самых пор?

Я не ответил.

– Ивин, ты что – заснул? Давно она в больнице?

– Три недели.

– А с кем ты живешь?!

– С дядей. Алексеем Николаевичем.

– Он что, с Украины?

– Почему с Украины?!

– Ну, ты же там всегда отдыхал в каникулы.

– Он из Новосибирска.

– Хорошо, тогда пусть он в школу придет. Завтра же.

Я тащился домой с Шишкаревым и соображал, как рассказать обо всем Градову. Родька молчал, но я чувствовал в этом молчании осуждение. Наконец он не выдержал:

– Какого ты в это влез! Наш он или не наш! Ты как ездил туда, так и сейчас можешь поехать.

– Вот именно. Не было там никаких проблем!

– Зато теперь они у тебя появились!

– Возможно, что и у тебя с твоим азотистым йодом!

Трудовик террористом тебя уже обозвал. А ты еще и со мной, «бЕндеровцем», дружишь!

– Вот засада! Похоже, в одном мой фазер все же прав – чем дальше от политики, тем здоровее.

«В решебник, значит, не заглядывал»

Градов встретил меня в коридоре в своей любимой позе: руки в карманах узких джинсов, голова чуть к левому плечу, взгляд немного насмешливый. Помог мне сбросить рюкзак и отнес его в комнату.

– Давай переодевайся и за стол.

Он теперь ни на какие свои подработки к Генычу не ездил. Был или дома, или в больнице. После обеда Градов сказал:

– Ну что, пообщаемся? Мне классная твоя звонила, просила завтра прийти.

Мы пошли ко мне в комнату, устроились на диване, и я кратко обо всем рассказал.

– Так, – заявил Градов тоном Мюллера из «17 мгновений». – а теперь попрошу с этого места подробней.

Я собрался и постарался все воспроизвести поточней. Градов молчал, никак не выражая своего отношения к тому, о чем я говорил. Но я почему-то не сомневался в том, что он на моей стороне. Наконец я умолк, и пришла его очередь говорить.

– Вот, дьявол, не думал, что придется пользоваться опытом прошлых поколений, – сказал он, вздохнув. – Но отступать некуда и некогда. Мама скоро возвратится домой, и

неприятности ей и Марте не нужны.

– А Марта здесь при чем?

– Кто же поверит, что такие взгляды принадлежат мальчику 12 лет. Конечно же подумают, что ребенок транслирует взгляды взрослых. И выстроится у них такая пищевая цепочка: школьник – МАТЬ – БИБЛИОТЕКА. Вернее наоборот.

– Ну, во-первых, я уже не ребенок, этот возраст в четвертом классе заканчивается. А, во-вторых, всё, о чем я говорил, я в википедии прочитал, без мамы и Марты.

– Прочитал – да. Но полез бы ты туда, если бы взрослые в твоём окружении не говорили об этом. Вот в чем вопрос. Ты ведь слушал не только то, что тебе твоя географичка говорила, но и то о чем, я уверен, были разговоры или даже споры в библиотеке. Между сотрудниками и читателями, между мамой и Мартой. Кстати, как там, в библиотеке, все придерживаются твоего мнения?

– Мама и Марта – да. Серафима, как Шишкарев, считает, что политика не наше дело, а Катерина вообще этим не заморачивается. Есть еще Елизавета Петровна – методист, так она «Крымнаш». А в библиотечном активе я не знаю. Марта запретила затрагивать в разговорах эту тему.

– Итак, в сухом остатке: всякие домыслы твоей классной о том, что говорят сотрудники библиотеки о полуострове в Черном море, надо пресечь на корню, – произнес Градов задумчиво.

– Леша, а знаешь, что дедушка Влада, который в Судаке

живет, сказал о референдуме? Он сказал: «Захотелось му... мудрецам... чужого масла на свой хлеб, а получают лихое время для своих сынов». Это после того, как его соседи радовались, что у них пенсии станут больше. Мне Влад написал.

– Вот **такая** ссылка нам не нужна! Совсем! Это не википедия! А скажи, Кит, если бы отмотать время назад, как бы ты закрасил полуостров?

Я пожал плечами.

– Вообще-то я не думал, что это какой-то особенный поступок. Ну, это как решил задачу и написал ответ. У меня такой.

– А в «решебник» значит не заглядывал. – произнес он задумчиво.

Я не ответил.

Градов провел рукой по моей коротко стриженной голове от затылка до лба и встал.

– А ты, а как ты относишься? – спросил я.

– Догадайся с трех раз, – сказал Градов, широко улыбаясь, и по интонации я понял, что продолжения разговора не будет.

В школе и дома

На следующее утро Вишневская ждала нас с Шишкаревым на перекрестке. Родька существовал в своей реальности и никак не мог простить Шалимову оскорбительную характеристику его взрывчатой смеси.

– Нужно было добавит гидро... (эту абракадабру моя память не удержала!), и тогда йода вполне бы хватило, – бубнил он. – Шарахнуло вполне нормально.

– Молчал бы уже, «безумный Николая»! Хорошо еще, что с тобой был Ванька, а не Кит. На Никиту и это бы повесили!

В школе интерес к моей персоне продолжал тлеть, то разгораясь, то почти угасая. Большинство ребят уже забыло про вопли «географички». Но кореша Климова, по-прежнему, активно пытались разными способами устроить мне неприятности: облили какой-то бурдой в буфете; демонстративно спихнули меня со стула на пол; в гардеробе сорвали с крючка куртку и прошлись по ней ногами. И все это с кричалкой «вали бЕндеровца»! Если рядом не было Родьки или Вишневской, никто не обращал на это внимание. В том числе и учителя. Я отбивался сам. Но сразило меня то, что к числу таких спокойных наблюдателей относился и Старобогатов.

На уроке литературы Шаповалов, возвращаясь после своего бляения у доски, обозвал меня, как обычно, и так толкнул стол, что рюкзак грохнулся на пол. Но Старбог только

поднял на минуту глаза от журнала и опять в него уткнулся. Пожалуй, это было самым обидным. Я не выдержал и рассказал все Градову. Он задумался, потом спросил:

– Сколько твоему кумиру? Лет семьдесят?

Я задумался:

– Во время войны он в школе учился.

– Значит еще старше. Ну, и что ты хочешь от такого старого человека? Он, небось, и на ухо туговат. Забей!

Я засмеялся:

– Смотри, не скажи так при маме! Она сленга на дух не переносит!

А когда ты мне расскажешь, как тебя Павлик спасал?

– Не забыл! Давай занимайся своей домашкой. После ужина поговорим.

* * *

Вечером я услышал, как Градов вышел из квартиры, а дверь не захлопнул. Потом стало понятно, что он позвонил Доре. Меня, конечно же мучило любопытство. Я вышел в коридор и прислушался. Градов к Доре в квартиру не зашел, и разговаривали они на лестничной площадке.

– Я с Вашего листочка все имена переписал и молебен заказала. А Вы сами не хотите к Троеручице приложиться? У нас древний список, намоленный.

– Да я даже толком и не знаю, крещеный ли. Когда мать

жива была, ходил с ней куличи святить. А отцу из-за его партийности об этом знать не полагалось. Но это какие годы были – начало восьмидесятых!

– Ирочка, она может и не воцерковленная, но на родительские всегда записочки подает. И с мамой моей они очень интересно беседуют. Толкование библии обсуждают: Иоанна Златоуста и Феофилакта Болгарского. А мне хватает того, что отец Михаил на проповедях говорит.

Потом у них началось обсуждение денежных вопросов, и я поскорее скрылся у себя в берлоге.

Обычно мама ходила в церковь ставить свечи и подавать записки одна. Бабушка Маня во все это не верила. А я, как Градов, ходил с мамой только куличи святить и «Библию для детей» перечитывал, как мифы Древней Греции. Однажды я спросил у мамы:

– А ты веришь, что Бог точно есть?

– Я скажу, как «тот из народа», у которого сын был болен: «Верую, Господи! Помоги моему неверию», – вздохнула мама.

– Ну, а как это «верить», если точно не знаешь?

– Я думаю, этот нужно чувствовать. Присутствие в твоей жизни Бога нужно чувствовать. Это особый такой дар у человека.

– А у тебя он есть?

– Я пока «Фома неверующий», который хочет уверовать.

– А у меня он будет, этот дар?

– Это ты сам решишь.

Теперь я думаю, что «вера» похожа на мои чувства к маме. Ее рядом нет, но мы как бы вместе. Только о маме мне никто не рассказывал, я ее сам знаю...

Леша выполняет обещание

После ужина я еще раза два напомнил Градову о его обещании, и, наконец, он согласился. Мы забрались на мой диван, и он начал:

– Что ты о Чернобыле знаешь?

– Четвертый блок, взрыв, выбросы радиоактивные, об этом? Наш физик жил тогда под Гомелем, в Беларуси. Так он рассказывал, что из леса вокруг деревни птицы улетели, а деревья пятнами пожелтел и погибли. Людей оттуда вывезли, и женщинам пришлось длинные волосы остричь. Они светилась от радиации.

– Все так. Взрыв в Чернобыле был слабый. Это, конечно, не атомная бомба. Но грязи радиоактивной раскидал в сотни раз больше. И она в облаках раза два облетела наш шарик, и садилась, где хотела. Так вот, батя мой был ликвидатором. Послали его от завода в Чернобыль могильники рыть для радиоактивного мусора. В первое лето после аварии. Многие облученные ликвидаторы пили потом по черному, жестоко. Считалось, что водка – первое средство от радиации. Еще до Чернобыля. Даже стихи были о физиках, которые Высоцкий песней сделал: «истопник сказал – «столичная» – очень хороша от стронция». Но от пьянки психами-то как раз и становились.

Когда батя вернулся, мама была еще жива, и он приклады-

вался к бутылке осторожно. А потом у него сорвало крышу. Он становился буйным, дрался, крушил все вокруг. Вначале меня не трогал, останавливало его что-то. А потом, страшное дело, со всякими предметами типа скалки начинал за мной гоняться! Его забирали в милицию, он приходил в себя, на коленях просил у меня прощения, а потом все повторялось. Родных у нас не было, и я понимал, что еще один привод – и я в детдоме! Потому я старался никому не жаловаться. Ну, и надежда все-таки была: а вдруг отец придет в себя, изменится. Как-то, когда он с собутыльниками заснул, я выбросил недопитую бутылку водки в окно с четвертого этажа и сам чуть не убил участкового. В общем, все шло к какой-то катастрофе. И она случилась.

В ноябре, когда выпал первый снег, батя уже не за палку, а за нож схватился, и я понял, что мне конец. В чем был дома, в том и выбежал на улицу. Дело было поздно вечером, все по домам сидели. Я долго бежал. Кровь в ушах шумела, а мне казалось, что это он мне в затылок дышит. Побежал я к товарной станции. Мы там в прятки часто играли. Нашел сарай-развалюху, не закрытый, спрятался внутри. На полу мешки старые лежали, в которых картошку перевозили. Я в них и зарылся. И навалилось на меня вместе с мешками лютое одиночество! В общем, замерз бы я.

Градов перевел дух, а я стал думать о том, что год назад эти слова про одиночества я бы мимо ушей пропустил. О том, что от этого чувства замираешь, как от ужасного холода. И ни чем от этого не согреться.

– Ну, а финал был счастливый, – заторопился вдруг Градов и стал подниматься с дивана. – Павлик видел, как я в тапочках из дому убежал. Сказал Аришке. Она схватила бабушкину кофту, и побежали они меня разыскивать. Не сразу, но на сараи вышли, а там опять Павлик своим особым чутьем меня среди мешков обнаружил. Напялили они на меня толстую кофту, которая колени закрыла, Пашка носки свои отдал, и притащили к Ирке домой. У них я две недели прожил, спал на раскладушке в кухне, зато сном праведника. И даже не заболел.

– А... отец?

– Лечили его, что-то там зашивали, ампулу какую-то. Но он срывался. Я в дверь своей комнаты замок врезал. А после школы укатил в экспедицию с геологами в устье реки Аргунь. Разнорабочим. Потом во флот ушел на три года. Когда отца не стало, мы с Генычем в море были. Мама твоя батю провозжала. Самая близкая моя родня.

Я долго не мог уснуть после его рассказа. Два раза в кухню выходил воды попить. К моей коллекции папаш еще и

его прибавился! Градов заметил мои «прогулки», пришел ко мне и сказал виноватым голосом:

– Дурак я. Нашел, о чем на ночь рассказывать. Все это быльем поросло. Спи давай.

Градов объясняется с Марией «Планетовной»

Утром Градов спросил:

– В школу теперь как пропускают посетителей – по паспорту? У вас же там охрана.

– Да нет, просто сказать надо к кому или по какому вопросу.

– А где обитает ваша классная?

– У нее кабинет на втором. Но я тебя встречу и проведу. Ты маме не проговорился?

– Нет, конечно.

– Знаешь, географичка быстро сдувается, если думает, что играет в одни ворота. С ней лучше не заводится.

– Посмотрим, – ответил Градов с таким выражением, что я немного заволновался. И, конечно, все шесть уроков места себе не находил и начал жалеть, что ему обо всем так подробно рассказал. Что, если он географичку еще больше разозлит, и все это как-то на маме скажется. И вообще, ведь мог бы я, как Ванда, с учебником не соглашаться, но этот несчастный полуостров закрасить, как надо «графине» для отчета. Вишневская с родителями каждый год в Польшу ездит и в курсе того, что я от Влада и через интернет узнал. Но ей родные на семейном совете сказали: «Отстаивай правду в

своей математике, а за любое несогласие с властью наша семья уже вперед на сто лет заплатила, и у тебя бонус. Повторяй за учителями, что положено, но думай своей головой, и пусть совесть тебя не тревожит». И она согласилась.

Но у меня же нет такой привилегии. Мама говорила, что у нас в роду правдолюбов было много, но неприятности никого до тюрьмы не доводили. Дальше я не стал додумывать.

* * *

После шестого я вытолкал Шишкарева и Ванду со школьного двора, встретил Градова и провел его к кабинету, в котором все было вверх тормашками. Во время дождя вода через трещины в оконной раме залила подоконник, натекла в шкаф с пособиями и намочила обои. На столах подсыхали какие-то книжечки, а пустой шкаф торчал посередине комнаты.

Географичка открыла дверь, они поздоровались, и Градов представился. Пока дверь не захлопнулась, я услышал, как Градов сказал о маме, будто это он договорился, чтобы ее из больницы не спешили выписывать. И еще что-то о своей работе на оборонку. А «графиня» ответила: «Тогда с больницей понятно. А то, знаете, на зарплату библиотекаря в наше время...». Потом дверь захлопнулась, а я пошел в конец коридора и устроился ожидать на лестничной площадке. Время от времени я выглядывал и смотрел, не открылась

ли дверь, за которой «графиня» терзала моего названного родственника. Наконец, я увидел Градова, но сразу за ним не выскочил, потому что по коридору трудовик с кем-то из старшеклассников тащили стенд «Кремль – сердце России». Когда я подходил к кабинету, Градов уже спускался по лестнице, географичка быстрыми шагами удалялась в сторону медпункта, а из ее кабинета вдруг вылетела «тихая девочка Кира» и помчалась вслед за Градовым в раздевалку.

* * *

– Мне кажется, Кит, что я тебя и Ирку от школьных неприятностей в какой-то степени защитил. Но собой не горжусь. Противодействие было равно действию. И сейчас чувствую себя так, как будто надел на себя лицо этой вашей географички, и оно до сих пор на мне, – сказал Градов, стоя у микроволновки, где разогревался наш обед. – Ты спрашивал, как я к этим событиям отношусь? Плохо! Думаю, что мы предали своих друзей и соседей и открыли ящик Пандоры. За патриотический восторг о присоединении курортного уголка уже заплачено войной и сотнями жизней довольно далеко от пляжей. И конца беды видно.

Этих своих взглядов я не скрываю, но не могу советовать тебе делать так же. Потому что уеду и оставлю тебя и маму без своей защиты. И динозавры из «агрессивного большинства» растерзают вас себе на радость!

«Тихая девочка Кира» в роли секретного агента

Больше ничего о своем разговоре с географичкой Градов мне не сказал, и я подумал, что подробностей так и не узнаю. И тут мобильник вдруг заорал голосом Вишневецкой:

– Кит, немедленно выходи на улицу. Шишкарев тоже придет. Есть разговор!

– Мы обедаем!

– Через пятнадцать минут, чтоб явился! Кира еще дома не была!

«Тихая девочка Кира» – так ее географичка когда-то назвала – в нашу компанию не входила, а с Вишневецкой общалась, в основном, в музыкальной школе. Странно было, что из-за нее я должен был торопиться. Но Ванда была в таком запале, что я невольно заспешил и уложился с обедом в четверть часа.

Когда я выскочил из подъезда, то увидел, что ребята стоят на углу и что-то бурно обсуждают.

– Скорее, Кит! – опять стала подгонять меня Ванда. – У Киры память не такая тренированная, как у Штирлица, она завтра забыть может.

– Что забыть? Секретные документы вражеской агентуры? – съязвил я.

– А ты не смейся! Кира помогала «графине» в кабинете убирать, а та забыла об этом и с твоим Градовым при ней разговаривала. Киру же за шкафом не видно было! Давай, Кира, рассказывай!

– *Щас! Щас* соберусь! – начала Кира, глядя куда-то вверх. – Значит, она ему: «У нас в школе уделяется большое внимание патриотическому воспитанию. Ученики будут выступать с презентациями. Чем мы в своей стране гордимся и что должны защищать».

Тут Кира перевела дух:

– Дальше про Кита, что он всегда старается поступать, не как все. Галстук не надевает, говорит, что не собирается быть похожим на офисный планктон. И учебник по географии ему скучный. Всегда подчеркивает, что без него можно обойтись и все узнать из интернета. И вот, чем это для него закончилось. То есть, что Кит обозначил на контурной карте полуостров Крым, как спорную территорию, а не как часть России! Все ребята возмутились, и теперь он в классе, как белая ворона.

А он вдруг так громко: «Вы отдаете себе отчет в том, что сейчас сказали?!» «Графиня» не ответила, только как-то вроде хрюкнула.

Тут Шишкарев заржал, но Ванда стукнула его по голове.

– А он продолжает: «... Я знаю, что министерство образования не предлагает обсуждать на уроках географии в 7 классе геополитику России». И что графиня сама сделала кон-

фликт...

– «Вызвала»...

– Ну! «Сама вызвала конфликт между детьми». Никита, мол, просто любознательный, он узнал, как Евразию изображают на разных картах. Дальше перечислил что-то по-английски. Я только Apple Maps запомнила. Вы, говорит, при вашем опыте, должны были учитывать возрастные особенности подростков. Нужно было разумно объяснить ситуацию, а Вы устроили в классе перебранку. А этого министерство образования от школьных учителей не ждет. Я бы на Вашем месте сделал все, чтобы эта история поскорее всеми забылась, в том числе и Никитой.

– А графиня?

– Бормотала что-то: «Я именно о карте и говорила... я должна была предупредить...могут посчитать экстремизмом... мать в государственной библиотеке...» А он: «Предупредить, я думаю, нужно школьную администрацию о Ваших методах». Потом он четко так попрощался, а она понеслась куда-то из кабинета, даже дверь не заперла. Всё!

– Ну, ты молоток! – одобрительно сказал Шишкарев.

Кира с облегчением вздохнула, как человек, закончивший тяжелую работу.

Нет ничего тайного, что не стало бы явным

Мы гурьбой проводили Киру, а потом и сами потащились по домам.

– Так все-таки, твой дядька «Крымненаш» или нет?! – после долгого молчания спросил Шишкарев. – Я не понял.

– Не тупи, – оборвала его Ванда. – Как бы они с Китом уживались, если бы он был вроде нашей географички!

– Но я же с фазером совмещаюсь!

– Конечно, с твоим нейтральны рН!

– А ты что хочешь? С кислым рН он бы живо меня в соль превратил!

Мы шли через Дубравку. Коричневые листья на дубах еще держались, а клены стояли раздетыми, и золотые иголки лиственниц лежали вокруг темных стволов, как соскользнувшее к ногам платье.

– Кит, помнишь, как я ногу подвернула? – спросила Ванда, когда мы проходили мимо беседки.

Я кивнул.

– Мама скоро будет дома?

– Теперь – да.

– Ты не жалеешь, что Алексей Николаевич приехал?

– Нет, конечно. И я уверен, что не случайно он так вовре-

мя появился. Я спрашивал об этом, а он отшучивается.

– «Случай – псевдоним Бога», – вдруг изрек Шишкарев.

– Родька, в тебя вселился оракул? – засмеялась Вишневская. – Ты вещаешь!

– Отец летом книгу принес по программированию, – буркнул Родька. —

«Паскаль для новичков». Я дальше первой страница не пошел, но там вот это самое и было написано.

– Дашь мне? – вскинулась Ванда.

– Дам, если найду. Кит, а может он вам веб-камеру где-то поставил:

– ДВЕ! – огрызнулся я.

– Значит кто-то из библиотеки по мэйлу настучал. Взломали почту тети Иры и узнали адрес.

И вдруг меня осенило! И взламывать не нужно было! В тот первый приезд Градова мама как-то сказала, что на дверном звонке стерся номер квартиры. Я взял фламик из пенала и пошел рисовать. Когда я возвратился, Градов рассматривал рисунок на крышке. А потом взял у меня из рук фламик и на внутренней стороне пенала написал “agradov@gmail.com: “Вдруг пригодится». Я тогда еще разозлился. Пусть мама ему мэйлы шлет! Мне он зачем! Хотел сразу же стереть, но лень было одеколон искать.

– Вишневская! Мата Хари! Колись! Ты Градову мэйл отослала?!

Ванда, собирающая в опавшей листве желуди, выпрями-

лась, изобразила на лице святую невинность, но отошла в сторону:

– Ты с дуба рухнул?!

Я схватил какую-то палку и погнался за ней:

– Смерь шпионам!

Шишкарев сразу не врубился, но побежал за нами.

Нет, Вишневецкая хоть и не чета другим девчонкам, но притворяться еще как может. Шишкарев и я уже десять раз бы признались. Градов тоже конспиратор! Провидение им руководило! С длинным носом! Которое вечно в моем пенале роется!

Готовимся к возвращению мамы

Мы ожидали маму на следующей неделе, и Градов затеял генеральную уборку. Вымыли не только полы, но и кафель в ванной и кухне, плафоны и люстру, поменяли фильтр в вытяжке, перечистили все кастрюли и сковородки. Потом Градов приволок для мамы новый плед. Наконец он вошел в такой раж, что во время моего отсутствия в эту жуткую погоду перемыл все окна!

* * *

В школе все было по старому. Меня умеренно гнобили, я огрызался, но дальше этого не шло. Даша Вольская со мной больше не заговаривала, но и не избегала. А один раз девочки тащили ее по коридору вперед, а она остановилась в пол оборота ко мне и улыбнулась!

Я начинал надеяться, что географичка действительно не станет обсуждать с мамой мои проблемы. Хотя бы в первое время. Что до наших с ней отношений, то они были скверными, но мне было все равно. Хуже было со Старобогатым. Он стал как будто побаиваться меня. Перестал давать дополнительные задания, не вызывал, как обычно, когда я тянул руку и, как мне казалось, старался даже не особенно

смотреть в мою сторону. Зато, совершенно неожиданно, ко мне стал с особым вниманием относиться физик, которого из-за бороды мы звали Че. Он предложил мне приготовить небольшую презентацию об Архимеде. Я зажегся этой идеей, перерыл весь интернет и первый раз получил по физике пять баллов. Потом на волне успеха я даже задачку в домашке сам решил, чем потряс воображение Шишкарева.

И все-таки главной поддержкой в школе было для меня не внимание Че, а Дашина мимолетная улыбка, которую никто, кроме меня, не заметил. А я все время вспоминал мамин рассказ, и у меня в голове крутилось: Мария Волконская, Екатерина Трубецкая и... Дарья Вольская... Но одно дело страдать за правду в кандалах, а другое – стоять перед Дашей облитым борщом!!!

Откровенные разговоры

После завершения генеральной уборки мы с Градовым посвящали время после ужина разговорам на вольные темы. И я, к своему удивлению, вдруг разоткровенничался. Наверное, потому что, когда я рассказываю о себе ребятам, даже Ванде и Шишкареву, то в самом интересном месте начинается: «А вот я...», «А вот у меня!..» Ну а Градов молчал, и я договаривал все до конца, и совершенно неожиданно на многое начинал смотреть по другому.

Вот хвастался, что рыбаки в Судаче несколько раз брали меня с собой в море на весельной лодке, и однажды неожиданно налетел ветер и поднялась большая волна. Вот если на этом воспоминание окончить, то я выходил героем. Но Градов молчал и слушал так заинтересованно, что я впервые признался, что был тогда ужасно испуган. Меня рвало и несло от страха. Я открылся ему и потом об этом не пожалел, потому что и он признался, что на корабле во время первого шторма с ним тоже такое случилось.

– А ты после этого случая еще ходил в море? – спросил Градов после собственного откровения.

– Да, но при штиле.

– Уважаю! Ну, а у меня просто не было выбора. Боялся ребят подвести и привык.

Потом добавил:

– Трудное время детство... даже самое благополучное. Столько раз загонишь бывало себя в угол, и не знаешь, как выбраться. Но даже самым близким не открываешься. Даже мысли такой нет.

А как эта девочка, Ванда? Помирились вы с ней?

– Ну, да. Вроде этого.

– Так вы опять «три мушкетера»?

– Мы в них никогда не играли. Один я все три книги прочитал. И Атос, например, мой любимый герой, а Вишневской он не понравился. Она говорит: «Помнишь, сколько лет было миледи, когда ее каленым железом прижигали? Не больше пятнадцати! И он её не только не пожалел, но и сам стал вторым палачом! Благородный граф! Никогда бы с ним не подружилась!». А Шишкарева книгу даже не открыл. Она же «толстая»! И ему из всех фильмов больше всего мультик понравился, где мушкетеры – собаки, а гвардейцы – коты.

– Помню, – Градов оживился. – «Пошлите лучших из лучших!» – «Лучшие из лучших – зализывают раны!» – «Тогда пошлите лучших из худших»!

Он засмеялся, а потом продолжил:

– Но знаешь, мне кажется, что ваша любимая троица из Хогвартса да и Соло с Чубакой – все они родом из Дюма, потому что их авторы подростками непременно в мушкетеров играли. Какой там у этой четверки был девиз? «Один за всех, и все за одного»! Круто, по-моему!

Вообще-то я мог бы потешить себя и рассказать, как Ванда разобралась с Марком, но пришлось бы цитировать Загорского. А это было бы гнусно по отношению к Вишневской. Как всегда источником информации была «тихая девочка Кира» – фанатка «Агаты Кристи». Я писательницу имею в виду, а не группу. Первыми, разумеется, услышали от нее эту историю Аня Воцакова, но этого было достаточно, чтобы базар пошел по всей школе.

Кира, как и Ванда, училась играть на пианино, а на репетициях оркестра изображала зрительный зал. Юбилей музыкальной школы был уже на носу, а тут заболела девочка из класса Марка. Струнный оркестр у них маленький. Пять учеников играют на мандолинах и шесть – на гитарах. Так что одной мандолины явно не хватало. Завуч стала упрашивать Загорского «украсить выступление оркестра своей игрой». Марк долго ломался, напоминал, какой у него трудный сольный номер, но потом согласился.

Кира сказала, что он пришел на репетицию, надутый как индюк, и с первых же тактов разошелся с оркестром в темпе. Дирижировала «Суфражистка», преподавательница сольфеджио. Она попросила Марка быть внимательней, но он только губы скривил. И так повторялось несколько раз. Всем начинало это надоедать. «Суфражистка» предложила

Загорскому послушать, как ребята сыграют без него, и затем подстроиться под остальных. Но Марк заявил: «Пусть лучше «остальные» подстроятся под МЕНЯ! Я Огинского еще в первом классе играл!» Учительница остолбенела от такой наглости. И тут, по словам Киры, вмешалась Ванда, которая сидела за роялем. Сказала Загорскому сочувственно, что на первой репетиции всегда трудно. Мол и с ней тоже так было. Но Марк заорал: «Ты еще будешь меня учить, «лось в юбке!» По словам Киры, все замерли, а Вишневская быстро пришла в себя и как крикнет: «А ну, брысь отсюда, хам в штанах!» Гитаристы его и вытолкали. Офигенный финиш!

Чего должен бояться интеллигент

Мама мечтала выписаться в пятницу. Не получилось. Но палатный врач пообещал, что в понедельник ее посмотрит хирург, который делал операцию, и она на следующий день будет дома. В субботу приехала Марта и стала складывать в пакет все, что мама просила принести из одежды, а мы с Градовым места себе не находили, торопили время. Он что-то там затеял на кухне, стал просить Марту пообедать с нами, а для нее суббота и воскресенье самые беспокойные дни в библиотеке. Она ушла, а мы поели и никак не могли разойтись по разным комнатам. Мне хотелось побольше о Градове узнать, и я всю старался его разговорить. Он как будто и не отнекивался, рассказывал много интересных историй, но как-то так, что в центре их были другие люди.

Поскорее бы мама возвратилась! Конечно, прежняя жизнь, в которой самой большой неприятностью была корь во время каникул, уже не вернется. И спокойное существование в школе не предвидится. Самое печальное в школьной жизни это то, что изменились наши отношения со Старобоговым. До него у меня не было такого учителя, с которым мне хотелось бы поговорить после урока. Я вообще не видел в учителях людей. То есть мне было интересно то, что касалось их предмета, а сами они – нет. А с Владимиром Михайловичем мне хотелось бы поговорить не только о литературе,

и не только в школе. И я думал, что тоже ему чем-то интересен. То, что после истории с географией он избегал смотреть в мою сторону не только в коридоре, но и в классе, было ужасно обидно. Градов убеждал меня, что Старбогатов просто старик со своими странностями и о моих проблемах он может и не знать. А вот Шишкарев сказал, как припечатал: «Старбог боится, что если он проявит к тебе сочувствие, то его из школы выпрут. Обычное дело».

– Но ведь на уроке никто за ним не следит!

– Донесут! – уверенно сказал Шишкарев. И на душе у меня стало совсем паршиво.

Владимир Михайлович как-то сказал, что интеллигент, который служит Правде, не должен бояться двух вещей: толпы и тюрьмы. Похоже, директора школы он не учел...

Наши отношения с Градовым тоже стали другими. То, что они с мамой друзья, мне теперь нравилось, и я старался не думать о том, что скоро Лёша уедет к себе в Новосибирск. Пусть бы, как в сентябре, в моей берлоге подольше стояло раскладное кресло.

«Обыскался я твою маму!»

В воскресенье к маме ходил один Градов, относил пакет с одеждой, а домой принес то, что уже не было нужно, и как-то по хозяйски всем распорядился. Я не выдержал и спросил:

– А с кем ты в Новосибирске живешь?

Градов несколько удивился, посмотрел на меня оценивающе, а потом, после паузы, переспросил:

– Ты хочешь узнать, есть ли у меня семья, жена. Так?

– Ну, да, – удивился я, не понимая, зачем он уточняет мой вопрос.

Градов удовлетворенно хмыкнул.

– Семьи нет и не было. Не сложилось. Но монахом я не был, отец Сергей из меня не получился и при искушении я пальцы себе не отрубал.

– А кто такой «отец Сергей»?

– У графа Толстого узнаешь.

– У которого?

– А что, «Золотой ключик» тоже граф написал?

– Да. Мама «Детство Никиты» у него любила. А почему вы так долго с мамой не виделись?

– «Книга судеб-с!» В тот год, когда ты родился, мы в институте мастерские перестраивали, и я по глупости здорово покалечился. Ты через три года на самокате катался, а я еще на костылях ковылял.

– Так я же здесь родился, у бабушки Мани.

– А я что говорю. Когда мы с Аришкой прощались, она мне ни слова о своей тетушке не сказала. Мамы у нее за год до этого не стало. Я думал, она в Питере дипломную по каким-то там орнаментам допишет и вернется домой. А у нее, видишь, вот какой орнамент появился! Да еще и в другом городе.

Градов вздохнул и отвернулся к окну.

– А Мария Ивановна, между прочим, – сказал он через минуту. – не кровная Аришкина тетушка. Обыскался я твою маму!

И добавил с горечью в голосе:

– А она, видите ли, хлопот мне не хотела доставлять.

* * *

Вечером я залег в постель довольно рано, но зачитался. Была почти полночь, когда я вышел попить воды. В маминой комнате горел свет, но Градова там не было. И, похоже, спать там он и не собирался. Кресло сложено, бельё спрятано. Я пошлепал на кухню. Градов сидел за столом с какими-то бумагами и курил при открытом окне.

– Ты что, полуночник? – спросил он насмешливо и сочувственно одновременно.

– Леша, ложись в моей комнате, – сказал я. – Мне как-то одному неуютно. Я помогу тебе кресло перетаскать.

– Ушам своим не верю! Опять слышу у от тебя свое имя, а не местоимение второго лица! Ладно, пей свою воду и ныряй в постель. Я у тебя посижу, – заулыбался Градов.

– Нет, ты нормально спать устраивайся!

– Ничего! Я большой мальчик, мне спать не обязательно.

Я поплелся в свою берлогу, но и он вскоре туда пришел, уселся на край дивана.

– Что-то ветер сегодня разыгрался, – начал он раздумчивым таким голосом. – Нам с тобой здесь хорошо, а каково тем, кто без крыши над головой? Пацан какой-нибудь на вахте сейчас зубами стучит, ждет не дождется, когда в теплый кубрик нырнет. Геологи в «поле»...

– Леша, – засмеялся я, приподнимаясь. – Ты еще про белочек в дупле и лисят в норке расскажи! Может и сам уснешь!

– Ну, парень, тебя на козе не объедешь! – сказал от с деланной обидой и накрыл меня одеялом с головой. Я забарахтался, а когда сбросил одеяло с себя, Градова в комнате уже не было. Я повернулся немного и заснул.

Прощание

В понедельник последним уроком была литература. Ванька Шалимов закончил свою презентацию по биографии Салтыкова-Щедрина и пытался благополучно обойти ноги Климова, выставленные в проход, когда в дверь постучали.

– Да-да, – рассеянно сказал Старбог, отыскивая в журнале чью-то фамилию.

Все были уверены, что это «графиня» с каким-нибудь объявлением, но на пороге появился... Градов. Как мне показалось, в одежде своего друга Геныча, но со своей курткой в руках! Только немного погодя, я сообразил, что костюм другого цвета. Ванда оглянулась и посмотрела на меня круглыми глазами величиной с блюдце. У меня, по-моему, были такие же.

– Добрый день, Владимир Михайлович! Прошу извинить за вторжение! – произнес Градов. – Я – дядя Никиты Ивлева. Вот, срочно вылетаю домой в Новосибирск и буду Вам очень обязан, если Вы разрешите Никите меня проводить.

– Добрый день! – торопливо ответил Старбог. – Да-да! Пожалуйста! Ивин, ты можешь идти.

Я стал запихивать в рюкзак все, что лежало на столе. А Градов в это время подошел к Старбогу ближе.

– Должен Вам признаться, Владимир Михайлович, что, благодаря Никите, стал Вашим заочным учеником. Некрасо-

вым увлекся. Приеду – все перечитаю. Вплоть до биографии. Уж так сложилось, что личной жизнью Бойля и Мариотта мы мало интересуемся. А вот, что до словесников, писателей, то нам всё о них нужно знать. **И что читателю предлагали, и как сами поступали в сложные времена. И, конечно, всех строго судим. Особенно в свои школьные годы.**

Еще раз благодарю Вас за науку и прошу меня извинить, что отнял у Вас время.

И мне:

– Давай Никита!

Я кивнул и под изумленными взглядами одноклассников устремился к выходу. Пробегая мимо Старбога впервые заметил, что руки его в крупных темных пятнах, как у тети Гали-французской, заметно дрожат.

Мы сбежали вниз по лестнице в раздевалку. Натягивая на себя куртку и влезая в ботинки, я попытался выяснить, с чего это он пришел объясняться Старбогу в любви и меня с урока забрал.

– Маму сегодня выписывают?

– Нет. А я действительно к себе улетаю. Геныч сейчас машину пригонит и – в аэропорт.

Я так и замер на корточках с кроссовкой в руках, а потом встал столбом:

– А мама?!?!

– Выходим! Выходим!

Он буквально вытолкнул меня на улицу в расстегнутой

куртке.

– Но мы же готовились! А мама знает?!

– Завтра узнает!

Я остановился.

– Зачем ты уезжаешь? Ты же говорил, что тебя никто не ждет?

Градов тоже резко притормозил и оказался со мной лицом к лицу, и оно у него было таким, как будто я его ударил.

– Не трави мне душу, парень, – сказал он пугающе серьезно. – Сейчас не мой ход, понимаешь?

И я вдруг почувствовал себя действительно взрослым парнем, который должен был сказать что-то важное для нас всех: для меня, мамы и Градова. И знаете что я сказал?! Я спросил:

– А зачем ты так вырядился? – и испугался своей глупости.

Градов воззрился на меня с недоумением, и вдруг набрал в себя воздух, шумно выдохнул и ответил, широко улыбаясь и превращаясь в Лёшу последних дней:

– На девочек твоих впечатление производил! Геныч посоветовал! Нравится?

– Еще чего! Мажор! В джинах и этом... бушлате... в *ты-щу* раз прикольной.

– Тебе, парень, не угодишь. А завтра, приятель, все будет как надо, не беспокойся. Геныч маму привезет и за вами первое время присмотрит.

Когда мы подошли к дому, Геныч в джемпере возился со своим лендрровером. Кивнул мне и стал торопить Градова. Дома я, не раздеваясь, плюхнулся на стул в кухне, а Градов обошел всю квартиру, внимательно осмотрел все полки в холодильнике и сказал;

– Давай раздевайся! Прощаться здесь будем. Я, между прочим, не на край света уезжаю. Буду ждать вас в любое время. Вдвоем или тебя одного, как решите.

* * *

Я молчал. Мы пережили вместе самое трудное для меня время. Мне раньше казалось, что я постараюсь как можно скорее его позабыть. Но теперь понял, что в нем было и то, от чего я никогда не откажусь.

Попрощались без слов. Просто обнялись, и Градов сказал: «Ну, бывай!».

Когда дверь за Лешей закрылась, я увидел, что на вешалке висит его странная куртка с деревянными пуговицами. Я было дернулся, хотел его окликнуть, но притормозил. Ничего же не случится, если я немного в ней похожу.

Когда я подошел к окну в кухне, то увидел, что Геныч натягивает на себя ветровку. Потом он заметил Градова и сделал знак, чтобы Леша садился в машину. Градов потянулся к дверце, но вдруг резко повернул голову влево, как будто его окликнули. Я тоже посмотрел в ту сторону и увидел, что

навстречу ему мчится Вишневская в клетчатой юбке клана Мак-Лауда, а за ней тащится Шишкарев.

Чтобы все эти «соседи по парте» не заметили мою рожу в окне, я быстро отступил назад.